

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1888.

№ 21.

НОВАЯ. — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра 4' и идея священнаго союза (продолженіе); Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	553—580
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе); Свящ. Ф. Вуткевича	581—623
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московскаго духовнаго академіи Петра Цвѣткова	624—634

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Метафизическій анализъ идеальнаго познанія (продолженіе). В. Кудрявцева	381—405
О физиологическомъ методѣ въ психологіи (окончаніе). М. Остроумова	406—413
Разборъ ученія Гартмана объ Абсолютномъ началѣ, какъ безсознательномъ (продолженіе). Н. Глубоковскаго	414—431

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшій манифестъ. — Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ южной Болгаріи для вѣчнаго помяновенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ливні; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Ноября 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І

И
ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Вѣчно памятный день 30 (18) марта, день послѣдней кровавой борьбы и послѣдняго великаго рѣшенія, склонился къ закату. Послѣ короткихъ сумерекъ наступила прохладная, ясная ночь, но она не принесла съ собою обычной тишины и спокойствія. Шумъ и движеніе не прерывались до самаго разсвѣта въ окрестностяхъ Парижа, занятыхъ бивуаками союзныхъ войскъ. Повсюду, на всемъ громадномъ пространствѣ, между Сень-Дени и Монмартромъ, съ одной стороны, Венсенскимъ лѣсомъ, съ другой, на всѣхъ холмахъ и пригоркахъ, во всѣхъ лощинахъ и углубленіяхъ, пылали громадные бивуачные костры, стояли, лежали, сидѣли самыя разнообразныя пестрыя группы. Давно уже, быть можетъ, съ самаго начала войны, разноплеменные солдаты союзнаго ополченія не чувствовали себя такъ хорошо и привольно на бивуакѣ, не проводили такой веселой, полной надеждъ и ожиданій, ночи. Лишь немногіе, утомленные боеви-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 19.

ми трудами и опасностями дня, спали мертвымъ сномъ на землѣ, залитой кровью столькихъ храбрыхъ товарищей, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ своихъ и вражескихъ труповъ ¹⁾. Огромное большинство бодрствовало у костровъ, занятое сначала приготовленіемъ пищи, а затѣмъ шумною бесѣдою за полными кружками вина. А въ винѣ не было недостатка. Во всѣхъ селеніяхъ, деревушкахъ и дачахъ, разбросанныхъ по обширному полю битвы, оказались обильные запасы провіанта всякаго рода, и еще большіе запасы вина. Во всѣхъ жилыхъ домахъ и иныхъ постройкахъ не оказалось къ тому-же ни одной живой души, и никто не могъ, слѣдовательно, помѣшать фуражирамъ. Да о помѣхѣ не могло быть и рѣчи. Со стороны начальства не было принято никакихъ мѣръ для охраны жилищъ и имущества бѣжавшихъ обывателей. Солдаты хозяйничали и распоряжались чужимъ добромъ, какъ своею собственностью, какъ настоящею военною добычею ²⁾. Война праздновала еще разъ, передъ своимъ издыханіемъ, послѣднюю дикую оргію.

Страшный видъ представляли эти мирныя деревушки, эти изящныя виллы и веселые загородные домики, брошенные нѣсколько часовъ тому назадъ своими обычными обитателями и превращенные внезапно въ военные бивуаки. На каждомъ шагу виднѣлись здѣсь слѣды беспощаднаго грабежа, опустошенія, смерти. Тутъ можно было наткнуться на такія сцены, одно воспоминаніе о которыхъ приводило въ не-

¹⁾ Auf den blutigen Tag folgte keine stielle Nacht. Manschwelgte am Bivakfeuer sitzend, wenn der Schlaf den müden Gliedern nicht neben den Leichen der ruhmvoll gefallenen Brüder neue Stärkung brachte, in den Wein-vorräthen, die in den eroberten Dörfern gefunden worden waren, durch sie durch die Siegesfreude und durch die Gewissheit, dass nun alles vorüber Stärkung suchend und findend und harrte ruhig der Dinge, welche der kommende Morgen bringen würde oder träumte auf bartem Lager, bereitet auf dem durch das Blut so vieler Tapferen erkaufen Boden von den Schätzen der eroberten Hauptstadt und von den Wundern, welche sie in ihren Mauern barg. Doch nur Wenigen ward beschieden in feierlichen Zuge geschmückt als Sieger in Ihre Thore einzuziehen, und diese wenigen waren die Garden. Sie hatten tapfer gerungen, wurden aber dennoch um diesen Vorzug beneidet“ Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen v. Würtemberg, т. III, стр. 105.

²⁾ Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 254.

вольное содроганіе, — „Вечерѣло“, рассказываетъ очевидецъ, „и надо было подумать о ночлегѣ. Я поѣхалъ въ Бельвиль, гдѣ солдаты давно уже распорядились по-своему. За отсутствіемъ квартирьеровъ солдаты сами отводили себѣ квартиры и устраивались въ нихъ. Гдѣ двери не стояли отпертыя, тамъ ихъ выбивали. Мои казаки вскорѣ разыскали пустую брошенную дачу. Всѣ окна были въ ней выбиты, во всѣхъ комнатахъ виднѣлись слѣды опустошенія, но все-же домъ могъ считаться обитаемымъ. Казаки развели прежде всего огонь въ каминѣ, а затѣмъ пустились на фуражировку въ домѣ и по погребамъ. Вино оказалось въ изобиліи, отыскались и кое-какіе съѣстные припасы. Для меня было достаточно. Поужинавъ, я расположился на ночлегъ. Приятно было вытянуться на мягкомъ, удобномъ матрацѣ. Опасаться было нечего! съ французами заключено было перемиріе, а нашихъ мародеровъ я не боялся. Казаки мои бивуакировали въ саду. Среди ночи я былъ однако-же пробужденъ дивимъ болѣзненнымъ крикомъ, раздававшимся какъ-разъ около моей постели. Я носнѣшно вскочилъ на ноги, огонь въ каминѣ еще тлѣлъ, и я могъ свободно различать всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ. Все стояло и лежало въ томъ-же порядкѣ или безпорядкѣ, какъ и вечеромъ; нигдѣ не было замѣтно ни одного живаго существа. Но мнѣ казалось, что я слышу стонъ, раздававшійся то тише, то громче. Я навинулъ шивель, взялъ саблю и началъ разыскивать виновника страшнаго, ночнаго крика. Вскорѣ я убѣдился, что стоны выходятъ изъ широкаго большаго шкафа, стоявшаго въ углу комнаты. Я растворилъ дверцы шкафа и увидѣлъ въ немъ спрятавшагося французскаго солдата. Пушечное ядро раздробило ему ногу. Принятый сострадательно обитателями дома, онъ остался въ безпомощномъ положеніи послѣ ихъ бѣгства. Заслышавъ шумъ, поднятый моими казаками, раненый забрался отъ страха въ шкафъ и сидѣлъ тамъ такъ смирно, что никто не догадался объ его присутствіи. Неудобное положеніе причиняло ему, однако же, сильное страданіе, онъ захотѣлъ повернуться, но почувствовалъ при этомъ такую страшную боль, что невольно вскрикнулъ.

Я приказалъ вынуть бѣднягу изъ его засады, уложить его на матрацъ и старался облегчить, по возможности, его мученія. Вино и вода подкрѣпили его, а мои увѣренія, что ему не грозитъ никакой опасности успокоили его оковчательно и онъ вскорѣ заснулъ. Что случилось потомъ съ раненымъ,—я не знаю, такъ какъ въ пять часовъ утра я сѣлъ на коня и покинулъ домъ, служившій мнѣ ночлегомъ“ ¹⁾).

Полковникъ Левенштернъ, герой только что рассказаннаго ночнаго эпизода, отправился изъ своей квартиры по бивуакамъ, рассчитывая найти корпусъ Воронцова, къ которому принадлежалъ онъ первоначально. Но всѣ его поиски оказались тщетными. Послѣ долгихъ блужданій, полковникъ наткнулся, наконецъ, на бивуакъ кирасирскаго полка имени императора Александра, находившійся подъ командою его двоюроднаго брата Карла фонъ-Будберга. Обрадованный неожиданною встрѣчею, Левенштернъ рѣшился остаться пока при полку. Мѣсто, занятое бивуакомъ кирасиръ, было къ тому-же очень удобное для наблюдений, оно находилось у самого шоссе, ведшаго изъ Бонди къ Парижу. Если гдѣ-либо, то именно здѣсь можно было увидѣть не мало интереснаго.

Не успѣлъ еще обмѣняться Левенштернъ нѣсколькими словами съ собравшимися вокругъ него офицерами, какъ на шоссе со стороны Бонди показалось нѣсколько придворныхъ роскошныхъ экипажей. То были экипажи, нарочно заказанные Наполеономъ для особенно парадныхъ случаевъ. Еще недавно въ нихъ красовались великіе сановники имперіи и прелестныя придворныя дамы; теперь въ нихъ возсѣдали депутаты добраго города Парижа, возвращавшіеся съ аудіенціи отъ императора Александра. Вотъ кареты поравнялись съ кирасирскимъ бивуакомъ. Красное пламя бивуачныхъ костровъ бросило свой отблескъ на мишурную позолоту экипажей, на хрустальные стекла и освѣтило самодовольныя, почти веселыя физиономіи возсѣдавшихъ въ каретахъ депутатовъ ²⁾. Очевидно,

¹⁾ Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 255—256.

²⁾ „Ihre Mienen drüntен Zufriedenheit und Freude aus, und Sie hatten volle Ursache dazu“. Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 257.

эти господа остались чрезвычайно довольны результатами своей поѣздки въ Бонди. На ихъ лицахъ не замѣтно было и тѣни патриотическаго горя, вызваннаго столь неожиданнымъ и полнымъ торжествомъ враговъ Франціи и ея императора. Они находились всецѣло подъ обаяніемъ чарующей личности своего великодушнаго побѣдителя, а вѣрная и скорая перспектива мира и спокойствія заглушала въ ихъ сердцахъ всякія иныя чувства и тяжелыя воспоминанія.

Кареты съ депутатами скрылись въ туманной дали ранняго утра. „Навѣрное будетъ миръ и конецъ войнѣ“, подумали невольно русскіе офицеры, „иначе эти господа не высматривали-бы такъ весело и самодовольно“. Мысль, промелькнувшая разомъ во всѣхъ головахъ, не замедлила выразиться въ массѣ замѣчаній, восклицаній и подходящихъ разсужденій. Въ группахъ офицеровъ шла самая оживленная бесѣда. Близкій миръ, конецъ этой страшной войны придавали всѣмъ и каждому какое-то особое, небывалое, давно не испытанное ощущеніе чего-то радостнаго. Время уходило незамѣтно. Стало совершенно свѣтло. Шумъ и движеніе войскъ въ лагерѣ возрастали съ каждою минутою,—какъ вдругъ вниманіе Левенштерна и его собесѣдниковъ обратилось на небольшую группу всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ изъ Бонди. Изъ ихъ среды выдавался какой-то французскій генераль, ему сопутствовали нѣсколько русскихъ офицеровъ и казаковъ и французскій трубачъ, очевидно, составлявшіе его конвой. Когда всадники поравнялись съ кирасирскимъ бивуакомъ, то Левенштернъ, хорошо знавшій въ лицо Коленкура, не замедлилъ признать въ главномъ изъ нихъ столь хорошо извѣстнаго всѣмъ, хотя по имени, Наполеоновскаго маршала—дипломата. Немедленно сообщилъ онъ свое открытіе стоявшимъ вблизи офицерамъ и глаза всѣхъ устремились на Коленкура. Вся его фигура и выраженіе лица представляли собою полный контрастъ только что промелькнувшимъ передъ бивуакомъ самодовольнымъ фізіономіямъ депутатовъ добраго города Парижа. Маршалъ былъ видимо подавленъ тяжестью только что пережитаго имъ момента. На его лицѣ выражалась не столько глубокая скорбь, сколько какая-то растерян-

ность. Видимо, онъ не могъ прійти въ себя отъ гнета неслыханныхъ, внезапныхъ впечатлѣній. Разсѣянно, безучастно озирался онъ вокругъ, какъ будто не понимая окружающей его дѣйствительности ¹⁾. „Видно, дѣла Наполеона стоятъ плохо“, замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ. „Если и будетъ заключенъ миръ, то во всякомъ случаѣ не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ“. Никто не могъ возразить на эти слова, но взоры всѣхъ какъ-то невольно остановились на бѣлой повязкѣ, красовавшейся на рукахъ всѣхъ союзныхъ воиновъ. Бѣлый цвѣтъ—цвѣтъ Бурбоновъ! пришло вдругъ многимъ въ голову ²⁾. Правда, еще вчера объявлено было чуть не оффиціально, что бѣлая повязка не имѣетъ никакого отношенія къ старой французской династии, но вѣдь оффиціальныя объявленія не разъ оказывались уже не точными.

Между тѣмъ движеніе среди бивуаковъ усиливалось съ каждою минутою. Части войскъ, предназначенныя къ вступленію въ городъ, спѣшили занять опредѣленные для нихъ мѣста. Говорили, что вотъ-вотъ должны выѣхать изъ Бонди императоръ Александръ и король прусскій съ своею многочисленною свитою. Все было въ напряженномъ ожиданіи этого торжественнаго момента, но время проходило, а государи не показывались. Лица, располагавшія собою и не

¹⁾ „Er sah niedergeschlagen und zerstreut aus; offenbar umgab ihn eine Gegenwart die er sich nicht gedacht hatte“. Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 257.

²⁾ Бѣлая повязка невольно наводила на подобныя мысли. Въ запискахъ артиллериста мы читаемъ: „я подѣхалъ къ французскимъ кавалеристамъ, по которымъ только что стрѣлялъ; они были красиво одѣты въ свѣтло синихъ мундирахъ и въ высокихъ куньихъ шалкахъ. „Здравствуйте, господа!“ сказалъ я имъ. Война кончена!“—„По несчастью она кончилась“, отвѣчалъ офицеръ; „но будетъ-ли это къ лучшему для французовъ?“—„Мы увидимъ это послѣ; скажите, гдѣ вашъ императоръ Наполеонъ?“ Такой вопросъ имъ не понравился и другой офицеръ спросилъ меня: „что значитъ эта бѣлая перевязка у васъ на лѣвой рукѣ?“—„Это знакъ союза всѣхъ войскъ, воюющихъ противъ Наполеона, и также это цвѣтъ французской лиліи; не правда-ли?“ Но французы стали меня окружать, а потому я, опасаясь нечаяннаго илѣна, сказалъ имъ adieu, и ускакалъ къ своимъ“. Эта сцена происходила 19-го марта, тотчасъ-же по заключеніи перемирія. Записки артиллериста, Т. III, стр. 120.

прикомандированныя къ опредѣленнымъ частямъ войскъ, или случайно отбившіяся отъ своихъ, подобно Левенштерну, спѣшили воспользоваться этимъ промежуткомъ, чтобы разсмотрѣть поближе распростертую у ногъ ихъ непріятельскую столицу. Удобнѣе всего можно было видѣть Парижъ съ позицій второго русскаго корпуса придвинутыхъ къ самой Пантенской заставѣ и близъ лежащей части городской ограды. Левенштернъ и другіе офицеры немедленно поспѣшили туда. Взобравшись на пригорокъ, они впились глазами въ картину міроваго города, залитую яркимъ весеннимъ солнцемъ и лишь слегка подернутую прозрачною синеватою дымкою утренняго тумана.

Нельзя сказать, чтобы зрѣлище новаго Вавилона вызвало порывъ восторга со стороны русскихъ наблюдателей. Первое впечатлѣніе было скорѣе всего похоже на разочарованіе. Передъ глазами отрывалась обширная долина Сены, изрѣзанная тамъ и сямъ яркими излучинами рѣки. Почти вся эта долина, насколько можно было обвѣнуть ее взглядомъ, представляла одну сплошную, сѣрую массу зданій. Повсюду виднѣлись однѣ крыши плотно сомкнутыхъ домовъ; нигдѣ не замѣтно было зелени, пестраго разнообразія башенъ, колоколенъ, куполовъ. Надъ грудями нагроможденныхъ зданій возвышались явственно и величественно лишь повлащенный куполь дома инвалидовъ и двѣ высокія, стройныя готическія башни собора Парижской Богоматери. Было что то чуждое, неприглядное для русскаго сердца, въ этомъ громадномъ городѣ. „Нѣтъ, наша Москва, выжженная и ограбленная французами, была не меньше этого пресловутаго Парижа“, говорили между собою офицеры „и притомъ гораздо красивѣе, величественнѣе его. Что значать эти одинокія башни, теряющіяся среди цѣлаго моря зданій, передъ сотнями повлащенныхъ куполовъ, соборныхъ главъ, воздымавшихся надъ нашею древнею столицею, передъ бѣлыми стѣнами и башнями Кремля, уцѣлѣвшими и теперь на зло Наполеону и „его минерамъ“. „Погодите!“ возражали имъ другіе, горѣвшіе очевидно нетерпѣніемъ упитыся до дна прославленными чарами столицы Франціи. „Парижъ откроетъ

намъ свои чудеса и красоты, когда мы проникнемъ въ его стѣны!“¹⁾).

Отъ картины вражеской столицы вниманіе праздныхъ наблюдателей невольно обращалось къ шумной жизни, кипѣвшей среди бивуаковъ второго армейскаго корпуса. На долю, впрочемъ лишь немногихъ избранныхъ изъ этихъ храбрецовъ, выпала честь перваго вступленія въ Парижъ. Еще на зарѣ герцогъ Евгенийъ получилъ приказъ отъ Барклая-де-Толли отрядить въ городъ 1000 человекъ, и занять зданіе городской ратуши. Такое распоряженіе вызвано было, безъ сомнѣнія, тою выдающеюся, роковою ролью, которую выполняло это зданіе въ эпоху всѣхъ парижскихъ революціонныхъ смуть, но оно было обусловлено такими формальностями, что всякій другой, на мѣстѣ герцога Евгенія, отказался бы отъ его исполненія. Барклай требовалъ, чтобы всѣ люди, отражаемые въ Парижъ, были обмундированы прилично и чтобы въ средѣ ихъ отнюдь не было оборванцевъ. Всѣ люди должны были имѣть сапоги, и свои собственные русскіе, а не французскіе, снятые съ убитыхъ непріятельскихъ солдатъ, мундиры. Отдавая подобное приказаніе, Барклай исполнялъ только волю высшей власти, хотя онъ не могъ не знать, что во всемъ второмъ армейскомъ корпусѣ не было ни одной пары цѣлыхъ сапогъ и ни одного мундира. Эти геройскія войска, совершившія весь походъ отъ береговъ Оки до береговъ Сены, принимавшія участіе во всѣхъ безчисленныхъ битвахъ этой безпримѣрной войны, сохранили всецѣло свою бодрую воинственную осанку, но по своей внѣшности они скорѣе походили на шайку разбойниковъ или цыганъ, нежели на дисциплинированное войско. Въ рядахъ второго корпуса можно было встрѣтить людей одѣтыхъ въ французскія крестьянскія блузы, въ женскія кофты, въ капуцинскія рясы; огромное же большинство щеголяло въ французскихъ мундирахъ, снятыхъ съ убитыхъ непріятельскихъ солдатъ на поляхъ сраженій подъ Арсисомъ на Обѣ, при Феръ-Шампенаузѣ и подъ Парижемъ. Сапогъ во всемъ второмъ корпусѣ

¹⁾ См. записки артиллериста, Т. III, стр. 123—124.

не полагалось вовсе. Солдаты ходили по большей части въ деревянныхъ башмакахъ, или плелись босые, обернувъ израненныя ноги въ тряпицы. Это былъ настоящій пестрый маскарадъ, только бѣлыя повязки на рукѣ, да сосновыя вѣтки, воткнутыя въ кивера, по распоряженію герцога Евгенія, показывали, что эти сожженные солнцемъ и вѣтромъ, закаленные въ столькихъ битвахъ, ветераны принадлежали къ одному и тому же отряду и составляли часть громаднаго союзнаго ополченія ¹⁾.

Евгеній ни мало не затруднился исполненіемъ приказанія главнокомандующаго. Онъ увѣдомилъ Барялая, что изъ второго корпуса вступать въ Парижъ только „чистыя русскія сердца“ ²⁾, приказалъ выбрать изъ своего отряда наиболѣе отличившихся солдатъ, совершенно не обращая вниманія на внѣшній видъ. Колонна въ 1,000 чел. сформирована была въ теченіи какого нибудь часа; не трудно было выбрать храбрцовъ тамъ, гдѣ всѣ были таковыми. Самъ герцогъ сѣлъ на своего боеваго коня и повелъ отрядъ черезъ Пантенскую заставу въ городъ. Впереди шелъ хоръ музыки Волынскаго полка. Всѣ тротуары, всѣ окна и самыя крыши домовъ были покрыты народомъ. Съ изумленіемъ смотрѣли парижане на эту горсть чужеземцевъ, шагавшихъ такъ смѣло по мостовой ихъ великаго города. Общее вниманіе обратилось на герцога, ѣхавшаго впереди своихъ солдатъ. Кто-то шепнулъ, что это самъ императоръ Александръ и толпа, давно уже горѣвшая желаніемъ увидѣть вѣнценоснаго вождя соединенной Европы, вдругъ разразилась шумными восклицаніями удивленія и восторга. Оваціи росли по мѣрѣ того какъ отрядъ подвигался впередъ. Тогда Евгеній, не желая вводить въ заблужденіе парижанъ, повернулъ своего коня и сдѣлалъ

¹⁾ Nur unsere unermesslich hohen Fichtenreiser auf den Czacos und die weisen Binden um den rechten Arm unterschieden uns von den Franzosen“. Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, T. III, стр. 115.

²⁾ „Der Prinz versicherte: es würden vom 2-te Corps lauter russische Herzen in Paris einrücken“, und dieses Wort genügte unserm Feldmarschall Barklay de Tolly, dessen ängstlicher Fürsorge wir die Klausel zu verdanken gehabt hatten“. Aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, т. 3, стр. 115.

команду старшему офицеру, поскакалъ обратно къ Пантенской заставѣ ¹⁾. Герцогъ терпѣть не могъ какихъ-бы то ни было овацій. Къ тому-же цѣль его была достигнута. Онъ убѣдился въ мирномъ настроеніи жителей Парижа и хорошо зналъ теперь, что занятіе городской ратуши обойдется безъ всякаго затрудненія и помѣхи.

Между тѣмъ въ союзномъ лагерѣ окончены были всѣ приготовления къ торжественному вступленію въ столицу Франціи. Отряды войскъ, долженствовавшіе принять участіе въ церемоніальномъ шествіи, расположились въ указанномъ имъ порядкѣ. То были, говоря сравнительно, немногіе счастливцы. И какъ всегда бываетъ на свѣтѣ, такъ и теперь, парадировали не тѣ, которые вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кампаніи, а лишь отборныя войска, сбереженныя и выхоленныя по мѣрѣ возможности въ теченіи всего похода. Войска, назначенныя къ вступленію въ городъ, состояли изъ прусской и русской гвардейской кавалеріи, изъ всей русско-прусской гвардіи, гвардейской артиллеріи, изъ шести баталіоновъ австрійскихъ гренадеръ и изъ одного пѣхотнаго виртембергскаго полка ²⁾. Почти всѣ эти части принимали, правда, участіе въ послѣднихъ битвахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, прусская гвардія, понесли даже тяжелыя потери, но за то, благодаря постоянной заботливости начальства, тяжелыя труды, невгоды и лишенія походной и бивуачной жизни почти не коснулись этихъ отборныхъ отрядовъ. Все въ нихъ и люди, и лошади, и аммуниція, и вооруженіе, носило праздничный, парадный видъ. Превосходная дисциплина, царствовавшая въ ихъ рядахъ, внѣшняя выправка, доведенная до высшей степени совершенства, красивый подборъ людей и коней, все это должно было производить самое блестящее и притомъ внушительное впечатлѣніе. Людоѣды, татары и санкюлоты, собранные, по словамъ Напо-

¹⁾ Aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, т. III, стр. 115.

²⁾ По словамъ Плото, въ вступленіи участвовалъ и отрядъ баварцевъ; число всѣхъ войскъ, вошедшихъ въ Парижъ, доходило до 35,000 человекъ. Плото, Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. т. III, стр. 418.

леона, изъ глубины азіатскихъ степей и глухихъ мѣстностей Германіи, должны были поразить парижанъ, избалованныхъ блестящими военными зрѣлищами, не только своимъ геройскимъ, воинственнымъ видомъ, но и своею элегантною внѣшностью.

Около восьми часовъ утра, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бонди въ сопровожденіи небольшой свиты. Государь ѣхалъ на великолѣпной свѣтло-сѣрой лошади, подаренной ему когда-то Коленкуромъ. Роскошный бѣлый султанъ рассыпался по его шляпѣ; онъ былъ одѣтъ въ парадный мундиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Проѣхавъ съ версту, государь встрѣтилъ короля прусскаго и, дружески поздоровавшись съ нимъ, направился къ построеннымъ вдоль шоссе войскамъ. Осмотрѣвъ гвардейскую пѣхоту и пропустивъ мимо себя прусскую и русскую легкую гвардейскую кавалерію, назначенную идти въ головѣ шествія, императоръ двинулся впередъ къ Пятенской заставѣ. Онъ ѣхалъ рядомъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ и въ былые, еще столь недавніе дни торжественнаго вступленія въ Бреславль. А между тѣмъ, какая равница между этимъ и тѣмъ временемъ! И тогда вокругъ монарховъ гремѣли шумныя, радостныя восклицанія, но въ этихъ восклицаніяхъ, выражались тогда лишь надежды на темное, пока еще будущее. А теперь! Все было достигнуто сверхъ всякихъ надеждъ и ожиданій. Господь услышалъ горячія, слезныя молитвы милліоновъ! Союзныя знамена увѣнчаны были неувядаемыми лаврами. Давно призываемый, столь страстно желанный миръ, готовъ былъ спуститься на измученное, истерзанное человечество. Что переживалъ въ эти минуты главный виновникъ столькихъ чудесныхъ побѣдъ, столькихъ неслыханныхъ спасительныхъ переворотовъ? Вспоминалъ-ли онъ въ эти минуты поворотъ Аустерлица и униженіе Тильзита? Подымался ли передъ его духовными очами образъ пылающей Москвы? Или-же душа его полна была иными блестящими и свѣтлыми картинами закончивающейся тяжелой борьбы? Кто можетъ дать отвѣты на подобные вопросы? Указываютъ, правда, на современныя свидѣтельства, характеризующія настро-

еніе императора Александра въ моментъ величайшаго торжества всей его жизни. Утверждаютъ, что Александръ находился въ этотъ моментъ подъ обаяніемъ своихъ успѣховъ, что онъ кичился своими побѣдами, и что проводя параллель между собою и своимъ падшимъ великимъ противникомъ, онъ говорилъ, самодовольно улыбаясь: „А что скажутъ теперь въ Петербургѣ? Вѣдь право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простачкомъ“¹⁾.

Оставляемъ эти и подобные имъ рассказы на отвѣтственности ихъ авторовъ. Стоитъ лишь заглянуть въ правдивые и написанные подъ впечатлѣніемъ минуты свидѣтельства очевидцевъ, чтобы убѣдиться въ крайней недостовѣрности такого рода домысловъ. Характеръ Александра былъ слишкомъ возвышенъ, а его мысли слишкомъ поглощены иными предметами, чтобы рисоваться въ такія минуты и подшучивать съ лицами, игравшими тогда во всякомъ случаѣ роль второстепенную.

Медленно подвигались впередъ друзья-монархи, среди бивуаковъ своихъ войскъ. Отовсюду раздавались клики ура! офицеры и солдаты восторженно привѣтствовали своихъ вѣнценосныхъ вождей. Въ груди каждаго воина живо было сознаніе, что единственно, благодаря друзьямъ-монархамъ, соединенныя арміи успѣли, наконецъ, достигнуть конечной цѣли своихъ усилій. Что-же удивительнаго, что при видѣ государей всеобщій энтузіазмъ неволью выражался громкими, радостными возгласами? Съ каждымъ шагомъ впередъ свита государей увеличивалась все болѣе и болѣе. Однимъ изъ первыхъ присоединился къ ней князь Шварценбергъ, сопровождаемый своими адъютантами и многочисленными штабными. Какъ представитель отсутствующаго императора австрійскаго, князь долженъ былъ занять въ торжественномъ шествіи первое мѣсто послѣ монарховъ. Затѣмъ къ государямъ примкнули: великій князь Константинъ Павловичъ, кронпринцъ

¹⁾ Эти слова Александра находимъ мы, къ сожалѣнію, въ такой серьезной книгѣ какъ сочиненіе Богдановича. Правда, авторъ, ссылаясь при этомъ случаѣ на личное свидѣтельство Ермолова, но не обманула ли при этомъ почтеннаго свидѣтеля память? См. Богдановичъ, т. IV, стр. 507.

Виртембергскій, принцы Фридрихъ-Вильгельмъ и Вильгельмъ, дѣти короля прусскаго, Барълай-де-Толли, Милорадовичъ, Радецкій, Гнейзенау, Ланжеронъ, Юркъ, Палень, Клейстъ, Воронцовъ, сотни русскихъ и прусскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, иноземныхъ принцевъ, знатныхъ волонтеровъ. Подъ конецъ, кортежъ государей возросъ до 1,000 человекъ ¹⁾. Это былъ цѣлый потокъ разноцвѣтныхъ султановъ, вышитыхъ золотомъ мундировъ, ордеповъ, лентъ. Красивые богато убранные кони, блистающее въ солнцѣ оружіе и пестрое убранство, придавали всему кортежу въ высшей степени разнообразный и величавый характеръ.

Далеко, однако-же, не всѣ герои кампаніи принимали участіе въ этомъ незабвенномъ триумфальномъ шествіи. Не доставало и самаго главнаго изъ нихъ, престарѣлаго фельдмаршала Блюхера. Герой старикъ былъ здоровъ и бодръ до тѣхъ поръ, пока продолжался бой. Но когда Монмартръ былъ взятъ и судьба Парижа рѣшена, старый недугъ, мучившій Блюхера еще со временъ Краона, возвратился съ новою силою. Фельдмаршалъ, правда, надѣлъ свой парадный мундиръ и отправился въ Пантенской заставѣ, но онъ съ трудомъ держался на конѣ и Гнейзенау уговорилъ его возвратиться въ лагерь. Лишь спустя нѣсколько дней фельдмаршалъ, сложившій съ себя между тѣмъ команду надъ силезскою арміею, тихо и незамѣтно вѣхалъ въ Парижъ и расположился на отведенной для него заранѣе квартирѣ, въ отелѣ Фуше ²⁾.

Въ 11 часовъ утра государи и ихъ свита достигли Пантенской заставы. У самыхъ воротъ императора Александра привѣтствовалъ во главѣ 20-го егерскаго полка герцогъ Евгенийъ виртембергскій. Герцогъ представилъ императору полкъ, какъ покрывшій себя наибольшею славою въ теченіи всей кампаніи. И дѣйствительно, эти герои егеря принимали участіе въ 137 сраженіяхъ. Изъ 7000 нижнихъ чиновъ, посту-

¹⁾ Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 261.

²⁾ Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben, T. III, стр. 390; Blasendorf, Blücher, стр. 287.

пившихъ въ ихъ ряды, начиная съ апрѣля мѣсяца 1812 года, оставалось теперь на лицо 400 человекъ, а изъ 567 офицеровъ, перебивавшихъ за то-же время въ полку, уцѣлѣло всего лишь 8 человекъ. Потери безпримѣрныя, равно свидѣтельствующія и о героизмѣ полка, и о тяжелыхъ, кровавыхъ трудахъ этой небывалой войны.

Императоръ принялъ привѣтствія принца самымъ любезнымъ, радушнымъ образомъ. Желая почтить его въ присутствіи представителей всей арміи и наградить его въ то же время хотя чѣмъ нибудь за его великія заслуги, государь обратился къ Евгенію съ такими словами: „Поздравляю васъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, или лучше сказать, поздравляю себя съ тѣмъ, что могу вамъ дать его“. По другимъ извѣстіямъ государь даже прямо далъ понять принцу, что ему и его геройскимъ войскамъ обязанъ онъ болѣе, нежели кому либо другому, взятіемъ Парижа ¹⁾).

Шествіе началось при громкихъ торжественныхъ звукахъ военной музыки ²⁾. Въ головѣ его шелъ полкъ легкой прусской гвардейской кавалеріи. За нимъ слѣдовали лейбъ-казаки въ своихъ красныхъ мундирахъ. Ихъ статный геройскій командиръ Орловъ-Денисовъ ѣхалъ передъ фронтомъ. За тѣмъ слѣдовали государи съ своею безконечною блестящею свитою. А потомъ тянулись стройныя, необозримыя ряды

¹⁾ Такъ утверждаетъ ф. Гелльдорфъ, адъютантъ Евгенія. По его словамъ, Александръ прямо сказалъ герцогу у Паптенской заставы: *Sans vous nous ne serions pas ici. Aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Württemberg, v. Helldorf T. I, стр. 41.*

²⁾ Подробности о иступленіи союзниковъ въ Парижъ разбросаны по многочисленнымъ современнымъ періодическимъ изданіямъ, (изъ нихъ особенно важны Русскій Инвалидъ, Сынъ Отечества, *St—Peterburger Zeitung, Allgemeine Zeitung, Moniteur*, и другіе парижскіе журналы, „а равно по безчисленнымъ запискамъ и воспоминаніямъ очевидцевъ и участниковъ событій. Изъ нихъ мы пользовались особенно: записками принца Евгенія, достопамятностями ф. Левенштерна, записками артиллериста, автобіографіею Беранже и многими другими цитируемыми въ своемъ мѣстѣ. — Изъ пособій кромѣ извѣстнаго сочиненія Богдановича особенное значеніе имѣютъ; Плото, *Der Krieg in Deutschland u. Frankreich in den Jahren 1813—1814*; Толль, изданіе Бернгарди, Кохъ, *Исторія войны 1814 г. Томъ 2 й*, и Тьеръ, *Исторія консульства и имперіи*, Т. XVII Подробный перечень литературы см. у Дубровина: *Отечественная война въ письмахъ современниковъ*, стр. 648—652.

русско-прусской гвардіи, австрійскихъ гренадеръ и другихъ войскъ. Все въ союзныхъ рядахъ горѣло нетерпѣніемъ увидѣть какъ можно скорѣе столь прославленный Парижъ. Тщетно объявлено было по всей арміи, что никто не принадлежащій къ частямъ, назначеннымъ для вступленія въ городъ, не имѣеть права принимать участіе въ шествіи. Нашлось не мало любопытныхъ и смѣльчаковъ, которые рискнули на этотъ разъ не обращать вниманіе на строгій запретъ и рискнули безнаказанно. „Даже строгое внушеніе нашего принца“ (Евгенія), говоритъ очевидецъ, „безусловно подчиниться армейскому приказу, не произвело на этотъ разъ своего обычнаго дѣйствія. Соблазнъ былъ черезчуръ великъ. Радость, самодовольство, любопытство, преодолѣли на этотъ разъ всѣ законы военной дисциплины. Я самъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. По лѣвую руку отъ меня ѣхалъ лейбъ-медикъ принца въ старомъ изношенномъ кителѣ и дырявой фуражкѣ, по правую, прусскій драгунъ, привѣтствовавшій всѣхъ разряженныхъ парижановъ неприличными гримасами. Передо мною двигался корпусный аудиторъ съ крестьянскою фуражкой на головѣ, а свади меня ѣхалъ австрійскій камергеръ въ богатомъ гусарскомъ мундирѣ“¹⁾).

Первое впечатлѣніе Парижа на вступающихъ побѣдителей было не особенно выгодное; оно равнялось почти полному разочарованію. Да это и не удивительно! Шествіе двигалось вначалѣ черезъ С. Мартенское предмѣстье, одинъ изъ грязнѣйшихъ рабочихъ кварталовъ стараго Парижа. Улицы тутъ были грязныя и тѣсныя, дома старинныя, закоптѣлыя, выпачканныя. Повсюду слышался какой-то удушливый, смрадный запахъ²⁾. По временамъ казалось, что торжественное шествіе движется по страшнымъ полямъ битвъ, усѣянными

¹⁾ Aus dem Leben d. Prinzen Eugen V. Württemberg, Von Helldorf, 3 B. стр. 116.

²⁾ Письма русскаго офицера, Глинки, „Такъ это-то Парижъ!“ думалъ я, видя тѣсныя, грязныя улицы, высокіе, старинныя, запачканныя дома, и чувствуя, не знаю отъ чего, такой-же несносный запахъ какъ я за городомъ отъ тлѣющихъ группъ и падали. Это-то хваленый, перевозносимый, великолѣпный и прелестный городъ“. Т. VІІІ, стр. 10.

разлагающимися трупами и падалью. А публика, тѣснившаяся среди этой грязной, невзрачной обстановки, производила еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Народу повсюду была бездна. Тысячи глазъ устремлены были отовсюду на блестящій кортежъ, но среди этой массы вовсе не было замѣтно чистой, не говоря уже объ эlegantной публикѣ. Все это были блузники, мастеровые, фабричныя рабочіе, ихъ жены и дѣти и нахальныя уличныя мальчишки. На всѣхъ лицахъ выражалось лишь одно чувство тупаго, безсмысленнаго любопытства. Эти парижане очевидно вылезли изъ своихъ грязныхъ норъ, чтобы поглазѣть на степныхъ татаръ, гунновъ и людоѣдовъ, о которыхъ рассказывались такіе ужасы въ императорскихъ бюллетеняхъ. Они ожидали увидѣть страшныхъ, оборванныхъ чудовищъ, фантастическихъ пугалъ, они приготовились услышать дикіе, рѣзкіе звуки непонятныхъ варварскихъ языковъ. И что-же? Передъ ихъ глазами проходило стройное, изящное, блестящее войско, передъ которымъ блѣднѣли побѣдоносныя легіоны ихъ великаго императора. Они слышали изъ устъ чужеземныхъ офицеровъ такую изящную, правильную французскую рѣчь, къ которой они привыкли лишь въ устахъ высшаго общества ¹⁾. Но всего больше поражались эти простаки невиданною во Франціи выправкою и блестящею внѣшностью русскихъ гвардейскихъ солдатъ. Имъ казалось, что это были не люди, а какіе-то превосходно устроенныя и лично заведенныя автоматическія машины. И въ самомъ дѣлѣ, эти солдаты не шатались туда и сюда, не глазѣли по сторонамъ, не посылали улыбокъ и гримасъ уличнымъ красавицамъ. Они двигались стройно, твердо, они не обращали вниманія ни на что, слова непонятной для французовъ воинской команды видимо управляли не только ихъ движеніями, но и ихъ глазами, ихъ мыслями ²⁾.

¹⁾ „Почти всѣ офицеры этой многочисленной арміи“, замѣчаетъ Беранже, „говорили на языкѣ побѣжденныхъ и казалось не знали никакого другаго за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось усмирять рѣдкія, впрочемъ, грубыя выходки своихъ солдатъ“. Беранже, *Ma Biographie*, стр. 355.

²⁾ См. показанія очевидцевъ у Богдановича, т. IV, примѣч. стр. 58 Кохъ, т. II, стр. 524—525. У одного изъ русскихъ очевидцевъ событія мы читаемъ: „Всѣ были въ изумленіи, видя необыкновенную свѣжесть и совершенное устрой-

Любопытство парижскихъ пролетаріевъ, уличныхъ мальчишекъ и мелкихъ буржуа достигло до своего апогея, когда передъ ихъ глазами потянулся блестящій кортежъ союзныхъ монарховъ. Гдѣ-же они эти чуждые монархи, и гдѣ этотъ могучій властелинъ сѣвера, этотъ царь страшныхъ людоѣдовъ, по волѣ котораго запылала разомъ на всѣхъ концахъ сказочная Москва? Гдѣ императоръ Александръ, эти слова раздавались все громче и громче, они переходили по временамъ въ настоящій крикъ. Болѣе смѣлые изъ любопытныхъ старались протѣсниться какъ можно ближе къ блестящему кортежу. Они обращались съ своими вопросами къ первому попавшемуся имъ всаднику и отъ всѣхъ получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ: бѣлая лошадь! бѣлый султанъ!! Да они и не нуждались въ этомъ отвѣтѣ. Искомое ими лицо выдавалось такъ ярко и наглядно изъ тысячи окружавшихъ его блестящихъ фигуръ; волею, или неволею, а оно приковывало къ себѣ общее вниманіе. Этотъ величественный всадникъ, ѣхавшій по срединѣ между двумя другими, не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ союзномъ ополченіи ни по красотѣ своего коня, ни по величію и изяществу своей фигуры, ни по благородной прелести своего лица. Да это былъ настоящій царь, впервые представшій передъ ихъ изумленными взорами. И какая разница между этимъ чуждымъ владыкою и столь хорошо знакомымъ имъ ихъ солдатскимъ императоромъ! Тотъ могъ внушать одинъ страхъ, а этотъ вызывать невольное уваженіе; передъ тѣмъ все преклонялось ницъ, а этотъ влекъ къ себѣ непобѣдимою силою всѣ сердца ¹⁾).

ство въ нашемъ войскѣ, которое, по увѣренію Наполеона, было все разбито, разсыяно, и одни остатки онаго скитались по Франціи. Чистота оружія, амуниціи, одежды и порядокъ въ рядахъ поражали всѣхъ до безумія. Никто не могъ вѣрить, чтобы сія самая чудесная армія изъ предѣловъ Россійскихъ, сражаясь на каждомъ шагу, проходя по трупамъ дерзкихъ враговъ форсированными маршами, промчалась орлинымъ полетомъ черезъ все пространство отъ Москвы до Пармжа безъ всякаго изнуренія! Можно сказать, что природа сама была участницею въ нашихъ побѣдахъ... На зачинающаго Бога! См. взглядъ русскаго офицера на Пармжъ въ 1814 г. Краснокутскаго, С. Петербургъ, 1819 г., стр. 3.

¹⁾ „Тысяча вопросовъ“, говоритъ очевидецъ, „гдѣ російскій императоръ? заглушала весь городъ. Смирениномудріе и привлекательная кротость были от-

Грязные рабочіе С. Мартенскаго предмѣстья находили въ себѣ, однако-же, силу противостать этому чарующему обаянію, ихъ грубое невѣжество, ихъ національная гордость не позволяли имъ преклониться передъ побѣдителемъ ¹⁾. Ихъ любопытство, не смотря на всю свою напряженность, не могло перейти въ симпатію и энтузіазмъ къ „побѣдителю великой націи и ея великаго императора“. Эти пролетаріи никогда не любили особенно Наполеона, да императоръ никогда и не заискивалъ особенно ихъ расположенія. Онъ давалъ имъ заработокъ и зрѣлища, онъ охранялъ ихъ соціальныя права, но онъ давилъ и ихъ невыносимою тяжестью своей фискальной и военной системы. Онъ бралъ обильную дань съ ихъ цота и крови, онъ увлекалъ на поля битвы ихъ

личительными отбѣнками величества нашего монарха. Всѣ съ жадностью устремляли глаза на государя, и пожирали взорами умиленность его взглядовъ“... См. ваглядъ русскаго офицера etc. стр. 2.

¹⁾ О настроеніи парижскихъ пролетаріевъ см. чрезвычайно интесесныя, хотя и преувеличенныя свѣдѣтельства у Беранже, въ его мемуарахъ. Между прочимъ, онъ говоритъ: „Рабочій народъ, стоявшій толпами за оборонительными линіями, весь день ожидалъ прибытія императора, который былъ лишь въ нѣсколькихъ лье отъ Парижа, онъ готовился созерцать зрѣлище побѣды. Стоило показаться вдали генералу на бѣлой лошади въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и толпа начинала кричать: вотъ онъ! вотъ онъ! Никто изъ народа не предполагалъ даже, что Парижу можетъ грозить серьезная опасность. Когда разнеслась вѣсть о капитуляціи, то нужно было видѣть смущеніе и ярость, овладѣвшія этою массою преисполненною боевою отвагою и непрестанно требовавшею оружія въ теченіи цѣлаго дня, которое, однакоже, не было имъ дано. Я самъ тщетно требовалъ себѣ ружье у лицъ, которыя обязаны были раздавать оружіе“. Что воинственный азартъ тѣлпы не былъ особенно опасенъ для союзниковъ, и что Наполеонъ самъ убилъ въ народѣ всякую способность къ самозащитѣ, въ этомъ сознается и самъ Беранже: „Въ толпѣ распространяли во время вступленія союзниковъ безыменные плакаты, призывавшіе народъ къ сопротивленію. Тщетная попытка! Императоръ такъ приучилъ народъ вѣрить лишь ему одному, что лишь одинъ его голосъ могъ разсѣять всѣ сомнѣнія, поднять мужество всѣхъ и дать умамъ соотвѣтствующее направленіе“ что и масса народа заинтересована была миромъ гораздо болѣе, нежели Наполеономъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Беранже: „Saisi d'a bord d'une indignation patriotique, la classe des ouvriers fut longtemps a se rendre compte d'un changement aussi imprevu. Comme cette classe, plus que toute autre, avait besoin de la paix, ce fut ce mot qui seul put y faire des conversions favorables au regime, qu'on nous preparait chez M. de Talleyrand“. См. Beranger, Ma biographie стран. 352—356.

дѣтей. Они не любили его, они ненавидѣли его даже, быть можетъ, въ глубинѣ души; но все же онъ былъ въ ихъ глазахъ представителемъ новой революціонной Франціи, національнымъ героемъ, побѣдителемъ міра. Онъ охранялъ ихъ отъ возвращенія старыхъ порядковъ, одно воспоминаніе о которыхъ приводило ихъ въ содроганіе. Они не хотѣли и слышать о реставраціи Бурбоновъ, уже потому, что съ Бурбонами связывалось для нихъ представленіе о вѣковомъ социальномъ и экономическомъ рабствѣ. А что самое главное, не смотря на свою грубость, они были полны сознаниемъ своего національнаго достоинства. Они смутно сознавали позоръ, причиненный великой націи, они не хотѣли брать изъ рукъ чужеземцевъ даже такихъ даровыхъ для нихъ подарковъ, какъ освобожденіе отъ невыносимыхъ налоговъ, отъ убійственной конскрипціи. Вотъ почему всѣ эти блузники держали себя такъ сдержанно въ виду торжественнаго шествія побѣдителей Франціи. Вотъ почему на ихъ лицахъ можно было прочесть только одно любопытство, смѣшанное съ затаенными чувствами страха и злобы. Вотъ почему многіе изъ этихъ оборванцевъ сжимали кулаки и скрежетали зубами при видѣ монарховъ и ихъ блестящей свиты. Вотъ почему изъ ихъ толпы не раздавалось никакихъ одобрительныхъ возгласовъ, а слышалось лишь порою обычное восклицаніе: *Vive l'empereur!* Имъ казалось по временамъ, что вотъ, вотъ долженъ появиться, какъ изъ подъ земли, маленькій капраль и погнать передъ собою эту иноземную блестящую рать. Да, они, эти представители великой націи, слѣпо вѣрили еще и теперь въ непобѣдимость своего императора, не смотря на все, что случилось.

Но рабочіе, поденщики и уличные мальчишки не составляли преобладающаго элемента въ населеніи Парижа. За рабочими предмѣстіями не замедлили потянуться другіе городскіе кварталы, занятые болѣе зажиточными и интеллигентными классами населенія. Шествіе вступило на сѣверный бульваръ и фізіономія Парижа начала быстро измѣняться. Все приняло вдругъ парадный праздничный видъ. По обѣимъ сторонамъ улицы потянулись дома, одинъ громаднѣе и изящ-

нѣе другаго. Пестрыя и разнообразныя вывѣски, великолѣпныя магазины, богато разукрашенные балконы и колонны, широкіе каменные тротуары, затѣйливыя архитектурныя и скульптурныя изображенія замелькали передъ изумленными глазами иноземцевъ ¹⁾. Они сразу поняли, что только теперь вступили они въ настоящій Парижъ, что только теперь сказочная столица міра начала разоблачать свои красоты. И среди этой блестящей обстановки, подъ этимъ яркимъ, ослѣпительнымъ солнцемъ, среди этихъ только что покрывающихся нѣжною зеленью деревьевъ, тѣснились толпы публики, не имѣвшей ничего общаго съ оставшимися позади пролетаріями и гамепами. Тутъ вѣяло другимъ духомъ, тутъ все дышало если и не изяществомъ, то по крайней мѣрѣ приличіемъ, эlegantностью, щеголеватостью. Массы этой публики наполняли всѣ тротуары и пространства, оставшіеся свободными отъ войска. Онѣ унизывали собою всѣ окна, балконы и даже крыши. Среди пестрой толпы зрителей особенно выдавались женщины, поражавшія не столько своею красотою, сколько природною, или поддѣльною граціею, изяществомъ своихъ туалетовъ, кокетливостью своего поведенія. Въ числѣ этихъ женщинъ были и знатныя, изящныя аристократки, и мѣщанки, и болѣе зажиточныя буржуа, но всѣ онѣ держали себя одинаково свободно, даже вызывающе, всѣ тѣснились впередъ и увлекали своимъ примѣромъ мужчинъ. Видно было тотчасъ-же, что въ этомъ мірѣ царствовала женщина, что она задавала здѣсь тонъ.

¹⁾ См. Записки артиллериста, т. III, стр. 124; записки русскаго офицера, т. 8 стр. 11; Взглядъ русскаго офицера etc., гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „Огромныя, высокія строенія связываются неразрывною цѣнью, какъ будто однимъ паденіемъ должны всѣ обрушиться! При всѣхъ почти домахъ находятся богатыя лавки съ разными товарами. Серебрянныя и галантерейныя ряды блестятъ на каждой улицѣ. Художники и всякаго рода промышленники означаются безчисленными вывѣсками, пестрѣющимися на всѣхъ домахъ. Всѣ улицы въ Парижѣ вымощены камнемъ, нѣкоторыя довольно широкы, другія весьма узкы. Въ послѣднихъ мало наблюдается чистоты, даже воздухъ иногда стѣсняется отъ непрерывно волнующагося многолюдства. На каждомъ шагу встрѣчаешь роскошествующее богатство и обнаруживающуюся бѣдность. По улицамъ толпятся слѣпыя, кривые, хромые, безрукіе и другіе несчастные уроды“ etc. стр. 8—9.

И настроеніе этой публики было далеко не такое, какъ въ рабочихъ предмѣстіяхъ. Уже при первыхъ шагахъ на бульваръ навстрѣчу союзникамъ выѣхала странная процессія, бросившая совершенно новый свѣтъ на образъ мыслей известной части столичной публики. То была кавалькада, состоявшая по крайней мѣрѣ изъ сотни парижскихъ щеголей, принадлежавшихъ къ самому высшему слою общества. Всѣ они ѣхали верхами на прекрасныхъ и богато убранныхъ лошадяхъ. Всѣ были одѣты какъ одинъ человекъ въ черные фраки. На всѣхъ красовались бѣлые перчатки, у всѣхъ правая рука была перевязана бѣлою повязкою. Это была настоящая политическая демонстрація въ пользу Бурбоновъ, устроенная ловкими агентами Талейрана. Щеголи подъѣхали къ свитѣ монарховъ и втерлись въ ряды ее съ развязностью настоящихъ свѣтскихъ кавалеровъ. Они осыпали всѣхъ союзныхъ офицеровъ любезностями, старались обратить на себя вниманіе государей, принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Они произносили панегирики союзникамъ и ихъ геройскимъ вождямъ и разражались бранью на императора Наполеона ¹⁾.

Было ясно, что тутъ работаютъ піонеры бурбонской реставраціи. Какъ-же держала себя масса публики? И ея настроеніе было, повидимому, самое оживленное, радостное, почти восторженное. Къ крикамъ изумленія, къ возгласамъ любопытства стали присоединяться все чаще и чаще восклицанія симпатіи и сочувствія. Уже при первомъ появленіи союзниковъ женщины начали махать бѣлыми платками и крики: да здравствуютъ союзники! да здравствуетъ миръ! дайте намъ миръ! начали оглашать воздухъ. Энтузіазмъ возросъ, крики усилились еще болѣе, когда парижане увидѣли союзныхъ государей. Бѣлая лента, букеты цвѣтовъ посыпались со всѣхъ балконовъ. Крики: да здравствуетъ Александръ! да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ! усиливаясь все болѣе и болѣе, перешли въ настоящую бурю. Всеобщее вниманіе сосре-

¹⁾ См. v. Helldorf Aus d. Leben des Prinzen Eugen v. Württemberg, т. III, стран. 116.

доточилось и тутъ на императорѣ Александрѣ. Его величественная, изящная фигура, его глубоко-симпатическое лицо, покорили ему и здѣсь при первомъ-же взглядѣ всѣ сердца. Привѣтливое обращеніе Александра, ласковыя слова, съ которыми обращался онъ къ народу, дѣйствовали на французъ какъ-бы опьяняющимъ образомъ. „Вотъ онъ! Вотъ Александръ!“ кричали они въ восторгѣ, указывая его другу другу. „Смотрите! Какъ милостиво онъ кланяется, какъ хорошо говорить! Да здравствуетъ Александръ!“ „Да здравствуетъ миръ, отвѣчалъ государь. „Я вступаю не врагомъ, а чтобы возвратить вамъ спокойствіе и свободу торговли!“ „Мы уже давно ждали прибытія Вашего Величества, скавалъ одинъ французъ, успѣвшій протискаться до самого государя“.—„Я пришелъ-бы къ вамъ ранѣе, но меня задержала храбрость вашихъ войскъ“, отвѣтствовалъ ему государь, съ неподражаемою, одному ему съ свойственною граціею¹⁾.

Слова Александра, передаваемые изъ устъ въ уста, быстро разнеслись по всей многотысячной толпѣ. Съ этого момента энтузіазмъ народа перешелъ послѣднія границы. Съ изумленіемъ оглядывались вокругъ люди, мыслящіе и серьезные въ средѣ союзниковъ. Они отказывались вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ. Имъ казалось, что они видятъ несбыточное фантастическое сновидѣніе. „Неужели“, спрашивали они себя, „вся эта буря восторговъ вызвана дѣйствительно нашимъ появленіемъ. Неужели, легкомысліе французовъ дошло до того, что они забыли въ одинъ моментъ все свое славное прошлое? Неужели желаніе мира, спокойствія во чтобы то ни стало заглушило въ нихъ всѣ чувства патріотизма, славолюбія, оскорбленной народной гордости? Неужели привѣтливья слова и улыбки побѣдителя заставили забыть ихъ въ одинъ моментъ все то, чѣмъ былъ для нихъ до сихъ поръ Наполеонъ?“ Парижъ встрѣчаетъ побѣдителей Франціи такъ, какъ можетъ лишь встрѣчать отчизна своихъ побѣдоносныхъ сыновъ. Ничего подобнаго не видѣли до сихъ поръ союзники на своемъ пути черезъ Францію. Даже въ пограничныхъ

¹⁾ См. показанія очевидцевъ у Богдановича, т. IV, стр. 508.

рейнскихъ земляхъ, населенныхъ почти сплошь нѣмцами, народъ держалъ себя несравненно сдержаннѣе. Тамъ не было и рѣчи о какихъ-бы то ни было оваціяхъ союзникамъ; а здѣсь, все населеніе ликовало при ихъ появленіи, какъ безумное ¹⁾.

Такія и подобныя мысли приходили въ голову многимъ и очень многимъ участникамъ торжества; но буря энтузіазма была такъ сильна, всеобщій потовъ такъ стремителенъ, что увлекли подъ конецъ за собою ихъ самихъ. Къ тому-же на сторонѣ парижанъ было одно, въ высшей степени важное и смягчающее обстоятельство. Среди бурныхъ восторженныхъ возгласовъ чаще и громче всего повторялся кличъ: „Дайте намъ миръ! Дайте миръ свѣту!“ Въ этихъ словахъ выражался весь внутренній смыслъ движенія, въ нихъ крылась причина восторженнаго настроенія парижанъ. Парижъ тяготился, подобно всей Франціи, военнымъ деспотизмомъ Наполеона. Изнывая подъ тяжестью имущественныхъ и кровавыхъ жертвъ, онъ привѣтствовалъ теперь побѣдителей, какъ вѣстниковъ мира; на колѣняхъ, забывая все свое прошлое, молилъ онъ ихъ теперь объ этомъ великомъ, незамѣнимомъ для человѣчества благѣ.

Истиннѣе никогда не обманываетъ толпу, какъ не обманываетъ онъ и стадо животныхъ. Далеко не всѣ парижане имѣли ясное и точное представленіе о личности и характерѣ Александра. Они знали хорошо лишь одно, что этотъ государь далеко могущественнѣе всѣхъ остальныхъ, что онъ, а не кто либо другой, стоитъ во главѣ коалиціи. До сего момента они знали его какъ виновника московскаго пожара, какъ истребителя великой арміи и трепетали при одной мысли о немъ и его страшныхъ полчищахъ. Но вотъ этотъ

¹ Helldorf, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, т. III, стр. 116. Въ запискахъ другаго очевидца мы читаемъ: „Сіе неограниченное выступленіе едва-ли свойственно великому народу. Давно-ли Бонапарте, чтимый ими за Бога, подобными восклицаніями былъ встрѣчаемъ, во время наглаго побѣга своего изъ Россіи?—Необдуманые переходы изъ одной чрезвычайности въ другую означаютъ вѣтренность характера“. См. Взглядъ русскаго офицера на Парижъ въ 1814, Краснокутскаго, С.-Петербургъ, 1819 г

страшный властитель явился передъ ними. Его чарующая внѣшность, его изящное обращеніе, его слова, полныя гуманности и любви, поразили ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе они были. Они моментально поняли, что передъ ними явился не только ихъ побѣдитель, но и ихъ освободитель. И они бросились къ нему на встрѣчу, они пали передъ нимъ со всѣмъ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ горячей, легкомысленной натурѣ.

„Никогда въ жизни“, повѣствуетъ очевидецъ, „не видѣлъ я болѣе странныхъ сценъ, какъ въ этотъ замѣчательнѣйшій изъ дней. Все было увлечено настоящимъ потокомъ восторга и не было конца этому восторгу. Среди постоянно возрастающихъ кликовъ безчисленной массы народа, среди безпримѣрной толкотни, кипѣвшей вокругъ насъ, медленно двигались мы впередъ къ Елисейскимъ полямъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ уцѣлѣлъ на государѣ его красный, кавалергардскій мундиръ. Сотни людей тѣснились вокругъ него, цѣловали его коня, его одежду, его ботфорты. И тутъ женщины подавали примѣръ, цѣлыми десятками хватались они за сапоги и шпоры государя, были и такія, которыя цѣплялись за хвостъ его лошади. Государь терпѣлъ все, позволялъ все. Среди страшной давки какой-то портной успѣлъ подать ему свой адресъ. Александръ принялъ его съ милостивою улыбкою. Этотъ первый примѣръ увлекъ за собою другихъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись къ государю руки съ адресами, съ прошеніями. Вскорѣ онъ не въ состояніи былъ принимать ихъ всѣ и поручилъ это дѣло одному изъ своихъ адъютантовъ“¹⁾.

Среди такихъ-то сценъ достигло, наконецъ, шествіе Елисейскихъ полей. Тутъ государи остановились и пропустили мимо себя всѣ войска, вступившія въ Парижъ. Величественное военное зрѣлище привлекло еще большія массы народа. Вся громадная площадь, всѣ сосѣднія улицы, всѣ крыши домовъ, были переполнены сотнями тысячъ зрителей. Сравни-

¹⁾ См. Helldorf, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, т. III, стр. 117.

тельно лишь немногіе успѣли протѣсниться впередъ и насладиться небывалымъ зрѣлищемъ. Женщины и здѣсь дѣйствовали съ наибольшею отвагою и съ наибольшимъ усиліемъ. Разсчитывая на любезность непріятельскихъ кавалеровъ, онѣ смѣло пробирались впередъ, и ни мало не стѣсняясь, обращались къ свитскимъ офицерамъ съ просьбою дозволить имъ взлѣсть на ихъ лошадей, чтобы удобнѣе посмотрѣть церемоніальный маршъ войскъ.

Прохожденіе войскъ мимо монарховъ продолжалось очень долго, до самыхъ пяти часовъ вечера, и все это время энтузіазмъ публики не только не ослабѣвалъ, а, напротивъ, возрасталъ еще болѣе. Піонеры Бурбоновъ, изящные кавалеры Сень-Жерменскаго предмѣстья, видимо старались обратить на себя всеобщее вниманіе и придать всему народному энтузіазму характеръ роялистской манифестаціи. Суетливо толклись они среди толпы, разѣзжая взадъ и впередъ на своихъ изящныхъ лошадяхъ, выставя на видъ свои колоссальныя бѣлыя кокарды, раздавая подобныя-же кокарды всѣмъ желающимъ. Они прочитывали прокламацію князя Шварценберга и кричали до хрипоты: Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Долой тирана! Никто изъ толпы не обращалъ, однакоже, особеннаго вниманія на всю эту суету. Лишь очень немногіе относились съ сочувствіемъ къ бурбонскимъ манифестантамъ, и вторили ихъ крикамъ: Публика была видимо поглощена иными чувствами и другими интересами. Крики: да здравствуютъ союзники! Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ! Дайте намъ миръ! заглушали и покрывали все остальное. Не трудно было замѣтить, что парижане радовались паденію Наполеона, но что они относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ къ давно забытымъ Бурбонамъ, такъ и ко всякимъ другимъ претендентамъ. Для нихъ важно было не лицо, не форма; они желали лишь такого порядка вещей, который гарантировалъ-бы имъ спокойствіе и миръ.

Роялисты, дѣйствовавшіе по заранѣе установленному плану, и руководимые въ тайнѣ такимъ мастеромъ интриги, какъ Галейранъ, не могли, разумѣется, удовлетвориться та-

кимъ холоднымъ и индифферентнымъ отношеніемъ публики. Во что бы то ни стало, должны были они дать союзнымъ монархамъ и ихъ министрамъ болѣе ясное и наглядное доказательство настроенія парижскаго населенія, его пламенной ненависти къ Наполеону и его внезапно пробудившейся любви въ старой королевской династіи. Для достиженія этой цѣли, имъ необходимо было устроить какую нибудь грандіозную демонстрацію, и они смѣло принялись за это дѣло, рассчитывая совершенно основательно на дѣятельную поддержку пьяныхъ пролетаріевъ, подкупленныхъ буржуа, торговекъ, буйныхъ уличныхъ мальчишекъ, а еще болѣе на полнѣйшее равнодушіе массы парижской публики къ великому императору и памятникамъ его славныхъ побѣдъ.

Уже вечерѣло, и смотръ на Елисейскихъ поляхъ давно уже окончился, когда два изъ наиболѣе пламенныхъ роялистовъ, Состенъ-де ла Рошфуко и Монбрель, отправились на Вандомскую площадь въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ своихъ агентовъ и небольшой толпы уличной сволочи. Тутъ на этой площади возвышался одинъ изъ величественнѣйшихъ памятниковъ побѣжденнаго императора. То была Вандомская колонна, пріобрѣтшая себѣ столь печальную извѣстность и въ болѣе близкіе къ намъ дни. „Колонна“, повѣствуетъ русскій очевидецъ, „имѣла около 15 сажень высоты. Внутри ея была лѣстница, а на самой вершинѣ колоссальная статуя Наполеона въ мундирѣ и шляпѣ, имѣющая въ правой рукѣ державу міра. Вся эта колонна, говорили намъ, сдѣлана по подобію Траянова столпа въ Римѣ и вылита изъ пушекъ, отнятыхъ у непріятелей прежними побѣдами французовъ. Отъ пьедестала до самаго верха украшена она спиральною полосою съ барельефами. На пьедесталѣ воинская арматура новѣйшихъ временъ: мундиры съ эполетами Павловскаго гренадерскаго полка, каски, русскія знамена, пушки, а по угламъ одноглавые французскіе орлы. Колонна сооружена въ 1805 году; памятникъ рѣдкій и примѣчательный по своей работѣ“ ¹⁾.

¹⁾ Записки артиллериста, Т. III, стр. 125.

Явившись на площадь, бурбонскіе кавалеры застали уже тутъ не мало веселаго, подгулявшаго народа. Ихъ крики: *à bas Napoleon* (долой Наполеона), и предложеніе немедленно же сбросить статую съ верху, были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Въ этотъ моментъ явились на площадь нѣсколь-ко русскихъ офицеровъ. „Не Наполеонъ ли это на верху?“ спросилъ одинъ изъ нихъ. „Да опъ!“ отвѣчали изъ толпы. „Высоко взошелъ“, замѣтилъ со смѣхомъ офицеръ, „не пора ли сойти внизъ!“ „Сейчасъ сойдетъ“, закричали французы. Еще офицеры не успѣли опомниться, какъ какой то проказникъ уже взобрался на плечи мѣднаго Наполеона и обматывалъ вокругъ его шеи толстый канатъ, концы котораго висѣли до низу. Толпы стоявшей внизу черни, въ томъ числѣ множество женщинъ, тотчасъ же ухватились за концы каната и съ громкимъ крикомъ и хохотомъ принялись тащить своего прежде бывшаго идола. „Вотъ превратность судьбы великихъ людей!“ восклицаетъ русскій очевидецъ, „эта чернь, которую Наполеонъ едва ли удостоивалъ когда вибудь военнымъ взглядомъ, бывши занятъ своими завоеваніями и судьбою Европы, эта чернь, теперь издѣваясь, тянетъ его съ высоты побѣдъ, но онъ стоялъ твердо, и не знаю чѣмъ окончились ничтожныя усилія черни, потому что въ негодованіи на вѣтренный характеръ французовъ поѣхалъ далѣе“ ¹⁾. Усилія черни, подстрекаемой изыщными кавалерами, продолжались очень долго, но не имѣли желаннаго успѣха. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда полковникъ Левенштернъ и его спутники, другіе русскіе офицеры, возвращаясь съ поздняго объѣда въ одномъ изъ парижскихъ ресторановъ, случайно проѣзжали черезъ Вандомскую площадь. Они застали тутъ громадныя толпы народа. Множество мужчинъ и женщинъ, ухватившись за концы канатовъ, тянули изо всѣхъ силъ истукана. Толпа вокругъ кричала какъ безумная: „Долой тирана! долой узурпатора!“ Мѣдный Наполеонъ не поддавался, однако же, никакимъ усиліямъ. Угромо и величественно стоялъ онъ на своей вышинѣ, какъ бы съ презрѣніемъ озираясь на

¹⁾ Записки артиллериста, Т. III, стр. 126.

бѣснующуюся внизу толпу. И что всего страннѣе.—Съ низу казалось, что колоссальная статуя держитъ веревки въ рукахъ подобно вожжамъ и правитъ ими народомъ. Это оригинальное открытіе сдѣлали не только русскіе офицеры, но и нѣкоторые изъ французовъ. Какой то усачь, стоявшій въ сторонѣ, очевидно старый унтеръ-офицеръ, громко крикнулъ народу: „Смотрите! Смотрите! Этотъ чертовъ молодецъ держитъ насъ и теперь въ своихъ сильныхъ рукахъ!“ ¹⁾ Неизвѣстно, чѣмъ окончилась бы вся эта комедія, если бы на площадь не явился внезапно сильный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Караулъ былъ высланъ, по личному распоряженію императора Александра. Молча обступили колонну русскіе гвардейцы, и черпъ только что столь яростная тотчасъ же присмирѣла, и поспѣшила оставить въ покоѣ мѣднаго Наполеона. Не прошло и получаса, какъ площадь уже совершенно опустѣла ²⁾. Во всѣхъ кварталахъ Парижа начала водворяться глубокая тишина. Только на Елисейскихъ поляхъ и другихъ площадяхъ пылали яркіе востры бивуакировавшихъ союзныхъ войскъ. По всѣмъ улицамъ Парижа ходили военные патрули и стояли пикеты и караулы. Непривычные крики: „Кто идетъ? и Wer da?“ смущали еще парижанъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они могли быть совершенно спокойны. Они убѣдились, что великодушіе ихъ побѣдителей дѣйствительно не знало границъ.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 266.

²⁾ „Der Auftritt, wohl von weissen Kokarden trägern veranlasst, nahm dadurch ein Ende, dass ein Zug der Semenowschen Garde heranrückte und schweigend, ohne irgend eine Angriffsbewegung die Säule umstellte, worauf das Volk, ohne Zeichen des Unmuths, sich verlief und es auf dem Platze rubig wurde“ Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 266.

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Типъ женщины древняго Рима заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя весьма симпатичныя черты ¹⁾. Мать и жена пользовались въ домѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ; ихъ значеніе особенно выразилось въ томъ вліяніи, которое онѣ оказывали на воспитаніе дѣтей, а чрезъ него и на общественную жизнь. Сабинянки имѣли большое вліяніе даже на политическую жизнь; подъ ихъ вліяніемъ заключались союзы, объявлялись войны, утверждались мирныя договоры. Правда, древняя римлянка никогда не претендовала на равноправность съ мужчиною, но въ семейномъ кругу она пользовалась все-таки и своими особыми правами. Это были права матери и жены. Они были охраняемы ве законами государственными, а добродѣтелями самыхъ женщинъ. Исторія древняго до-императорскаго Рима сохранила намъ много примѣровъ женской добродѣтели, какихъ мы не встрѣчаемъ у другихъ древнихъ народовъ. Сенека вѣрно передаетъ намъ взглядъ древнихъ римлянъ на женщину, когда говоритъ слѣдующее: „Кто скажетъ, чтобы природа была мачихою въ отношеніи въ женскимъ способностямъ и ограничила тѣсными предѣлами добродѣтели этого пола? Повѣрь мнѣ, онѣ обладаютъ такою-же живостію, такою-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 19.

¹⁾ Подробнѣе о положеніи и воспитаніи женщинъ въ Римѣ можно читать въ сочиненіи Кудрявцева „Римскія женщины“. М. 1875 г.

же способностію къ нравственнымъ подвигамъ; онѣ одинаково сносятъ и трудъ, и скорби, если привыкли къ нимъ. Въ какомъ городѣ говоримъ мы объ этомъ, благіе боги? въ томъ, гдѣ Лукреція и Брутъ низвергли царское достоинство: Бруту одолжены мы свободою, Лукреціи — Брутомъ; гдѣ Клелію за ея чрезвычайную отвагу причислили чуть-ли не къ мужамъ. На священной улицѣ, въ наиболѣе посѣщаемомъ мѣстѣ, возсѣдая на конѣ, Клелія служитъ укоромъ нашимъ юношамъ, которыхъ переносятъ на подушкахъ носилокъ, — укоромъ, что въ такомъ видѣ они смѣютъ показываться въ городѣ, гдѣ мы даже женщинъ одарили коверомъ". Въ древнемъ Римѣ не было закона, которымъ бы запрещалось многоженство; но въ немъ нельзя указать ни одного случая, когда бы у римлянина было нѣсколько женъ. Единоженство было узаконено добродѣтелями самой женщины — простотою, скромностію, цѣломудріемъ, супружескою вѣрностію, а главное — любовію къ дѣтямъ и всецѣлымъ посвященіемъ себя дѣлу воспитанія ихъ. Вслѣдствіе же этого римляне уже въ древности питали глубокое уваженіе къ семейной жизни: и если въ домѣ мужъ былъ господиномъ, то жена госпожею въ собственномъ смыслѣ. Воспитаніе дѣтей, приученіе ихъ къ благоразумію, правдивости, скромности, простотѣ, соединенной съ благородною осанкою, развитіе въ нихъ религіознаго и патріотическаго чувства — древняя римлянка — мать считала главною цѣлію всей своей жизни; имѣть хорошихъ, умныхъ и благовоспитанныхъ дѣтей — для древней римлянки было наивысшимъ счастіемъ на землѣ. Рассказываютъ о Корнелии, матери Гракховъ, что, когда она овдовѣла, ей было сдѣлано знатными римлянами много предложеній о выходѣ за нихъ въ замужество, но она гордо отказалась отъ нихъ; мало того, она отказала въ своей рукѣ даже египетскому царю Птолемею, и съ самоотверженною материнскою любовію и мудростію посвятила себя воспитанію своихъ двѣнадцати сыновей. Затѣмъ, когда одна гордая и богатая пріятельница ея показала ей однажды свои драгоценности и потомъ, посѣтивъ Корнелию, просила ее показать ей и ея алмазы, то послѣдняя, подозвавъ къ себѣ возвратившихся изъ школы дѣтей своихъ, сказала; „смотри, вотъ — мои алмазы, вотъ —

мой сокровища“. Этотъ разсказъ во всякомъ случаѣ ясно свидѣтельствуемъ намъ, какъ древніе римляне высоко цѣнили въ женщинѣ ея любовь и привязанность къ своимъ дѣтямъ и ея заботу объ ихъ воспитаніи. „Въ родительскомъ домѣ цѣломудренною матерью рожденный сынъ,—говоритъ о римскомъ воспитаніи одинъ изъ новѣйшихъ историковъ ¹⁾,—воспитывался не въ комнатѣ наемной кормилицы, но на лонѣ и у груди матери, высшая похвала которой состояла въ томъ, чтобы быть главою въ домѣ и посвятить себя на служеніе дѣтямъ. Мать не только дѣльными занятіями, но также и досугомъ и играми отроковъ рукою одила свойственнымъ ей высокимъ, внушающимъ уваженіе духомъ. Такова Корнелія, мать Гравховъ, такова Аврелія, мать Цезаря и Аттія, мать Августа. Ихъ попеченія и воспитаніе имѣли въ особенности цѣлю, чтобы правдивая, неподдѣльная и никакими соблазнами еще не совращенная натура каждаго отрока тотъ часъ-же вполне посвятила себя прекраснымъ искусствамъ и занялась всецѣло тѣмъ, въ чему влекутъ его наклонности,—воинскимъ-ли дѣломъ, юридическими-ли науками, или изученіемъ краснорѣчія“. Послѣ этого ясно, почему римскіе историки, говоря о знаменитыхъ историческихъ личностяхъ, всегда упоминаютъ и о воспитавшихъ ихъ матеряхъ. Такъ Тацитъ, говоря объ Агриколѣ, считаетъ нужнымъ познакомить своихъ читателей и съ личностію его матери: „Юлія Процилла была женщина рѣдкаго цѣломудрія. Воспитанный ея заботою и нѣжностію, онъ (Агрикола) въ дѣтскій и юношескій возрастъ вполне ознакомился со всѣмъ культомъ благочестивыхъ искусствъ“. Древняя римлянка была, можно сказать, главою въ домѣ, но не потому что хотѣла брать верхъ надъ мужемъ, а потому что въ ея рукахъ сосредоточивалась и отъ нея зависѣла вся семейная жизнь и домашнее хозяйство. Свою честь и супружескую вѣрность она оберегала свято; не всякая римлянка могла перенести оскорбленіе своей чести. Вотъ фактъ, сохраненный историкомъ. Лукреція, обезчещенная Секстомъ Тарквиніемъ, заявивъ о своемъ оскорбленіи мужу и отцу, Бруту и Валерію, сказала: „Вы позаботь-

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. I стр. 356.

тесъ, чтобы прелюбодѣю было воздано по закону! Хотя я сама за собой не знаю никакой вины, но тѣло мое подлежитъ законной карѣ, чтобы ни одна римлянка, ссылаясь на меня, никогда не посмѣла пережить своего позора!“ Съ этими словами она вонзила въ свою грудь скрытый въ рукахъ ея кинжалъ и, бездыханная, упала на землю. Вотъ тѣ качества, которыя завоевали древней римлянкѣ ея почетное положеніе. Уваженіе къ женщинѣ въ древнемъ Римѣ было настолько велико, что за непристойныя рѣчи и дѣйствія, совершенныя мужчиною въ ея присутствіи, полагалось тяжелое наказаніе; при встрѣчѣ на улицѣ мужчины уступали ей дорогу. Расторженіе брака было дѣломъ крайне рѣдкимъ. Уже Ромуль, какъ полагаютъ, объявилъ бракъ неразрывнымъ и запретилъ разводъ по какой-бы то ни было причинѣ, за исключеніемъ лишь нарушенія супружеской вѣрности; въ первый разъ расторженіе брака было совершено, говорятъ, только въ 231 году до Р. Х. при консулахъ М. Помпоніи и К. Папіріи, и произвело крайне тяжелое впечатлѣніе на весь римскій народъ. Пользуясь уваженіемъ со стороны мужей, женщины древняго Рима имѣли на нихъ весьма сильное вліяніе. Вліяніе это въ особенности сильно было тѣмъ, что оно имѣло для себя основаніе не въ правахъ, дарованныхъ закономъ, и поддерживалось не внѣшнею силою, а исключительно нравственными качествами самой женщины,—что было крѣпче всякихъ внѣшнихъ правъ и привилегій. И тамъ, гдѣ ничего не могла сдѣлать внѣшняя сила, слово женщины оказывалось всесильнымъ. Неукротимаго Коріолана, котораго ничто не могло склонить къ миру и удалить съ грознымъ войскомъ отъ предѣловъ Рима, останавливаетъ одно слово престарѣлой Ветуриі, его матери.

Для древнихъ римлянъ идеалъ женщины представляли собою скромная, цѣломудренная, разумная, физически крѣпкая дѣвушка, вѣрная и преданная жена, любящая мать, способная воспитать изъ своихъ сыновей—мужей и гражданъ, умѣющихъ честно жить и честно умирать, и, наконецъ, домовитая хозяйка, способная управлять домомъ и хозяйствомъ. Сообразно съ такимъ идеаломъ у древнихъ римлянъ было поставлено и воспитаніе женщины. Римляне обращали на воспита-

ніе своихъ дочерей болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ греки и другіе древніе народы. Ихъ обучали веденію домашняго хозяйства и рукодѣліямъ; музыку и пляски считали для женщины искусствами бесполезными; научнаго образованія у древнихъ римлянъ не существовало. Но особенное вниманіе древніе римляне обращали на нравственную сторону воспитанія. Съ этою цѣлію мать нерѣдко приглашала къ себѣ въ качествѣ помощницы какую-либо пожилую и одинокую родственницу безупречнаго поведенія, которая и принимала на себя заботы по воспитанію дѣвочекъ. Если не было въ виду такой родственницы, приглашали постороннюю женщину въ качествѣ няньки, которая неотступно находилась не только при маленькихъ дѣвочкахъ, но и при взрослыхъ дѣвицахъ; послѣднія нерѣдко и по выходѣ въ замужество не отпускали отъ себя своихъ нянюшекъ. Простота, воздержность и умѣренность были главными добродѣтелями, къ которымъ дѣвицы приучались въ родительскомъ домѣ не на однихъ только словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Отецъ и мать строго слѣдили не только за дѣтьми, но и за самими собою, чтобы какъ-либо не оскорбить нравственнаго чувства дѣтей. Матери никогда не купались съ своими дочерьми, дабы не нарушить ихъ благо нравія и цѣломудрія—начала и конца женскихъ добродѣтелей. Въ присутствіи дѣтей было строго запрещено говорить или дѣлать что-либо непристойное. Цензоръ Катонъ однажды выгналъ изъ сената Манлія за то, что послѣдній въ присутствіи дочери осмѣлился поцѣловать свою жену. Когда дочь достигала совершеннолѣтія, на отца возлагалась забота приискать ей хорошаго жениха; тѣмъ не менѣе бракъ заключался только по взаимному и добровольному согласію жениха и невѣсты. Самое бракосочетаніе было совершаемо великимъ жрецомъ въ присутствіи десяти свидѣтелей съ принесеніемъ въ жертву пшеничнаго хлѣба. Наканунѣ бракосочетанія невѣста, послѣ жертвоприношенія Юнонѣ, учредительницѣ браковъ, снявъ тогу протексту, передавала ее дѣвственной Фортунѣ. Въ день бракосочетанія она надѣвала *Vitra recta*, вѣнокъ изъ цвѣтовъ, женскую туніку съ шерстянымъ поясомъ, красное покрывало и красные башмаки. По принесеніи жертвы Юнонѣ, брачная че-

та садилась на руно закланнаго животнаго въ воспоминаніе объ исконной одеждѣ женщинъ. При входѣ въ домъ вечеромъ, новобрачная приносила съ собою веретено, прялку и шерсть— символъ ея будущихъ трудовъ и занятій, затѣмъ получала ключъ отъ дома, какъ знакъ вступленія ея въ права домохозяйки, и, въ знакъ цѣломудрія, чистоты и строгаго брачнаго союза, прикасалась вмѣстѣ съ женихомъ къ водѣ и огню ¹⁾. Если дѣвушка, по достиженіи совершеннолѣтія, не выходила замужъ,—въ большинствѣ случаевъ она поступала въ число весталокъ,—дѣвицъ, посвятившихъ себя на служеніе богинѣ Вестѣ. Весталки, впрочемъ, также пользовались въ древнемъ Римѣ великимъ уваженіемъ. Онѣ были свободны и самостоятельны; мужчины, при встрѣчѣ, съ почтеніемъ уступали имъ дорогу; передъ ними склонялись прутья ликторовъ; простое показаніе ихъ принималось какъ-бы данное подъ присягою; преступникъ, случайно встрѣтившійся съ ними на пути къ казни, избавлялся отъ присужденнаго ему наказанія и т. п. Такого уваженія къ женщинамъ мы не встрѣчаемъ у другихъ народовъ древняго міра.

Въ иномъ положеніи находилась римская женщина и ея воспитаніе въ эпоху императоровъ, незадолго до Рождества Христова. Вліяніе Греціи сдѣлало свое дѣло. Отъ Греціи Римъ позаимствовалъ начала просвѣщенія и познакомился съ филозофскими ученіями; но вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ были позаимствованы и дурныя обычаи грековъ, принесшіе вмѣстѣ съ собою начала разложенія семейной и общественной жизни. Сначала пала древняя религія римлянъ, а вмѣстѣ съ нею и добрыя старыя обычаи и нравы. Прежняя простота, строгая умѣренность и воздержаніе мало по-малу уступили свое мѣсто безразсудной роскоши, расточительности, нравственной распущенности, постоянной праздности, открытому, чудовищному разврату. Семейныя основы были потрясены и распатаны. Женщина оставила семью и вышла, такъ сказать, на улицу. Идеаль дравней римлянки былъ забытъ. Мать перестала заиматься воспитаніемъ своихъ дѣтей и домашнимъ хозяйствомъ,

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. I, стр. 363.

и отдала это дѣло на произволь рабовъ-домоправителей, въ кухнѣ распоряжались дорого стоящіе повара. Съ молодости римлянка обыкновенно увлекалась литературою, изученіемъ наукъ и искусствъ, пѣніемъ подъ звуки цитры, писаніемъ неувлеченныхъ стиховъ. Но писаніе стиховъ и занятіе сухою философіею скоро надоѣдали праздною римлянкѣ,—и она переходила къ кокетству, такъ какъ теперь римскія женщины старались привлекать къ себѣ мужчинъ не женскими добродѣтелями стараго времени, а лишь своею внѣшнею красотою и наружною любезностію. Пошли въ ходъ бѣлила и румяна; недостатки природы хотѣли восполнить средствами искусственными. Мы жалуемся на капризы моды, на частую переменѣ дамскихъ костюмовъ и дороговизну дамскаго туалета, но, если вѣрить римскимъ историкамъ, въ Римѣ было хуже. По словамъ Плавта, туалетъ римскихъ дамъ нерѣдко разорялъ мужей: пятнадцать различныхъ модъ смѣнялись въ одинъ и тотъ-же годъ, по тридцати работниковъ бывало занято приготовленіемъ одного какого нибудь дамскаго платья. Но въ это время и римскіе мужчины были, такъ сказать, себѣ на умѣ. Ихъ трудно было поймать въ брачныя узы не только бѣлилами или румянами, но и природною красотою. Предавшись чувственнымъ удовольствіямъ и безграничному разврату, они не хотѣли стѣснять себя семейными узами и предпочитали внѣбрачныя сожителства. Этимъ они открыли путь и женщинамъ къ разврату въ самыхъ ужасныхъ, неестественныхъ, не человѣческихъ размѣрахъ. По свидѣтельству римскихъ историковъ этого мрачнаго времени въ исторіи развитія человѣчества, римскія женщины какъ-бы соперничали съ мужчинами въ распутствѣ и безнравственности. Бракъ былъ явленіемъ чисто случайнымъ, вызваннымъ совершенно сторонними мотивами: для мужчины онъ былъ нерѣдко средствомъ поправить свое разстроенное состояніе, для женщины—освободиться отъ родительской опеки. Послѣ этого нечего удивляться, что эти браки также скоро были расторгаемы, какъ и заключаемы; а потому можно повѣрить и свидѣтельству Сенеки, что въ его время бывали женщины, считавшія свои годы не по консуламъ, а по числу своихъ мужей; а Ювеналь прибавляетъ къ этому, что пѣко-

торыя жены начинали хлопотать о разводѣ, когда еще не завяли тѣ вѣтви, которыя украшали дверь спальни новобрачныхъ. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ отъ роду выходила замужъ и требовала для себя неограниченной свободы, вступала въ общество блестящаго, но развратнаго свѣта, и бросалась въ объятія безграничнаго распутства. По словамъ Плинія, о цѣломудрїи женщинъ перестали говорить еще со временъ цензорства Мессалы и Кассія. Мало того римскія женщины даже съ грубымъ цинизмомъ относились къ этой высшей добродѣтели женской. По словамъ Ювенала (Sat. 6) римскія женщины его времени не могли воздержаться отъ смѣха, проходя мимо алтаря цѣломудрїя. По словамъ Марціала, римлянка была прелюбодѣйкою, такъ сказать, на законномъ основанїи—*adultera lege est*. Мессалина, дочь Мессалы Барбата, жена императора Клавдія не можетъ быть признана единственнымъ, чудовищнымъ исключенїемъ своего времени; но о ней рассказываютъ, что къ числу ея любовниковъ принадлежали всѣ мужчины, составлявшіе придворный штатъ, офицеры, солдаты, рабы и актеры; при этомъ она не только сама предавалась такому чудовищному распутству, но еще и другихъ знатныхъ римлянокъ принуждала подъ страхомъ смертной казни предаваться въ ея присутствїи такому-же разврату. Не довольствуясь любовниками изъ своего сословія, жена патриція часто выбирала себѣ ихъ изъ черни, даже изъ среды рабовъ и гладіаторовъ—in extrema plebe. Безсильными оказывались всѣ полицейскія постановленія противъ полового распутства. Даже знатныя, въ томъ числѣ и замужнія женщины добровольно записывались въ полицейскій списокъ извѣстныхъ лицъ женскаго пола, дабы всецѣло можно было предаваться самому необузданному разврату. Императоръ Августъ открыто отсылалъ по утрамъ въ дома знатнѣйшихъ римлянъ носилки, на которыхъ ночью были приносимы къ нему во дворецъ ихъ жены. Дочь Августа, Юлія изображается историками какъ чудовище разврата. Кто изъ молодыхъ людей не находился въ преступной связи съ какою-либо замужнею женщиною, того римскія женщины презирали и считали способнымъ къ волочитству только за горничными. Римская женщина, покинувъ

семью, жила лишь среди пиршествъ и безнравственныхъ оргій. Пьяная, полунагая, а иногда и совершенно нагая, она предавалась самой безстыдной пляскѣ въ присутствіи мужчинъ или распѣвала самыя циничныя и наглыя пѣсни. Распутству не было конца; материнскія обязанности были забыты, да римскія женщины этого времени даже и боялись быть матерями, чтобы не испортить своей талии... Вѣрное замѣчаніе о нравственномъ состояніи своего вѣка сдѣлалъ Горацій въ одной изъ своихъ сатиръ:

„Обильный пороками вѣкъ сперва браки растлилъ,
 „Потомъ также родъ и семейство.
 „Изъ такого ключа истекая,
 „Зло разлилось по странѣ и въ народѣ.
 „Не дозрѣвъ, уже дѣва пристрастна къ манерамъ
 „Изнѣженныхъ грековъ она изощрилась въ кокетствѣ:
 „И о срамныхъ любовныхъ связяхъ
 „Съ колыбели уже помышляетъ.
 „Все сплошь подрито быстрымъ упадкомъ!
 „Развратное племя отцовъ породило
 „Растлѣнныхъ дѣтей, и вотъ, гляди, подростеть
 „Зловреднѣе этихъ потомство!¹⁾...

Вотъ вамъ и литературное образованіе, котораго не знала женщина древняго Рима, но которое усвоила себѣ почти каждая римлянка эпохи императоровъ! Вотъ и философія! Вотъ и писаніе стиховъ! Что-же? неужели на литературное образованіе и философію нужно смотрѣть какъ на причину второго типа римской женщины, какъ на причину распутства, развращенности, уничтоженія семьи и искаженія женской природы?—Да. Но дѣло въ томъ, что мы не должны выпускать изъ виду, какова была тогда литература и какова была философія. Литература того времени отличалась порнографическимъ характеромъ, которая своею безнравственностію часто превосходила безнравственность самаго римскаго общества; философія—эвдемонистическая, эпикурейская, ставившая удовольствіе, чувственное наслажденіе высшею цѣлію жизни человѣческой. И нечего удивляться, если такая фило-

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Пед. т. I, стр. 418.

софія вмѣстѣ съ порнографическою литературою развращала юношество и содѣйствовала нравственному разложенію римскаго общества. Къ этому нужно присоединить еще полное отсутствіе нравственно-воспитательныхъ началъ и добрыхъ примѣровъ со стороны родителей. Чего можно было ожидать отъ дѣвочекъ, которыя, какъ говоритъ Ювеналь, „въ состояніи были подрядъ поименовать любовниковъ своихъ матерей“,—которыя, по словамъ того-же римскаго писателя, „подъ диктовку матери писали любовныя письма?“... Римскія дѣвицы получали литературное образованіе только для виду, чтобы казаться учеными и образованными, но гораздо серьезнѣе изучали они безстыдныя пѣсни и пляски, противъ чего возставалъ не только Цицеронъ, но и Сципіонъ Африканскій. „Сыновей и дочерей нашей знати, говорилъ послѣдній, обучаютъ лживымъ и постыднымъ искусствамъ: они съ плясунами, музыкантами и пѣвцами ходятъ въ школы комедіантовъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ; но я самъ видѣлъ, какъ въ танцевальной школѣ пятьсотъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и въ томъ числѣ одинъ двѣнадцатилѣтній отрокъ, отплясывали такой танецъ, на который самый презрѣнный рабъ не рѣшился-бы безъ стыда“¹⁾. Дѣвочку съ самыхъ пеленокъ мать сдавала на руки рабынѣ, которая ни на что болѣе не была годна. Нѣжной дѣтской душѣ передаются ею сказки и разныя нелѣпости. Дѣвочка видитъ всю грязь, на которую были способны рабы, и привыкаетъ къ ней. Но этого мало. „Родители часто сами“, говоритъ Ювеналь, „наводятъ дѣтей на мерзость и паглость, и въ самомъ дѣлѣ, дѣтямъ теперь какъ будто прирождена порочность города, и вмѣстѣ съ тѣмъ страсть къ гладиаторскимъ играмъ и т. п. Гдѣ-же тутъ быть мѣсту въ душѣ для высокихъ искусствъ и наукъ!“²⁾.

Трудно, конечно, опредѣлить, до какихъ предѣловъ шла-бы еще римская женщина по пути разврата и какъ глубоко могло быть еще ея нравственное паденіе, при полномъ процвѣтаніи наукъ и искусствъ, при безграничной свободѣ, предоставлен-

¹⁾ Ibid. стр. 389.

²⁾ Ibid. стр. 418.

ной ей разплатанностію семейныхъ устоевъ, еслибы въ это время въ „презрѣнной“ Іудеѣ не раздался любвеобильный голосъ Спасителя, указавшій жевщивѣ ея истинное назначеніе и выывавшій слезы раскаянія у осужденныхъ на смерть блудницъ и величайшихъ грѣшницъ.

Христіанство указало жевщивѣ новое, неизвѣстное древнему міру, положеніе. Оно освятило бракъ не только какъ физическое сожительство, но главнымъ образомъ, какъ неразрывный *нравственный* союзъ и такимъ образомъ положило новую основу не только для нравственной жизни, но и для воспитанія. Брачный союзъ христіанскихъ родителей есть образъ духовнаго, но неразрывнаго, вѣчнаго союза Христа съ Церковію. Поэтому христіанство осуждаетъ не только фактическое нарушение супружеской вѣрности, но и мысленное. „Всякій, кто смотритъ на жевщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. Такимъ образомъ, семья снова получаетъ для себя твердое основаніе; любовь между мужемъ и женою является необходимымъ основаніемъ брачнаго союза. Человѣкъ долженъ оставить отца и мать и прилѣпиться къ жевѣ своей. Мужъ долженъ быть не безконтрольнымъ деспотомъ и повелителемъ своей жевы, но главою ея, потому что на него возлагаются всѣ заботы по обезпеченію жевы и дѣтей и на него-же возлагается главная отвѣтственность. Мужъ обязанъ безгранично любить свою жеву, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь и Себя предалъ за нее. Жена должна любить и повиноваться своему мужу, какъ Господу. Родители должны жить только для дѣтей, дѣти должны безпрекословно повиноваться своимъ родителямъ и любить ихъ. Цѣль воспитанія указана не въ томъ, чтобы развивать только способныхъ и нравственныхъ, но и исправлять „блудныхъ“ дѣтей, устранять воспитаніемъ вкоренившіеся въ нихъ недостатки. Въ дѣлѣ своего спасенія и нравственнаго усовершенствованія жевщина получила права равныя съ мужчинами; она такой-же членъ Церкви, какъ и всякій мужчина; предъ Господомъ нѣтъ различія половъ; всѣ люди—и мужчины, и жевщины—дѣти одного Отца небеснаго. Украшеніемъ христіянки должно быть „не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые

уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ“. Для общаго блага, для блага Церкви Христовой необходимо даже, чтобы женщины въ нравственномъ отношеніи были примѣромъ для своихъ мужей, почему апостоль и заповѣдуетъ женщинамъ: „вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова приобретаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе“ (1 Пет. III, 1—2). Учительства въ Церкви христіанство не предоставило женщинѣ; но указало ей на семью и воспитаніе дѣтей, какъ на самую естественную область для ея вѣстаннаго труда и дѣятельности. И исторія христіанской Церкви свидѣтельствуетъ намъ, что эти христіанскія начала не замедлили принести богатые плоды. Вотъ какими чертами уже Тертуліанъ изображаетъ христіанскую семью. „Какая связь между двумя вѣрующими, у которыхъ сообща одна надежда, одно желаніе, одна цѣль жизни, одно служеніе Господу? Для обоихъ, какъ для брата и сестры, нѣтъ розни между духомъ и плотію, тутъ подлинно двое въ одной плоти; они сообща преклоняютъ колѣна, сообща молятся и постятся, взаимно учатъ увѣщаваютъ, поддерживаютъ другъ друга; они вмѣстѣ во храмѣ Божіемъ, вмѣстѣ у причастія; они дѣлятся другъ съ другомъ бѣдствіями, несчастіями, радостями; никто изъ нихъ не утаиваетъ ничего отъ другаго, никто не избѣгаетъ другаго; добровольно посѣщается больной, поддерживается нуждающійся; въ средѣ ихъ раздаются псалмы и гимны, и они какъ-бы соревнуютъ между собой, кто лучше пропоетъ своему Богу“. Изъ чудовища разврата и нравственной распущенности, какою была женщина въ языческомъ Римѣ или Греціи, въ христіанской семьѣ она является олицетвореніемъ безпредѣльной любви, глубокаго смиренія и христіанской кротости. Желаніе ап. Петра исполнилось. Въ христіанской семьѣ уже въ вѣкъ Златоуста женщины верѣдко превосходили мужчинъ своими нравственными качествами и христіанскими добродѣтелями. По этому поводу Іоаннъ Златоустъ говоритъ слѣдующее: „Было время, когда женщины стояли наравнѣ съ мужчинами. Теперь

же наоборотъ. Посмотрите, что совершило пришествіе Христа на землю! Женщины превосходятъ насъ въ благородныхъ нравахъ, христіанской ревности и благочестія, въ любви ко Христу, снявшему проклятіе съ женскаго пола“. Христіанская семья стала по-истинѣ домашнею церковію. Христіанская дѣвушка отличалась скромностію и домовитостію: она съ дѣтства привыкала посвящать всѣ свои силы и труды на служеніе отцу, матери, братьямъ и сестрамъ. По примѣру евангельскихъ женъ, служившихъ дѣлу Христову „отъ имѣній своихъ“ христіанскія дѣвицы первыхъ вѣковъ находили для себя великое удовольствіе шить вещи, необходимыя для богослуженій, жертвовать въ храмъ отъ трудовъ своихъ; кромѣ того, они прислуживали въ храмѣ, наставляли въ христіанской вѣрѣ язычницъ, готовившихся вступить въ число членовъ Церкви Христовой, ухаживали за больными, обшивали сиротъ, прислуживали въ богадѣльняхъ, помогали бѣднымъ. Чтеніе Слова Божія и пѣніе христіанскихъ гимновъ во славу Спасителя составляло ихъ лучшее домашнее занятіе въ свободное время. Всегда скромная, тихая, безгранично смиренная, христіанская дѣвица являлась твердою и непреклонною, когда христіанскіе гонители хотѣли заставить ее отречься отъ Христа и отъ вѣры въ Него. Безстрашно, но тихо шла она на крестъ, костеръ, ложилась подъ колесо, или клала на плаху свою голову. Исторія христіанской Церкви представляетъ намъ цѣлый и длинный рядъ такихъ непобѣдимыхъ героинь христіанскихъ. Вспомнимъ только о подвигахъ христіанскихъ дѣвицъ—мученицъ—Вѣры, Надежды, Любви, Варвары, Антонины и мн. др. Христіанская женщина обладала такими рѣдкими и высокими добродѣтелями, что имъ удивлялись даже язычники, враги христіанъ, а Ливаній, языческій профессоръ краснорѣчія въ Антиохіи, невольно воскликнулъ: „что за жены у христіанъ!“ Такъ возродило женщину Христово Евангеліе!

Свое воспитаніе христіанскія дѣвицы получали исключительно въ семьѣ. Мать была ихъ главною руководительницею и ей принадлежало вліяніе на дѣтей, какого не знали язычницы. Идеаломъ христіанскихъ матерей, которому онѣ старались подражать, была Пресвятая Дѣва Марія. Онѣ сами кормили

грудью своихъ дѣтей; сами одѣвали ихъ, сами смотрѣли за ними; вмѣстѣ съ ними молились, читали имъ Св. Писаніе, рассказывали о мученическихъ подвигахъ и страданіяхъ. Такимъ образомъ Нонна воспитала св. Григорія Назіанзина, Анфуса—Златоустаго, Моника—Августина, Софія—Вѣру, Надежду и Любовь. Дѣвочки учились у матери прясть, ткать, шить и проч. Христіанская мать настолько оказалась хорошею воспитательницею, что воспитаніе дѣтей Златоустъ уже прямо вмѣняетъ въ обязанность женщины. „Мужъ, шатаясь по рынкамъ и судамъ, говоритъ онъ, закидывается волнами внѣшней, безпокойной жизни. Жена, сидя дома, всегда можетъ собраться съ мыслями, заняться чтеніемъ молитвы и Священнаго Писанія. Наслаждаясь покоемъ, она можетъ принять къ себѣ много-тревожнаго въ душѣ мужа, образовать его, обрѣзать дикіе наросты его души и опять отослать его въ свѣтъ, очищеннаго отъ дурнаго и съ запасомъ добра, извѣданнаго имъ въ лонѣ семьи; ибо никто не можетъ такъ образовать мужа и настроить по своему желанію его душу, какъ благочестивая и разумная жена“.

Въ дѣлѣ воспитанія своихъ дочерей христіанскія матери обыкновенно руководствовались общими началами, указанными христіанствомъ, желаніемъ достигнуть высокаго нравственнаго идеала, своею любовію къ дѣтямъ и непосредственнымъ чувствомъ матери. Но иногда онѣ обращались за совѣтами къ наиболѣе знаменитымъ отцамъ и учителямъ Церкви и получали отъ нихъ надлежащія наставленія. Благодаря этому, мы встрѣчаемъ, напр., у Иеронима цѣлую теорію женскаго воспитанія и обученія. Одна благочестивая христіанка, по имени *Лета*, жена пѣкагого Токсоція, имѣвшая дочь Павлу, обратилась къ бл. Иерониму съ просьбою дать ей указанія относительно воспитанія и обученія дочери. По этому поводу Иеронимъ отправилъ къ ней письмо слѣдующаго содержания ¹⁾. „По просьбѣ твоей я намѣренъ научить тебя, какъ

¹⁾ Письмо это довольно длинно, но оно драгоцѣнно для насъ какъ памятникъ первой христіанской научной теоріи воспитанія и обученія женщины. Мы приводимъ его здѣсь полностью.

слѣдуетъ воспитать нашу Павлу, посвященную Христу еще до рожденія ея на свѣтъ, обреченную Ему тобою, еще до зачатія ея во чревѣ матери. Дочь, обязанная своимъ рожденіемъ обѣту, должна отъ своихъ родителей получить образованіе достойное происхожденія ея. Самуиль воспитывался во храмѣ; Іоаннъ приготовлялся въ уединеніи. Подобно Самуилу и Іоанну надлежитъ наставить душу, назначенную быть храмомъ Божіимъ; она должна навикнуть не слышать ничего, не говорить ничего, кромѣ относящагося къ страху Божію. Она не должна понимать постыдныхъ словъ, не должна знать свѣтскихъ пѣсень. Въ нѣжномъ возрастѣ уже языкъ ея долженъ обладать искусствомъ сладкихъ псалмопѣній. Шалуновъ мальчиковъ слѣдуетъ удалять отъ нея; даже подругъ и служанокъ ея надлежитъ удерживать отъ мірскихъ сношеній, дабы онѣ, научась дурному, не поучали-бы въ свою очередь еще худшему. Ребенку дай буквы изъ дерева или слоновой кости и называй ихъ по именамъ. Пускай играетъ ими, дабы и самая игра была поученіемъ. Не соблюдай общепринятаго порядка азбуки, дабы имена не запечатлѣлись твердо въ памяти подобно пѣснямъ; напротивъ, почаще перемѣшивай ихъ, такъ чтобы дитя узнавало ихъ не только по звуку (съ голоса), но и по одному лишь виду. Въ награду' можетъ оно составлять слоги; вообще надо поощрять его такими наградами, какими интересуется этотъ возрастъ. При ученіи слѣдуетъ дать ей подругъ, съ которыми дитя соперничало-бы, хвалою которыхъ оно поощрялось-бы. Когда оно будетъ лѣниться, не слѣдуетъ бранить его, напротивъ—надо ободрить духъ его, такъ чтобы дитя само радовалось, когда восторжествуетъ надъ собою, точно также, чтобы оно сѣтовало, когда будетъ лѣниться. Больше всего слѣдуетъ остерегаться, какъ-бы не отбить у нея охоты къ ученію; иначе отвращеніе, разъ укоренясь въ дѣтствѣ, разростется въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Даже имена, которыя она будетъ складывать, сочетая между собою буквы, должны быть избираемы не случайно, но опредѣленно и съ умысломъ, по преимуществу имена пророковъ и апостоловъ. Учителемъ слѣдуетъ избрать человѣка пожилыхъ лѣтъ, испытаннаго нрава и богатаго познаніями; я не

думаю, чтобы ученый мужъ постыдился занять при родственной ему и благородной дѣвицѣ ту-же должность, какую занималъ Аристотель при сынѣ Филиппа, и самолично сообщалъ дитяти начальныя основанія всякаго знанія съ помощію переписчиковъ книгъ. Не слѣдуетъ пренебрегать тѣмъ малымъ, безъ котораго невозможны великое и важное. Даже звуки первыхъ буквъ и первое сообщеніе правилъ будутъ иные отъ образованнаго челоука, чѣмъ отъ необразованнаго. Поэтому наблюдай какъ за тѣмъ, чтобы твоя дочь не приучалась нелѣпыми ласками нянекъ искажать слова въ произношеніи, такъ точно и за тѣмъ, чтобы она не играла ни золотомъ, ни багряницею; первое вредитъ языку, послѣднее—характеру: ей не слѣдуетъ приучаться въ нѣжномъ возрастѣ тому, чему придется послѣ разучиваться. Краснорѣчіе грековъ приписывается большею частію вліянію, какое съ дѣтства имѣла на нихъ рѣчь ихъ матери. Витійство Гортензія развилось на лонѣ его отца. Съ трудомъ лишь искореняется то, что внѣдрилось въ непочатая еще души. Греческая исторія повѣствуетъ, что державный царь, Александръ, покоритель цѣлаго міра, не могъ избавиться какъ въ поступкахъ своихъ, такъ и въ походехъ отъ недостатковъ своего воспитателя, Леонида, усвоенныхъ имъ съизмала. Ибо злу охотно подражаютъ и, слѣдуя чьимъ-либо добродѣтелямъ, заодно подражаютъ также и ошибкамъ его. Самая одежда и наружная обстановка должны поучать дитя, кому оно посвящено. Не давай ему серегъ; не украшай посвященный Христу ликъ бѣлилами и румянами; не вѣшай на шею ни золота, ни жемчуга; не обременяй головы драгоценными каменьями, не крась волосъ, дабы не приготовить ихъ для огня геенны. Она обрететъ иные жемчуги, за которые можетъ купить себѣ одну драгоценную жемчужину. Потомъ когда подрастетъ твоя дочь и начнетъ по примѣру Жениха своего преуспѣвать въ мудрости, лѣтахъ и милосердіи у Бога и людей, то она должна пойти въ храмъ своего истиннаго Отца вмѣстѣ съ родителями, но не возвращаться оттуда съ ними. Пусть они ищутъ ее въ странствіяхъ по свѣту среди толпы и тѣсноты народной, но они заставутъ ее всегда лишь въ святыняхъ Писанія, спрашивающую проро-

вовъ и апостоловъ о духовномъ бракѣ ¹⁾. Она никогда не должна ходить по улицѣ; она не должна также кушать открыто, т. е. даже ни на пиру въ родительскомъ домѣ, дабы не видѣть яствъ, которыхъ могла-бы возжелать потомъ. Хотя нѣкоторые думаютъ, будто высшая добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы презрѣть все видимое богатство, однако я скорѣе убѣжденъ, что мы будемъ гораздо болѣе увѣрены въ своемъ воздержаніи, когда вовсе не будемъ знать предмета желаній. До времени болѣе зрѣлаго развитія слишкомъ строгое воздержаніе опасно; до этого возраста она можетъ, если окажется потребность, не только пользоваться купаньемъ, но даже пить въ надлежащей мѣрѣ вино ради желудка, точно также подкрѣплять себя мясною пищею, дабы погибшаго не ослабила, пока она не начала еще ходить. Я разумѣю это въ видѣ дозволенія, а не приказанія, — оттого, что опасюсь слабости, а не для того, чтобы приучать къ роскоши. Твоя дочь должна быть глуха для музыки; ей даже знать не надо, для чего сдѣланы флейта, лира и цитра. Пусть она каждый день скажетъ тебѣ урокъ, выбранный въ родѣ цвѣтка изъ Священнаго Писанія. Она должна изучить греческую метрику; а вскорѣ затѣмъ пускай послѣдуетъ латинское преподаваніе; если съ самаго начала не образуются нѣжныя уста ея, то языкъ будетъ испорченъ чуждыми звуками и родную рѣчь исказятъ чужеземныя ошибки. Ты сама будь ей наставницей; пусть неопытное дитя тебѣ удивляется. Оно ни въ тебѣ, ни въ отцѣ, своемъ отнюдь не должно видѣть ничего грѣховнаго. Дочь твоя никогда не должна ходить безъ тебя по церквамъ и соборамъ. Никогда молодой человѣкъ съ завитыми волосами не долженъ любезничать съ нею. Назначь ей пожилую дѣву испытанной вѣрности, честности и скромности, дабы она наставляла ее своимъ примѣромъ и приучала вставать ночью для молитвы и псалмовъ, а по утрамъ пѣть хвалебныя пѣсни. Въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу она, какъ поборница Хри-

¹⁾ Говоря это, Иеронимъ, очевидно, имѣетъ въ виду евангельскій рассказъ о двѣнадцатилѣтнемъ Отрокѣ Иисусѣ Христѣ, посѣтившемъ Иерусалимскій храмъ и оставшемся въ немъ ради бесѣды съ иудейскими книжниками (Лук. II, 41—52).

ста, должна находиться на своемъ поприщѣ и, когда засвѣтять лампаду, читать вечернюю молитву. Такъ пусть проходятъ дни ея, такъ да бодрствуетъ она по ночамъ. Пусть чтеніе смѣняется молитвою, а молитва—чтеніемъ. Быстро пройдетъ для нея время, наполненное столь разнообразною дѣятельностью. Пусть она учится шерстянымъ работамъ, вязать сѣти, плести корзинки, вертѣть веретеномъ и тянуть нити на пальцѣ. Въ противоположность этому она должна презирать шелковыя ткани, драгоценныя платки и шитье золотомъ. Пусть она изготовляетъ себѣ такую одежду, которая согрѣваетъ тѣло, а не такую, которая разоблачаетъ одѣтое. Пищею ей да служатъ овощи, въ исключительныхъ случаяхъ—рыба. Я отвергаю, особенно для юнаго возраста, продолжительный и чрезмѣрный постъ, когда на нѣсколько недѣль запрещается жиръ при пищѣ и плоды. Въмѣсто драгоценныхъ камней и шелковыхъ одеждъ пусть полюбитъ она божественныя грамоты. Пускай она сперва изучитъ псалтырь; потомъ отрѣшившись отъ этихъ пѣсней, пусть поучается для жизни на притчахъ Соломоновыхъ. Экклезіастъ пусть научитъ ее попирать ногами все, что принадлежитъ свѣту. Іовъ да послужитъ ей образцомъ добродѣтели и терпѣнія. Пусть потомъ перейдетъ она къ Евангеліямъ, которыя никогда не должна выпускать изъ рукъ. Дѣянія Апостоловъ и Посланія ей необходимо усвоить себѣ съ точностію. Наполнивъ сокровищницы своего сердца этими драгоценностями, она должна запечатлѣть въ памяти своей Пророковъ, Пятикнижіе, книги Царствъ и Паралипоменонъ, потомъ также книги Эздры и Нееміи. Въ заключеніе она безъ вреда можетъ прочесть Пѣснь Пѣсней; прочти она ее вначалѣ, она не поняла бы духовно-брачной пѣсни, скрытой подъ плотски звучащими словами и могла бы повести вредъ. Апокрифическихъ книгъ она вовсе не должна читать. Если же ей когда нибудь вздумается читать ихъ, не для укрѣпленія догматовъ вѣры, но изъ уваженія къ именамъ, которыми онѣ обозначены; то пусть она знаетъ, что эти книги составлены не тѣми, именами которыхъ онѣ озаглавлены, что въ нихъ примѣшано много ошибочнаго и что требуется много ума для того, чтобы изъ грязи выбрать золото. Творенія Кипріана должны у нея постоянно

быть подъ рукою. Посланія Аѳанасія и творенія Иларія ей не возбраняются. Пусть наслаждается разсужденіями, духомъ тѣхъ, въ чьихъ книгахъ крѣпка святая вѣра. Остальныхъ она можетъ читать съ тѣмъ, чтобы взощрять на нихъ свой разсудокъ, но отнюдь не для подражанія. Воспитай ее въ монастырѣ; пусть она участвуетъ въ хорахъ дѣвиць; клясться она пусть не привыкаетъ; ложь должна казаться ей богохульствомъ; пусть не вѣдаетъ она ничего о свѣтѣ; она должна жить подобно ангеламъ; во плоти да будетъ она свободна отъ плоти и пусть думаетъ, что всѣ люди такіе же, какъ и она^а.

Кромѣ этого, Іеронимъ и еще имѣлъ разъ случай высказать свой взглядъ на постановку женскаго воспитанія и обученія, — это именно въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ, который просилъ у него руководственныхъ наставленій, какъ ему воспитать и образовать дочь свою — Пакатулу. Впрочемъ, здѣсь Іеронимъ придерживается той же самой основной мысли — обученіе наукамъ и руководѣльямъ должно быть соединено съ основательнымъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ въ духѣ Христовомъ.

Къ сожалѣнію, на свѣтломъ небосклонѣ христіанскаго міра скоро стали появляться тѣни, бросаемаыя отъ страстей человѣческихъ. Восточная имперія, искусственно составленная и поддерживаемая, не забывшая еще преданій „развратнаго грека“, этотъ по-истинѣ старый и ветхій мѣхъ не могъ удержать въ себѣ „вина новаго“. Истинное христіанство во всей его неповрежденной чистотѣ и непосредственности нашло для себя мѣсто лишь въ уединенныхъ монастыряхъ и небольшомъ количествѣ частныхъ лицъ. Въ императорскихъ дворцахъ господствовали развратъ, интриги, расточительность. Двору подражали сановники и т. д. Повсюду замѣчалась какая-то двойственность. Христіанскіе идеалы были затемнены языческими преданіями. Христіанское воспитаніе можно было получить только въ монастырѣ. Среди знати опять стала господствовать наука языческая. Женщина мало по-малу опять потеряла то высокое положеніе нравственной личности, которое было дано ей христіанствомъ. Она стала или рабою, или игрушкою въ глазахъ страстнаго мужа. Кокетство, роскошь, туалетъ, ин-

триги—вотъ чѣмъ жила тогдашняя аристократка восточной имперіи. Какъ на пріятное исключеніе можно указать только на Евдокію, дочь Исаака Комнина, которая получила по тому времени весьма серьезное образованіе не только ума, но и сердца, и, вышедши замужъ также за высокообразованнаго Константина Дуку, покровительствовала школамъ и заботилась о распространеніи образованія. Но въ чемъ полагали образованіе въ ея время? Не въ христіанскомъ воспитаніи, а въ изученіи грамматики, реторики, древнихъ классиковъ да философскихъ системъ Платона и Аристотеля.

Начала *магометанства* еще болѣе повліяли на униженіе женщины. По ученію Магомета, женщина, по своимъ способностямъ и дарованіямъ, гораздо ниже мужчины; она создана Богомъ лишь для того, чтобы рождать дѣтей и быть въ услуженіи у своего мужа, поэтому она есть собственность мужа, которую нужно покупать за деньги, если нельзя украсть, и которую можно потомъ уступить другому, продать, промѣнять или подарить ¹⁾. Когда магометанство проникло въ Византію, неволью было усвоено греками и его воззрѣніе на женщину. Впрочемъ съ паденіемъ Константинополя, навсегда пало и культурное значеніе византійской цивилизаціи. На арену исторіи выступили другіе народы—франки, германцы и сла-

¹⁾ Что касается воспитанія мусульманскихъ дѣвицъ, то о немъ можно судить по наставленію, находящемуся въ книгѣ Кабуса, написанной повелителемъ Дилемитовъ Къекъявомъ для сына его Гилянъ-шаха. Вотъ это наставленіе. „Если у тебя, сынъ мой, будетъ дочь, то передай и поручи ее цѣломудренной кормилицѣ,—пока она не поумиѣетъ. Потомъ назначь ей учительницу, которая обучала-бы ее корану и наставляла-бы во всѣхъ правилахъ и обязанностяхъ ислама, какія необходимо изучить для знанія молитвъ и постовъ, запоиѣдей Божіихъ и постановленій. Но не позволяй учить ее письму, дабы не вздумалось ей собственноручно писать о своихъ какихъ-бы то ни было пожеланіяхъ, ни сообщать ихъ кому-либо. Когда-же она вырастетъ вполне, то старайся скорѣе передать ее мужу и сочетать бракомъ. Пріютить дочерей либо въ домъ мужа, либо въ домъ земли, это одно изъ самыхъ почетныхъ дѣлъ. Пока однако дочь твоя при тебѣ и въ твоёмъ домѣ, до тѣхъ поръ не отказывай ей ни въ любви, ни въ участіи, ни въ попеченіяхъ, ибо дочери въ нѣкоторомъ родѣ плѣнницы отца и матери. По мѣрѣ твоего состоянія и смотря по обстоятельствамъ, пекись о приданномъ и содержаніи твоей дочери и выдай ее замужъ за мусульманина, дабы избавить отъ заботъ о ней“. К. Шмидтъ, *Ист. Педаг.*, т. II, стр. 110.

вяне. Но особенное вліяніе на развитіе умственной жизни европейскихъ государствъ суждено было имѣть германцамъ. На нихъ-то мы и остановимъ свое вниманіе.

Простые нравы *германцевъ* были извѣстны уже древнему дохристіанскому Риму. Тацитъ указывалъ развратнымъ римскимъ аристократамъ на цѣломудренныхъ германокъ, какъ на образецъ достойный подражанія. И, дѣйствительно, древній патриархальный бытъ германцевъ имѣлъ не мало симпатичныхъ сторонъ. Семейная жизнь была основана на самыхъ строгихъ началахъ. Многоженства, кажется, совсѣмъ не существовало; прелюбодѣяніе считалось величайшимъ позоромъ; прелюбодѣйку убивали на мѣстѣ преступленія или предавали ее публичному позору: остриженную, нагую, ее водили по улицамъ и каждому предоставлялось полное право издѣваться надъ нею. Отецъ былъ полновластнымъ главою своего семейства. Жена его была вполне подчинена ему, но пользовалась со стороны мужа надлежащимъ уваженіемъ; въ присутствіи дѣтей мужъ не имѣлъ права показать къ своей женѣ какое-либо неуваженіе. Дѣти признавались собственностію родителей и обязаны были безпрекословно повиноваться имъ. Науки древніе германцы не долюбляли и научныя занятія считали „бабьимъ дѣломъ“. Впрочемъ и германскія женщины не отличались особенною любовію къ книжному ученію; все свое вниманіе они посвящали семьѣ, воспитанію дѣтей и веденію домашняго хозяйства. Общественныхъ или другихъ какихъ-либо учебныхъ заведеній не существовало. Дѣвицы росли и воспитывались дома подѣ непосредственнымъ руководствомъ матерей; чтенію и письму онѣ обучались только изрѣдка; изрѣдка-же онѣ усвоили себѣ простые способы лѣченія больныхъ и таинственныя гаданія. Главнымъ образомъ каждая мать заботилась только о томъ, чтобы приучить свою дочь вести домашнее хозяйство и работать для семьи: шить, ткать, прядь, вязать, работать въ полѣ и т. п. При этомъ дѣвицы приучались къ простотѣ жизни, неприхотливости костюма, строгой умѣренности, скромности и воздержанію.

Общественныя женскія школы у германцевъ стали появляться только со времени принятія христіанства, хотя, впрочемъ, больше

обращалось вниманія на обученіе мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Первыя школы для дѣвочекъ были открываемы въ женскихъ монастыряхъ (преимущественно—Бенедиктинскихъ). Здѣсь обучали ихъ женскимъ рукодѣльямъ, а также чтенію и письму; ежедневно водили въ церковь и—пужво отдать справедливость—большое обращали вниманіе на религіозное воспитаніе. Вообще въ этотъ періодъ времени воспитаніе германскихъ дѣвушекъ можно назвать церковно-монашескимъ. Знаніе католическихъ легендъ, общеупотребительныхъ молитвъ и нѣсколькихъ разсказовъ изъ свящ. исторіи—вотъ весь курсъ тогдашняго школьнаго образованія; только съ восьмого вѣка въ германскія женскія монастырскія школы вводится преподаваніе латинскаго языка, какъ языка католическихъ богослуженій, и языка науки. Если знатные германцы не желали отдавать дочерей своихъ въ монастырскія школы и были намѣревы дать имъ домашнее образованіе, то они приглашали для этого какого-либо патера или монаха и особую воспитательницу, которой и поручался неопустительный надзоръ за ними. Предметы преподаванія были, конечно, тѣже, что и въ монастырскихъ школахъ; только о дочери Карла Великаго говорятъ, что какой-то евнухъ обучалъ ее еще и греческому языку. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что какъ въ монастырскихъ школахъ, такъ и дома образованіе получали только дѣвицы высшихъ сословій; но мы не имѣемъ никакого историческаго основанія утверждать, чтобы въ это время получали школьное образованіе дѣти крестьянъ и даже горожанъ. Каждая мать, по прежнему, еще считала своею обязанностію обучать дочерей шить, прясть, наблюдать за кухнею, кладовою и погребомъ. Благопристойность, скромность и простота также принадлежали еще къ числу женскихъ добродѣтелей.

Вѣкъ средневѣковаго *рыцарства* положилъ свой особый отпечатокъ на женское воспитаніе и образованіе. Поклоненіе жевщинѣ, обожаніе ея рыцарство объявило однимъ изъ важнѣйшихъ членовъ своего краткаго и безсодержательнаго катихизиса. Женщинѣ приписали важное воспитательное значеніе въ дѣлѣ развитія духа „благороднаго“ рыцарства. Безъ „дамы сердца“ рыцарь былъ немислимъ. Онъ носилъ ея цвѣта

и гордился подаренными ему знаками ея любви—поясомъ или кольцомъ; нерѣдко сверхъ своихъ латъ рыцарь надѣвалъ даже рубашку, которую носила его „королева сердца“. Такой взглядъ на женщину, само собою понятно, заставилъ обратить особенное вниманіе на ея образованіе. И германская женщина вышла изъ своей домашней и монастырской замкнутости. Ей дается теперь широкое литературно-научное образованіе, какового не получали сами исполненные невѣжества рыцари. Является цѣлый рядъ женщинъ-писательницъ и философовъ аристотелевскаго пошиба. Женщины берутъ въ свои руки шьолы и домашнее воспитаніе. Итальянка Бетизія Гадцедина, первая получившая дипломъ доктора правъ, по окончаніи курса въ Болоньи въ 1209 году, становится идеаломъ женскихъ стремленій рыцарской эпохи. Въ университетахъ Падуа, Болоньи, Милана и Павіи многія женщины получаютъ уже дипломы врачей ¹⁾. Правда, это были исключенія,—но они были въ дѣйствительности. Само собою понятно, что рыцарство не желало видѣть своихъ „дамъ сердца“ пошедшими по этой дорожкѣ; оно идеализировало ихъ, искало въ нихъ только женственности, религіозности, вдохновенія и любви; но, разъ отворивъ двери дома и выпустивъ женщину на улицу, предоставивъ ей полную свободу и даже господство надъ собою, рыцарство было не въ силахъ воспрепятствовать совершенно противоположному направленію тѣхъ женщинъ, которыя, за отсутствіемъ внѣшней красоты и другихъ качествъ подобнаго рода, или просто за излишкомъ не могли попасть въ число рыцарскихъ „королевъ сердца“ и потому съ злостію отправились въ университеты терзать бездушные трупы. Въ этомъ-то и заключается двойственность рыцарской эпохи, ея внутреннее противорѣчіе: высокій идеалъ женщины стоитъ рядомъ съ ея безграничнымъ паденіемъ. Католическіе патеры, страствующіе художники, пѣвцы и поэты, пѣніе и музыка, пѣсни, саги и фантастическія исторіи могли имѣть значеніе для женщины, только пока она оставалась въ домѣ, среди семьи, не измѣняла своей природѣ; любовь и поклоненіе рыцаря ей бы-

¹⁾ Овцынъ, Развитие женскаго образованія, стр. 6.

ли пріятны пока онѣ касались ея, какъ женщины; но боль скоро она замѣтила, что на самомъ дѣлѣ она была для рыцаря только игрушкой, ей стоило большого труда и благоразумія, чтобы самой не содѣйствовать искаженію своей природы въ безумномъ отмщеніи за полученное оскорбленіе, въ тяжеломъ чувствѣ разочарованія или отчаянія. И нужно отдать честь нѣкоторымъ благоразумнымъ женщинамъ рыцарской эпохи,—онѣ понимали свое положеніе; но крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, Винсбекина, даетъ такое наставленіе своей дочери: „Если птенецъ слишкомъ рано покидаетъ гнѣздо свое,—онъ дѣлается игралищемъ птицъ и онѣ ощиляютъ ему перья. Такъ-то, дитя мое, будетъ и съ тобою, если въ юности будешь говорить красно, но окажешься глухою въ дѣлахъ своихъ. Мужчины крайне измѣнчивы. Они носятъ шапки-невидимки, т. е. они являются, а потомъ быстро исчезаютъ, обольстивъ своими рѣчами. Какова-бы, впрочемъ, ни была невѣрность мужчинъ,—намъ, женщинамъ, все-таки слѣдуетъ быть тверже и вообще ненавидѣть всякаго, кто обаялся-бы нескромнень съ нами. Поступай мы такъ, они, вѣрно, щадили-бы насъ болѣе. Они должны ласково упрашивать женщинъ и любовно хранить ихъ въ душѣ своей; а женщины должны цѣломудренно отказывать (кому и въ чемъ?—не досказывается). Но если иная окажется чувственною и слабою, то послѣ ей нечего слишкомъ жаловаться; ибо позднее раскаяніе ничего не стоитъ, и когда грѣхъ совершился, то падшая должна подвергнуться поруганію“¹⁾. Такимъ образомъ, если подвести правильный итогъ эпохѣ рыцарства, то окажется, что, объявивъ своимъ принципомъ поклоненіе и уваженіе къ женщинамъ, на самомъ дѣлѣ рыцарство болѣе всего содѣйствовало униженію женщины. 1) Какъ мы видѣли уже, не признавъ однѣхъ изъ женщинъ „дамами своего сердца“, но оторвавъ ихъ отъ семьи, рыцари именно дали имъ поводъ, оставивъ прямое назначеніе женщины, идти въ университеты и тамъ взяться—такъ сказать—не за свое дѣло. Мы знаемъ только, что въ это время нѣкоторыя женщины получали дипломы врачей; но были-ли онѣ *хорошими* врачами и даже—

¹⁾ У Г. Шмидта, Ист. Педаг. т. II. стр. 266.

практиковали-ли онѣ, — исторія объ этомъ не говоритъ ни слова. 2) Рыцарство увлекалось только молодыми и красивыми женщинами; но какъ скоро послѣднія старѣли и красота ихъ увядала, — рыцари, какъ выразилась Винсбекина, надѣвали шапки-невидимки и поминай ихъ, какъ звали! Что оставалось дѣлать женщинѣ покинутой, оскорбленной, устарѣвшей и увядшей? И вотъ мы видимъ, что въ вѣкъ рыцарства женщины, разочарованныя жизнью, потерявшія вѣру въ людей, массами наполняютъ католическіе монастыри, массами, закрывъ глаза, бросаются въ омутъ грязнаго разврата. Достаточно связать, что именно въ XIV вѣкѣ, въ лучшую эпоху рыцарства, съ разрѣшенія правительства, въ Германіи были открыты дома терпимости... Вотъ куда суждено было попасть женщинѣ, послѣ того какъ она была провозглашена существомъ достойнымъ быть лишь „предметомъ поэзіи!“...

Что касается общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній (помимо школъ при женскихъ монастыряхъ), то въ Германіи впервые они стали появляться лишь не задолго до реформаціи. Такъ, мы знаемъ о существованіи женскихъ учебныхъ заведеній въ это время въ Любецѣ и Нюренбергѣ. Главнымъ предметомъ преподаванія въ этихъ школахъ былъ латинскій языкъ, какъ и въ школахъ монастырскихъ. Кромѣ того, двѣдцы изучали здѣсь (на память и дословно) такъ называемый Символь апостольскій, семь псалмовъ покаянія, церковныя пѣсни, двустипія Катона, библейскія исторіи изъ Θεодуловыхъ эклогъ, 24 стиха изъ календаря *Cisio-Ianus* и др. Методъ обученія былъ самый безжизненный и схоластическій. Позже была открыта довольно большая женская школа съ четырьмя учительницами въ Брюсселѣ. Но это было низшее или *мѣщанское* училище, въ которомъ обучали лишь молитвамъ, чтенію и не всегда письму. Такія женскія школы для низшаго сословія существовали, впрочемъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ еще въ XIII и XIV вѣкахъ; такъ были подобныя школы въ Майнцѣ (въ 1240 г.), Гравезандѣ (въ 1322 г.), Лейденѣ (въ 1324 г.), Роттердамѣ (въ 1328 г.), Дельфтѣ (въ 1342 г.), Габрѣ (въ 1358 г.), Схидамѣ (въ 1366 г.), Гарлемѣ (въ 1389 г.), Алькмарѣ (въ 1390 г.) и др. Въ это время стали появляться даже

женскія общества, ставившія своею задачею воспитаніе и образованіе женщинъ. Членами этихъ обществъ были въ большинствѣ случаевъ старыя дѣвы, не вышедшія въ свое время замужъ и не имѣвшія родныхъ; въ первый разъ они явились въ Баваріи и Нидерландахъ, гдѣ онѣ назывались *бегинами*, „богомолницами“, а въ Швейцаріи—„отшельницами“, „вольными монахинями“, „пустынно-жительницами“ и т. п. ¹⁾ Въ такомъ же—въ сущности—положеніи находилось воспитаніе и образованіе женщины и въ другихъ европейскихъ государствахъ того времени—въ Италіи, Франціи, Англии, Венгріи и Испаніи. Поэтому мы и не находимъ нужнымъ говорить о нихъ въ частности.

Новое положеніе занимаетъ германская женщина и иное направленіе получаетъ женское образованіе со времени реформациі. Именно въ женщинѣ и особенно въ матери Лютеръ усматривалъ ту могущественную силу, которая болѣе всего могла поддержать и продолжить начатое имъ дѣло. Ему необходимо было поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы германская женщина не только была воспитана на началахъ протестантства, но и въ непримиримой враждебности къ католичеству. Въ виду этого онъ настойчиво требовалъ открытія женскихъ національных (т. е. протестантскихъ и враждебныхъ католичеству) школъ. По его мнѣнію, женская школа должна была существовать въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ ²⁾. И дѣйствительно, со временъ Лютера нѣмецкія протестантскія правительства стали обращать болѣе серьезное вниманіе на женское образованіе и число женскихъ школъ стало значительно увеличиваться. Въ 1528 году былъ изданъ *брауншвейгскій* школьный уставъ, который не только говоритъ о необходимости женскаго образованія, но и указываетъ точную программу его. Именно объ этомъ предметѣ мы читаемъ въ немъ слѣдующее: „надлежитъ въ четырехъ мѣстахъ (Брауншвейга)

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ можно читать въ изданіи Л. В. Зейфорта „Allgemeine Chronik des Volksschulwesens“. Breslau. 1884.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ можно читать въ сочиненіи Фрейтага Luther und Schule. Leipzig. 1879 г. Schuman, D. Martin Luthers pädagog. Schriften. Wien und Leipzig. 1884.

содержать четыре женскія школы, удобно расположивъ ихъ въ городѣ, такъ чтобы дѣвицамъ не нужно было ходить слишкомъ далеко отъ дому. Пусть почтенный магистратъ добудетъ и найметъ наставницъ, знающихъ Евангеліе и пользующихся доброю славою. Затѣмъ каждой изъ нихъ (наставницъ) слѣдуетъ выдавать подарки изъ общественной казны, да не терпятъ онѣ никакой нужды, какъ христіанскія служительницы цѣлаго города. Окладъ-же и плату за ихъ трудъ родители дѣвицъ обязаны производить ежегодно, по возможности болѣе и щедрѣе, и притомъ по одной части годоваго оклада въ каждыя три мѣсяца, иногда также давать немного на кухню, потому что ихъ ученіе требуетъ много заботъ и труда и все-таки исполняется въ короткій срокъ. Дѣвицы должны обучаться лишь чтенію и прослушать толкованіе десяти заповѣдей Божіихъ, Символа вѣры и молитвы Отче нашъ, и о томъ, что такое крещеніе и причащеніе Тѣла и Крови Христовой, и выучить наизусть нѣкоторые тексты изъ Новаго Завѣта, о вѣрѣ, о любви и терпѣніи или крестѣ, а для упражненія памяти нѣкоторыя священныя наизидательныя для дѣвицъ исторіи, и такимъ образомъ усвоить себѣ Евангеліе Христа, сверхъ того изучить также христіанское пѣснопѣніе. Изъ такихъ дѣвицъ, усвоившихъ себѣ слово Божіе, образуются впоследствии полезныя, искусныя, веселыя, радушныя, послушныя, благочестивыя, несуетливыя и несвоенравныя матери семействъ, способныя строго править своею прислугою и воспитать дѣтей честно, въ послушаніи и страхѣ Божіемъ; ихъ дѣти въ свою очередь будутъ также воспитывать своихъ дѣтей, и такъ далѣе изъ рода въ родъ“¹⁾. Брауншвейгскій школьный уставъ впоследствии былъ нѣсколько измѣняемъ (въ 1543 г. и 1573 г.), но лишь на пользу женскихъ школъ. Такъ, въ 1543 году въ число учебныхъ предметовъ былъ уже внесенъ Лютеровъ катихизисъ, писъмо, чтеніе нѣмецкой Библіи; ежедневно было назначено четыре учебныхъ часа: два до обѣда и два послѣ обѣда; учительницѣ было назначено казенное жалованье—по тридцати или двадцати гульденовъ въ годъ и т. п. Въ 1563 году былъ изданъ

¹⁾ У К. Шмидта Ист. Пед., т. III, стр. 188—189.

поммеранскій школьный уставъ, также обращающій уже довольно серьезное вниманіе на открытіе женскихъ протестантскихъ училищъ. „Въ большихъ городахъ—говорится въ этомъ уставѣ¹⁾—должны быть школы для дѣвицъ, и пусть магистратъ съ пасторомъ назначать благочестивыхъ почтенныхъ особъ, которыя обучали-бы ихъ чтенію и письму. Эти наставники и наставницы должны быть снабжены отъ магистрата даровымъ удобнымъ жилищемъ и сверхъ того получать отъ дѣтей плату и деньги за дрова. Дѣвицы по буднямъ обязаны по четыре часа въ день ходить въ школу; а въ остальное время пусть онѣ обучаются у родителей домохозяйству. Имъ преимущественно слѣдуетъ преподавать катихизисъ, псалмы, христіанское пѣснопѣніе и тексты изъ священнаго Писанія, приучать ихъ также къ молитвамъ и проповѣдямъ“²⁾. Въ *Страсбургѣ* школы были еще смѣшанныя,—мальчики и дѣвочки обучались вмѣстѣ. Но на веденіе въ нихъ дѣла въ протестантскомъ духѣ уже серьезное вниманіе обращаетъ *страсбургскій школьный уставъ 1598 года*. „Помимо десяти классовъ и публичныхъ профессоровъ, принадлежащихъ къ нашей академіи,—говорится въ этомъ уставѣ³⁾,—въ *каждомъ приходѣ* предписывается содержать особую школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, обучать ихъ не только нѣмецкому чтенію и письму, а иногда также счету, но сверхъ того преподавать имъ еще особенно катихизисъ и христіанскія молитвы и упражнять ихъ въ церковномъ пѣснопѣніи. Для этого наставники и наставницы съ особеннымъ тщаніемъ должны порученныхъ имъ дѣтей приучать, чтобы они, сказывая катихизисъ и молитвы, не уродовали словъ или не глотали ихъ на половину, также чтобы не болтали бессознательно, *подобно сорокамъ*, а, напротивъ, выговаривали вѣрно и свободно, и такимъ образомъ убѣдиться, что они изо-дня въ день, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше научаются понимать. Затѣмъ они должны также приучить своихъ учениковъ къ церковному пѣснопѣнію, такъ чтобы послѣдніе не

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. стр. 190.

только вполнѣ выговаривали слова пѣсни, но и не слышномъ спѣшили своимъ голосомъ и не вытягивали его черезчуръ, а, напротивъ, внимательно слѣдили за тактомъ и мѣрою, такъ чтобы согласоваться съ остальными пѣвцами въ киркѣ и избѣжать всякой путаницы въ пѣніи. Притомъ они обязаны предостеречь учащихъ отъ пѣнія распутныхъ, срамныхъ свѣтскихъ пѣсенъ и иныхъ пошлостей, и не допускать ихъ до этого. Если мальчики и дѣвочки учатся и занимаются въ одной и той же комнатѣ, то необходимо тѣмъ внимательно слѣдить за ними, чтобы они ни словами, ни жестами, не проявляли и не вызывали другъ другу никакого легкомыслія, а, напротивъ, чтобы съ дѣтства уже пріучались обходиться другъ съ другомъ почитательно и стыдливо. Наставники и наставницы обязаны также ревностно наблюдать за тѣмъ, чтобы поручаемыя имъ дѣти по дорогѣ въ школу или церковь и обратно привыкали тихо и скромно ходить по улицѣ; побуждать также учениковъ своихъ, чтобы они не только смиренно и скромно стояли въ церкви, но и внимательно слушали проповѣдь, не болтая и не рѣзвясь при этомъ, такъ чтобы въ состояніи были усвоить себѣ нѣчто полезное и передавать это послѣ другимъ". Въ шестнадцатомъ вѣкѣ было открыто много женскихъ протестантскихъ училищъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ—Ошатцѣ (въ 1539 г.), Фрейбергѣ, Мюльбергѣ и Зальцѣ (въ 1555 г.), въ Эйбенштокѣ (въ 1550 г.), Кольдицѣ (въ 1555 г.), Лейсницѣ (въ 1557 г.), Росвейнѣ, Лейпцигѣ (въ 1539 г.) и др.

Само собою понятно, что въ этихъ школахъ обучались только дочери средняго сословія: купцовъ, горожанъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и пасторовъ, т. е., тѣхъ сословій, которыя прежде посылали дѣтей своихъ въ монастырскія школы. Подобно мужскимъ училищамъ, и многія женскія нѣмецкія школы были открыты на мѣсто отнятыхъ у католиковъ женскихъ монастырей. Крестьяне въ это время еще не сознавали никакой потребности въ школьномъ обученіи своихъ дочерей, а отъ самой школы ожидали болѣе вреда, чѣмъ пользы; по крайней мѣрѣ на школьную выучку они смотрѣли какъ на бесполезное и непонятное для нихъ мученіе дѣтей. Что же касается высшихъ сословій, то они предпочитали давать своимъ

дочерямъ домашнее воспитаніе, которое хотя по духу и было болѣе протестантскимъ, чѣмъ даже школьное образованіе, но еще не освободилось отъ преданій рыцарской эпохи и находилось подъ сильнымъ вліяніемъ господствовавшего этикета. О немъ мы можемъ судить по „дворцовой учебной книгѣ“ 1583 года, въ которой рассказывается о томъ, какъ было поставлено дѣло воспитанія и обученія пфальцграфини дѣвicy Христины ¹⁾. „Принцесса круглый годъ должна во имя Святыя Троицы вставать въ 7 часовъ утра, освѣжить тѣло умывшись, причесавшись, одѣвшись чисто и исполнивъ все необходимое, прочесть утреннюю молитву, пройтись и покушать супцу. Послѣ ученія въ 9 часовъ она опять должна пройтись, притомъ шить, прясть, вязать, плести кружева, облегчить также тѣло свое отъ всего излишняго, чтобы не пришлось потомъ неприличнымъ образомъ встать изъ-за стола. За обѣдомъ она должна вести себя чинно и скромно, вкушать тихо, хорошенько рѣзать и жевать, не пить вина, не ѣсть ни сыра, ни горячей рѣпы, потому что это истощитъ ея силы, и за столомъ отнюдь не сердиться, не ворчать и не пищать. Потомъ до половины 2-го часа она должна учиться играть на какомъ-либо инструментѣ. Послѣ двухъ часовъ слѣдуетъ полудничать, до трехъ часовъ учиться про себя, отъ 3 до половины 4-го часа опять брать урокъ и каждое преподаваніе начинать молитвою. Она должна заглядывать иногда въ женскую кухню и учиться стряпать, особенно присмотрѣться и поучиться въ дворцовой аптекѣ и аптечномъ саду. Вечеромъ въ 8 часовъ должна она совершить свою вечернюю молитву и прочесть относящіяся къ ней псалмы, поиграть на инструментѣ, прочесть также главу изъ Библии съ надлежащимъ толкованіемъ для лучшаго пониманія текста. Она должна, особенно по субботамъ, мыть голову, ноги и все свое тѣло, что вообще благоприлично и здорово для государскихъ дѣтей. Она должна выучить наизусть по-нѣмецки воскресное Евангеліе. Каждый день въ недѣлѣ она должна сказывать наизусть катихизисъ съ объясненіемъ по-нѣмецки и по-латыни, также по одному изъ семи прошеній

¹⁾ Ibid. стр. 101.

молитвы Господней, читать ежедневно по одному псалму и по одной главѣ изъ Библии. Со всѣми своими окружающими должна она строго и вполнѣ воздерживаться отъ всякихъ легкомысленныхъ пѣсенъ, поносныхъ словъ и суетныхъ украшеній, но говорить и пѣть объ иныхъ благочестивыхъ и скромныхъ предметахъ“.

Такому придворному воспитанію старались подражать сановники и другія знатныя лица. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что протестантство много содѣйствовало возвышенію женщины. По крайней мѣрѣ, со временъ Лютера преимущество стали отдавать не тѣлесной красотѣ женщины, какъ въ вѣкъ рыцарства, а внутренней—благородству души и женскимъ добродѣтелямъ; женщина опять стала смотрѣть на семью и домашнее хозяйство какъ на самую естественную сферу для своей дѣятельности и труда; даже многія изъ внягнъ старались заслужить почетное званіе хорошей хозяйки и домохозяйки, вслѣдствіе чего нерѣдко онѣ сами отправлялись на рынокъ для закупки всего необходимаго въ кухню, погребъ, кладовую и т. д. Заботы о воспитаніи дѣтей были признаны опять прямыми обязанностями женщины. Въ католической Испаніи и въ XVI вѣкѣ была женщина Оливія-Сабуко Нантская ¹⁾, которая предпочитала ланцетъ иглѣ и блистала своими медицинскими познаніями (въ 1588 году въ Мадридѣ были изданы и ея „научныя сочиненія“). Но исторія ничего не говоритъ намъ о томъ, чтобы подобныя поповзновенія проявлялись и среди скромныхъ нѣмокъ.

Католичество не могло не замѣтить, какую для себя опору приобрѣло протестантство въ учрежденіи женскихъ школъ, враждебныхъ католичеству и проникнутыхъ духомъ заклятаго врага его—Лютера. Волей-неволей необходимо было католичеству взяться за тоже самое оружіе, какое находилось и въ рукахъ противника. И вотъ мы видимъ, что рядомъ съ усиленнымъ открытіемъ протестантскихъ женскихъ школъ въ большомъ числѣ начинаютъ появляться женскія школы и у католиковъ. Цѣлыя общества преданныхъ католичекъ стали хло-

¹⁾ Овцынъ, Развитіе женскаго образованія. Спб. 1887. стр. 6.

потать объ открытіи женскихъ школъ, въ которыхъ-бы дѣвицы (будущія матери) получали воспитаніе не только вполне согласное съ духомъ католической церкви, но и непримиримо-враждебное протестантству. Такъ, въ 1537 году извѣстная *Анджела Мерици* изъ Брешии основала орденъ *урсулинокъ*, цѣль котораго состояла не только въ томъ, чтобы ухаживать за больными и помогать не имущимъ, но и обучать бѣдныхъ дѣвочекъ первоначальнымъ знаніямъ католической религіи и женскимъ рукодѣльямъ. Съ самаго начала своего существованія къ числу своихъ членовъ орденъ этотъ причислялъ 76 дѣвиць. *Марія Уартъ* основала орденъ *англійскихъ дѣвиць*, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы служить дѣлу воспитанія дѣвиць высшихъ сословій; въ основу этого ордена былъ положенъ уставъ основателя ордена іезуитовъ—Игнатія Лойолы; онъ былъ утвержденъ двумя папами—Павломъ V и Григоріемъ XV. Этотъ орденъ по преимуществу распространялъ свою дѣятельность въ Германіи, какъ „гнѣздѣ богопротивныхъ безбожниковъ“. Въ 1610 году епископъ Франсуа де-Салль съ тою-же цѣлію основалъ орденъ Благовѣщенія *Салезіанокъ*, въ основу котораго былъ положенъ уставъ августинскихъ монастырей. Въ католическихъ женскихъ школахъ съ цѣлію противодѣйствія протестантству занимались также канониссы августинскія, а въ особенности *піаристы* и *іезуиты*. Тридентскій соборъ вмѣнилъ епископамъ въ обязанность—имѣть женскія школы во всѣхъ приходяхъ. Католическіе нѣмецкіе князья оказывали этимъ школамъ всевозможное содѣйствіе и стѣсняли школы протестантскія; іезуиты составляли учебники и разрабатывали методы преподаванія учебныхъ предметовъ. Наконецъ, общество молодыхъ католичекъ, въ томъ числѣ и герцогиня *Бовиллье*, задались цѣлію учреждать женскія школы съ тѣмъ, чтобы въ духѣ католической церкви воспитывать даже протестантскихъ дѣвочекъ. Въ теченіи десяти лѣтъ во главѣ этого общества стоялъ извѣстный архіепископъ бамбрійскій *Фенелонъ*, написавшій для герцогини Бовиллье даже цѣлую книгу—„О воспитаніи дочерей“. Эта книга достойна серьезнаго вниманія; она не только свидѣтельствуетъ о глубокомъ умѣ, вѣрномъ психологическомъ анализѣ автора, но и

заключаетъ въ себѣ такой благоразумный взглядъ какъ на воспитаніе вообще, такъ и на женское воспитаніе въ частности, что его нельзя назвать устарѣлымъ и для нашего времени. Сначала Фенелонъ говоритъ вообще о значеніи правильной постановки воспитанія, о дѣтскихъ поступкахъ, о характерѣ и свойствѣ разумныхъ наказаній, о значеніи религіознаго воспитанія и средствахъ для правильнаго веденія его и т. п. Затѣмъ, переходя уже въ частности къ женскому воспитанію Фенелонъ, говоритъ слѣдующее: „Помимо этого воспитанія и обученія относительно дѣвочки надо еще заботиться о томъ, чтобы свойственные ей полу недостатки сдерживались въ предѣлахъ. Потому и слѣдуетъ порицать въ нихъ черезчуръ нѣжную дружбу, мелочную ревность, излишнюю учтивость, лесть и проч.: все это приучаетъ ихъ считать тягостнымъ и непріятнымъ что-бы-ни было серьезное и важное. Надо также заставлять ихъ выражаться коротко и ясно: здравый умъ состоятъ въ томъ, чтобы избѣгать всякихъ излишнихъ толковъ и въ немногихъ словахъ высказать многое, тогда какъ *большая часть женщинъ много говорятъ, но мало выражаютъ (?)*. Онѣ не обдумываютъ того, что хотятъ сказать; не соблюдаютъ также никакого порядка въ рѣчахъ. Онѣ робки и полны ложной стыдливости; оттого лицемѣрны и притворны. Покажите имъ поэтому на примѣрахъ, какъ безъ обмана можно быть учтивыми, осторожными, и прибѣгать къ правдивымъ средствамъ для достиженія своей цѣли. Поучайте ихъ, что прямодушное обращеніе доставляетъ болѣе довѣрія и уваженія, а слѣдовательно въ концѣ концовъ и болѣе пользы, нежели кривой путь. Больше всего старайтесь подавить въ нихъ суетность; дѣвочки рождаются съ сильнымъ желаніемъ нравиться; внушите имъ поэтому, что вытекающею изъ хорошаго поведенія и истиннаго дарованія славою надо дорожить гораздо болѣе, нежели пріобрѣтаемою при помощи волосъ и нарядовъ. Скажите имъ, что красота обманываетъ личность, которая ею обладаетъ, болѣе, нежели тѣхъ, которые ею прельщаются; вѣдь не много лѣтъ составляютъ разницу между красивою и уже отцвѣтшею женщиною. Въ противоположность этому женщина должна обучаться тому, что составляетъ задачу ея жизни. Она обя-

зана слѣдить за воспитаніемъ своихъ дѣтей, сыновей—до извѣстнаго возраста, а дочерей—до ихъ замужества,—за поведеніемъ, нравственностію и службою домашнихъ,—за хозяйствомъ, расходами и проч. Вотъ въ чемъ состоитъ ея долгъ и вотъ въ чемъ слѣдуетъ ей пріобрѣсти свѣдѣнія. Она обязана изслѣдовать темпераментъ и натуру каждаго изъ своихъ дѣтей, чтобы знать, какъ обращаться съ ними; изучить склонности и умственныя способности дѣтей, чтобы предупредить возникающіе въ нихъ цорывы, внушить имъ добрыя правила и исправить ихъ недостатки. Она должна изощрить свою способность наблюденія до того, чтобы насквозь знать свою прислугу. Домохозяйкѣ необходимо въ совершенствѣ знать религію и обладать зрѣлымъ, твердымъ, опытнымъ въ дѣлѣ домашняго управленія умомъ. Она обязана, наконецъ, понимать и вести все домохозяйство: чтобы изучить искусство домоводства и хорошо распорядиться хозяйствомъ, составляющимъ въ маломъ видѣ цѣлое государство, для этого, конечно, требуется болѣе ума, нежели для того, чтобы играть, болтать о модахъ и расточать учтивости въ обществѣ; а потому и слѣдуетъ дочерей заблаговременно пріучать къ домашнему управленію, поручать имъ дѣла, о которыхъ онѣ обязаны были-бы давать отчетъ. Научите вашу дочь читать и писать хорошо и безъ ошибокъ, также четыремъ правиламъ ариѳметики. Потомъ дайте ей историческія книги—греческую, римскую и французскую исторіи, благодаря которымъ изощрится ея умъ и душа вознесется къ высокимъ помысламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возбудится отвращеніе къ комедіямъ и романсамъ. Вообще настаиваютъ, чтобы знатная дѣвица училась по-испански и по-итальянски; но эти два языка ей почти ни къ чему не пригодятся, развѣ къ тому, чтобы читать опасныя книги; изученіе ихъ приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы; латинскій языкъ былъ-бы все-таки полезнѣе, такъ какъ это языкъ церкви. Я дозволилъ-бы читать ей произведенія поэзіи и краснорѣчія, еслибъ видѣлъ, что дѣвочка питаетъ къ нимъ охоту и умъ ея достаточно крѣпокъ для того, чтобы держаться въ предѣлахъ правильнаго употребленія этихъ вещей. Преподдавайте ей музыку, если у нея окажется талантъ, лишь-бы

при этомъ не выйти изъ предѣловъ благочестія. Полезно также изучать живопись: при помощи ея женскія работы, вышиванья и т. п. могутъ и будутъ болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, отвѣчать законамъ красоты. Чему-бы, впрочемъ, ни обучалась ваша дочь, но, при воспитаніи ея, обратите вниманіе на званіе, на мѣсто, гдѣ ей придется жить, и на руководѣлья, какія ей предстоятъ. Берегитесь, чтобы она не задавалась надеждами, выходящими изъ предѣловъ ея званія. Если ей придется жить въ деревнѣ, то приучайте ее къ работамъ, какія ей тамъ предстоятъ; пусть она не испытываетъ скуки по городской жизни; покажите ей выгоды жизни дѣятельной. Если она изъ простаго средняго сословія, то не позволяйте ей входить въ сношенія съ придворными: въ этихъ сношеніяхъ она переняла-бы лишь смѣшныя и непонятныя ей манеры; приучайте ее къ вещамъ, съ какими ей придется имѣть дѣло всю жизнь; обучите ее средней руки домоводству, всему, что относится къ воспитанію дѣтей и проч.“¹⁾ Приведеннаго отрывка достаточно, думается, для того, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ Фенелона на женское воспитаніе. Здѣсь остается только присовокупить, что педагогическая теорія Фенелона въ свое время пользовалась большою распространенностію не только во Франціи, но и въ Германіи, не только среди католиковъ, но и среди самихъ протестантовъ. Взглядъ Фенелона на женское воспитаніе былъ господствующимъ долгое время, его придерживались еще и въ XVIII столѣтіи. Коменій, Локкъ, Руссо и Базедовъ дальше этого взгляда не пошли. Какъ известно, *филантрописты*—во главѣ съ Руссо и Базедовымъ—были не слишкомъ высокаго мнѣнія о женщинахъ. По умственнымъ способностямъ они ставили ихъ неизмѣримо ниже мужчинъ и потому отказали имъ въ научномъ образованіи, требуя полнаго подчиненія мужчинѣ. Главную задачу жизни для женщинъ они ставили въ домохозяйствѣ и потому совѣтывали воспитывать дѣвочекъ на моделяхъ кухонной посуды, куклахъ, обыкновенныхъ монетахъ, или поддѣльныхъ жетонахъ, мѣрахъ, вѣсахъ и т. п. Все умственное образованіе

¹⁾ I. K. Шмидта, Ист. Педаг. т. III, стр. 405—406.

женщинъ, по ученію филантропистовъ, должно имѣть своею цѣлію лишь то, чтобы онѣ научились ясно выражать, что онѣ хотѣли-бы сказать, умѣли внятно и съ пониманіемъ читать по книгѣ, четко писать, составить простое письмо и вести домо-выя приходо-расходныя книги. Наконецъ, дѣвочку можно обучать, пожалуй, музыкѣ, пѣнію, танцамъ и рисованію; но филантрописты не желали-бы, чтобы женщины достигали блестящихъ успѣховъ и въ этихъ искусствахъ, такъ какъ изъ хорошихъ пѣвицъ, танцовщицъ, музыкантшъ и художницъ, по мнѣнію филантропистовъ (напр. Базедова), всегда выходятъ самыя дурныя хозяйки.

Дѣйствительно, въ XVIII вѣкѣ въ Германіи воспитаніе и обученіе дѣвицъ не шло дальше программы, указанной филантропистами. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этомъ вѣкѣ были лица, которыя заговаривали о женскомъ образованіи и совершенно въ другомъ тонѣ; были люди, которые требовали и для женщинъ высшаго академическаго образованія. Въ другихъ странахъ такое образованіе женщины получали уже въ существовавшихъ мужскихъ университетахъ; Анна Моранди-Маццолини въ XVIII столѣтіи занимала даже *кафедру анатоміи* въ болонскомъ университетѣ; Марія Петрачини въ 1788 г. получила докторскій дипломъ во Флоренціи ¹⁾. Но нѣмки на такой шагъ еще не рѣшались. Мало того, о посѣщеніи мужскихъ университетовъ онѣ и слышать не хотѣли. Онѣ домогались открытія своей собственной *женской академіи*, въ которой въ числѣ другихъ кафедръ была-бы кафедра женскихъ притираний и кокетства—*Decorum muliebre*,—какъ сказано было въ одномъ изъ проектовъ такой академіи. Вопросъ объ открытіи женской академіи вызвалъ цѣлую бурю горячихъ споровъ. Между нѣмками оказалось много не только умѣющихъ прекрасно готовить супъ, но и владѣть перомъ полемистки. Явился цѣлый рядъ нѣмецкихъ писательницъ, горячо отстаивавшихъ права женщинъ на высшее образованіе; таковы: *Анна Марія Шурманъ*, много хлопотавшая о женскомъ воспитаніи еще въ XVII столѣтіи; *Вильгельмина Каролина Реберъ*, на-

¹⁾ Овцынъ, Развитіе женскаго образованія. Сиб. 1887 г. стр. 7.

писавшая книгу, въ свое время пользовавшуюся большою популярностію и даже переведенную впоследствии на англійскій и французскій языкъ— „Элиза или какова должна быть женщина“; *Филлипа Книге*, составившая „Опытъ Логики для женщинъ. Ганноверъ. 1790“,—(по этой книгѣ оказывается, что для женщинъ нужна особая логика!); *Христина Софія Людвижъ* съ ея „Генріетою или какова можетъ быть женщина“,—книга, написанная по подражанію г-жѣ Реберъ; *Амалия Гольстъ*, съ жаромъ и слезами защищавшая мысль объ открытіи женской академіи въ своемъ сочиненіи— „О призваніи женщины къ высшему женскому образованію“; *Каролина Христина Луиза Рудольфъ*, нарисовавшая для своихъ читателей цѣлую „картину женскаго воспитанія“. Къ этому-же кругу нѣмецкихъ писательницъ должны быть причислены еще Луиза Шлессеръ, Антонія Вутке, графиня Кророва, герцогиня Джіоване, Фридерика Ревентловъ, Марія Шмальцъ и др. Главный тормазъ въ дѣлѣ открытія *академіи для двоицъ* эти защитницы высшаго женскаго образованія усматривали преимущественно, если не исключительно, въ зависти мужчинъ, опасющихся, что ученныя женщины станутъ пренебрегать домашнимъ хозяйствомъ и даже, пожалуй,—чего добраго!—заберутъ власть надъ мужьями. На самомъ-же дѣлѣ отъ женской учености будтобы слѣдуетъ ожидать большой пользы уже по одному тому, что ученныя женщины не будутъ подражать мужчинамъ „во всѣхъ ученыхъ нелѣпостяхъ, называвшихся доселѣ эрудиціей“, а будутъ преслѣдовать „ученость дѣйствительную“—*in realibus!* Одна изъ защитницъ высшаго женскаго образованія указала даже *двенадцать* видовъ пользы отъ этого образованія. 1) „Первая польза будетъ та, что вслѣдствіе достиженія женщинами истиннаго высшаго образованія будутъ преданы позору обычныя занятія науками, потому что женщины своимъ искусствомъ и своею *въжливостію* поставятъ науку на такую высоту, что намъ, мужчинамъ, придется краснѣть отъ стыда; получая оклады, привиллегіи и титулы учености, мы вѣдь все-таки слишкомъ мало сдѣлали для самой науки; вотъ почему, подобно ученнымъ женщинамъ, мы отвернемся тогда отъ бесплодныхъ и педантическихъ ученій и об-

ратимся къ занятіямъ самымъ необходимымъ и полезнымъ. 2) Женщины будутъ искать истину безкорыстно и будутъ приобрѣтать лучшія знанія только ради ихъ превосходства, избѣгая при этомъ всякаго обмана; 3) свѣтскихъ ученыхъ тогда будетъ (по количеству) больше, чѣмъ духовныхъ (?!); 4) женщины стануть больше любить и уважать ученыхъ; 5) учевые мужчины вступятъ въ союзъ съ учеными женщинами; 6) ученые мужья сильнѣе полюбятъ своихъ женъ, когда послѣднія занимались науками; 7) жены будутъ помогать мужьямъ въ научныхъ занятіяхъ; 8) онѣ заодно съ мужьями будутъ руководить занятіями сыновей, а въ случаѣ нужды и обучать ихъ; 9) онѣ будутъ помощницами мужей въ тайныхъ дѣлахъ (?); 10) по смерти мужей онѣ съумѣютъ исполнять ихъ должность; 11) онѣ будутъ въ силахъ восполнить посмертныя неоконченныя сочиненія своихъ мужей; наконецъ, 12) у нихъ будетъ полезное препровожденіе времени“. Изъ мужчинъ сторону ученыхъ женщинъ поддерживали: К. Ф. Трельцъ въ своей книгѣ— „Женская школа или нравственныя правила для обученія прекраснаго пола“ и *Молинъ*. Послѣдній не шутя хлопоталъ о высшемъ женскомъ образованіи и въ 1748 г. намѣревался даже устроить въ Гамбургѣ женскую академію; въ дѣйствительности затѣя его, впрочемъ, не состоялась. Вообще, какъ мы сказали уже, нѣмецкій народъ—счастливый народъ! Онъ говорить и писать можетъ о чемъ угодно и какъ угодно; нѣмцы мастера создавать самыя фантастическія теоріи,—но только—теоріи; какъ дойдетъ до дѣла—извините!—Тутъ нѣмецъ обыкновенно становится на „точку благоразумія“ и дальше—ни шагу! Это именно случилось въ XVIII столѣтіи и съ вопросомъ о нѣмецкой женской академіи. Объ этой академіи говорили много, еще больше спорили и ругались,—ругались даже *дуракомъ* ¹⁾,—но на этомъ и покончили. Ни-

¹⁾ „Какой-то *дуракъ*, пишетъ одна изъ защитницъ высшаго женскаго образованія, обѣщавшая женскою *вѣжливостію* поднять науку на недостигаемую высоту,—доказываетъ первое (подчиненность женъ мужьямъ) не только по Библии, но даже по своду законовъ“... „Этотъ старый *болтунъ* на вопросъ: „отчего женщины скорѣе мужчинъ достигаютъ зрѣлости?“ отвѣтилъ слѣдующимъ доводомъ: *quia mala herba citius crescit quam bona*“ (оттого, что дурная трава растетъ скорѣе хорошей). У К. Шмидта, *Ист. Пед.* т. III, стр. 668.

какой женской академіи въ XVIII вѣкѣ въ Германіи открыто не было въ дѣйствительности. По прежнему нѣмецкія дѣвицы обучались только чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариметики, катихизису и рукодѣліямъ. Шире давалось нѣкоторымъ дѣвицамъ только домашнее образованіе, но и оно не переступало предѣловъ нѣмецкой осмотрительности и „благо-разумія“... Даже въ рукодѣліяхъ *общепольное*, напр.,—простое шитье, вязанье, кройку самаго необходимаго платья и т. п.: нѣмцы предпочитали *художественнымъ* рукодѣліямъ—шитью золотомъ, вышиванью и т. д. Что-же касается, собственно, воспитанія дѣвицъ, то нѣмцы XVIII столѣтія обращали особенное вниманіе на развитіе чистой нравственности и женскихъ добродѣтелей—чистоплотности, вѣжливости, кротости, угодливости, умѣренности, любви къ порядку, скромной дѣятельности, домовитости и бережливости.

Эти-же традиціи женскаго воспитанія были переданы восемнадцатымъ столѣтіемъ и его преемнику—XIX вѣку. Въ первой половинѣ этого вѣка на служеніе семьѣ и дому нѣмцы также смотрѣли какъ на главную задачу всей жизни женщины, за исключеніемъ очень немногихъ; такой взглядъ раздѣляли и философы, и педагоги, и поэты. Прекрасно говорить объ этомъ классическій нѣмецкій поэтъ—Гёте:

Жребій женщины—быть наравѣ готовой къ услугамъ.
Только ими она, наконецъ, достигаетъ до власти
Той заслуженной, которая въ домѣ ей подобаетъ.
Брату служить сестра, съ малолѣтства родителямъ служить;
Такъ и вся жизнь у нея ограничена вѣчнымъ уходомъ,
Или занятъемъ всегда и то, и другое готовить;
Благо, если она привыкла во всякое время,
Днемъ и ночью, равно поспѣвать на каждое дѣло.
Если работа пустой, игла ей не кажется тонкой,
Если живя для другихъ, она о себѣ забываетъ!
Всѣ эти добрыя качества будущей матери нужны.

Перев. Фота.

Сообразно съ понимаемою такимъ образомъ задачей жизни женщины Гёте хотѣлъ-бы видѣть поставленнымъ и женское воспитаніе. Поэтому педагогическая теорія его очень кратка, но многосодержательна. „Все дѣло воспитанія, говоритъ онъ ¹⁾);

¹⁾ У К. Шмидта, *Ист. Пед.* Т. IV, ч. 2, стр. 334.

можно выразить въ немногихъ словахъ: воспитайте изъ мальчиковъ слугъ, а изъ дѣвочекъ — матерей, — тогда все будетъ обстоять благополучно“. Въ виду этого Г'ете требуетъ, чтобы заведенія для образованія матерей были семействами въ болѣе широкихъ размѣрахъ, гдѣ слѣдуетъ не столько заниматься преподаваніемъ, сколько воспитаніемъ и приученіемъ дѣвицъ къ домохозяйству.

Такой-же взглядъ на воспитаніе женщины былъ высказанъ и Жанъ Полемъ Фридрихомъ *Рихтеромъ*, который требовалъ: „чтобы не только въ бракѣ, но и въ самой женщинѣ отразилось подобіе небеснаго зодіака, — левъ сверкалъ-бы обокъ съ дѣвою“. Цѣль женскаго воспитанія онъ полагалъ въ образованіи высоконравственныхъ будущихъ матерей, такъ какъ только истинно нравственная природа дѣлаетъ женщину женщиной. Дѣло воспитанія дѣвицъ должно заключаться всецѣло въ рукахъ матерей и „достойна презрѣнія женщина скучающая, когда у нея есть дѣти“. Почти также рассуждали и философъ Шопенгауэръ, и богословъ — Шлейермахеръ. Позже, особенно съ тѣхъ поръ, какъ за эманципацію женщинъ высказался *Стюартъ Милль*, явились ученые и среди нѣмцевъ — К. В. Карстенсъ, Морицъ Мюллеръ и др., — которые стали утверждать, что „Германія прійдетъ и должна прійти къ тому, чтобы признать за женскимъ поломъ болѣе высокую способность (чѣмъ способность — быть хорошею матерью и разумною домохозяйкою), болѣе настоятельную потребность и болѣе широкое право относительно образованія“.

Спрашивается: насколько исполнилось это пророчество? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо прежде знать, въ какомъ положеніи женское воспитаніе находится въ Германіи въ настоящее время.

Исходя изъ того положенія, что въ дѣлѣ школьнаго обученія и воспитанія мы являемся самыми послушными учениками нѣмцевъ и слѣпо подражаемъ имъ, а съ другой стороны обращая вниманіе на неудержимое стремленіе къ образованію русскихъ женщинъ и на широкую постановку у насъ женскаго образованія вообще, нужно было-бы думать, что у нѣмцевъ женское воспитаніе теперь достигло уже невѣроят-

ныхъ, исполинскихъ размѣровъ, что женскихъ курсовъ у нихъ видимо-невидимо, что нѣмецкими женщинами теперь набиты всѣ университетскія аудиторіи, что врачебная практика вся перешла въ руки женщинъ, предоставившихъ бывшимъ врачамъ—мужчинамъ лишь право штопать чулки и чистить картофель для супа, что всѣ школьныя каеедры нѣмецкія теперь заняты не педантами—профессорами, а дѣловыми профессоршами и т. п. Увы! ничего подобнаго у нѣмцевъ не было и нѣтъ, да, кажется и не будетъ! Въ этомъ отношеніи нѣмцы—народъ положительно отсталый и недостойный подражанія съ точки зрѣнія женскихъ эманципаторовъ. Женское воспитаніе въ настоящее время у нѣмцевъ поставлено и ниже и уже, чѣмъ у другихъ „просвѣщенныхъ“ народовъ, уже даже, чѣмъ у насъ.

Въ настоящее время на самыхъ широкихъ началахъ женское образованіе поставлено въ *Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ*. Тамъ женщина во всѣхъ правахъ сравнена съ мужчиной, а потому и образованіе ея часто ничѣмъ не отличается отъ образованія мужчинъ. Американскимъ женщинамъ доступны всѣ сферы общественной и государственной дѣятельности. На кораблѣ „Saline“ вотъ уже дѣлалъ четыре года должность капитана исполняетъ миссъ Миллеръ; ея примѣру недавно послѣдовала еще одна женщина—Мери Купъ; въ морскомъ вѣдомствѣ она выдержала установленный экзаменъ и получила должность капитана на кораблѣ—„Elizabeth“. Кроме того, въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ женщины занимаютъ мѣста присяжныхъ повѣренныхъ, касиршъ, телеграфистовъ, инженеровъ, архитекторовъ, учительницъ; состоятъ постоянными сотрудницами и корреспондентами разныхъ газетъ и журналовъ; завѣдываютъ банкирскими конторами и плантаціями; принимаютъ на себя обязанности агентуры въ разныхъ обществахъ, товарищахъ, компаніяхъ и т. п. Но особенно любимую областію для своей дѣятельности американки признаютъ врачебную практику. Въ настоящее время въ одномъ Нью-Йорскомъ штатѣ врачебною практикою занимается болѣе 400 женщинъ и зарабатываютъ онѣ будто бы отъ 80 до 100 тысячъ франковъ въ годъ ¹⁾—заработокъ

¹⁾ Овчинъ, Развитие женскаго образованія. Спб. стр. 22.

баснословный!—На наши деньги онъ равняется болѣе, чѣмъ 40 тысячамъ!... ¹⁾ Въ первый разъ женщина-врачъ появилась въ Америкѣ въ 1830 году; это была *Клемансъ Лазье*, окончившая курсъ въ плэйноринской академіи. Впрочемъ Лазье, по окончаніи академическаго курса, вовсе не посвятила себя врачебной практикѣ, а открыла медицинскую школу, въ которой и начали преподавать американкамъ медицинскую науку—анатомію, фізіологію и гигиену. Женщины толпами шли въ эту школу, не обращая вниманія ни на свое положеніе, ни на свои лѣта. Нѣкая Хунтъ начала заниматься медициною на 43 году отъ роду. Лазье завѣдывала своею школою около двадцати трехъ лѣтъ; въ 1853 году она получила степень доктора медицины и стала заниматься врачебною практикою. Въ настоящее время американскіе университеты и коллегіи, можно сказать, переполнены женщинами—студентками: въ мичиганскомъ университетѣ ихъ насчитывали свыше 500, въ специальной коллегіи „Wassar College“ было 400 студентокъ еще въ 1861 году.

Изъ европейскихъ государствъ *Швейцарія* первая открыла женщинамъ двери своихъ университетовъ. Въ кантонѣ *Люцернѣ* высшее учебное заведеніе для молодежи женскаго пола было открыто еще въ 1851 году. Но это учебное заведеніе не было ни спеціальнымъ, ни профессиональнымъ; въ немъ были преподаваемы общіе предметы: 1) Законъ Божій и нравученіе; 2) языки—нѣмецкій и французскій; 3) реальныя науки—арифметика, естествознаніе, исторія и географія; 4) искусства: женскія рукодѣлія, музыка, пѣніе, рисованіе и домоводство. Но само собою понятно, что такое высшее образованіе не могло удовлетворить женщинъ. Имъ хотѣлось схватить въ свои руки анатомическій ножъ, а не грифель съ аспидною доскою; онѣ желали зашивать растребушенные трупы, а не прорѣхи платья. Швейцарское правительство было настолько любезно и услужливо, что не замедлило предоставить женщинамъ желательное для нихъ удовольствіе. Въ 70-хъ годахъ оно открыло женщинамъ свободный доступъ какъ въ

¹⁾ Предупреждаемъ читателя, что данныя эти взяты нами у самаго яраго защитника женскаго образованія.

университетскія аудиторіи, такъ и во всѣхъ трупные покои, клиники, анатомическіе театры и т. п. Женщины, конечно, воспользовались любезностію швейцарскаго правительства и стали наполнять собою аудиторіи швейцарскихъ университетовъ. Такъ, уже въ 1872 году въ одномъ цюрихскомъ университетѣ женщинъ—студентокъ было 109, изъ нихъ 54 русскихъ: 44 на медицинскомъ и 10 на словесномъ факультетахъ; остальные студентки принадлежали къ другимъ національностямъ, за исключеніемъ швейцарской. Почти тоже самое повторилось и съ женеvскимъ университетомъ. Въ 1871—72 гг. три женщины поступили въ цюрихскую политехническую школу—двѣ на механической отдѣлъ и одна—на химической. И всѣ эти три женщины были, читатель, наши соотечественницы, русскія женщины. По этому поводу въ высшей степени интересно сужденіе одного изъ пропагандистовъ высшаго женскаго профессиональнаго образованія, Овцына. „Считаю не лишнимъ замѣтить“, говоритъ онъ ¹⁾, „что въ гостепримныхъ швейцарскихъ университетахъ, къ сожалѣнію, обучаются большею частію (вѣрнѣе было сказать: „почти исключительно“) иностранки, тогда какъ сами швейцарскія подданныя составляютъ самый ничтожный процентъ. Причину такого явленія объяснить весьма трудно, въ особенности, принимая во вниманіе образцовое общее образованіе въ Швейцаріи, которое не только доступно, но съ 6-ти лѣтнаго возраста обязательно для всѣхъ безъ различія пола и имущественнаго положенія“. А мы, читатель, думаемъ какъ-разъ наоборотъ: причину указаннаго явленія объяснить весьма легко, именно „принимая во вниманіе образцовое и общеобязательное общее образованіе въ Швейцаріи“, вслѣдствіе котораго швейцарскія женщины являются болѣе благоразумными, чѣмъ иностранки (изъ уваженія къ отечеству не смѣемъ сказать прямо—„русскія женщины“), да и семья швейцарская пользуется большимъ воспитательнымъ вліяніемъ на дѣтей, чѣмъ въ другихъ государствахъ, въ томъ числѣ и у насъ.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibid. стр. 11.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

XI.

Страданіе блаженнѣйшаго мученика Ипполита.

1. Валеріанъ, святитель Христовъ! ¹⁾ Останки безчисленнаго множества святыхъ мы видѣли въ городѣ Ромула ²⁾.

3. Ты, можетъ быть, епросишь объ ихъ надгробіяхъ и объ именахъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности?.. Трудно передать это.

5. Столь многіе сонмы праведныхъ погубило нечестивое неистовство, когда отечественныхъ боговъ почиталъ основанный Троянцами Римъ ³⁾.

7. На весьма многихъ гробницахъ письменами или обозначено имя мученика или начертана эпитафія (ему).

9. Но есть, также, нѣмые мраморы и молчаливыя гробницы; на нихъ обозначено лишь число (похороненныхъ подъ ними).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 20.

¹⁾ Разумѣется Валеріанъ, епископъ Сарагосскій. Ср. Рег. IV, 79—80.

²⁾ Т. е. въ Римѣ.

³⁾ Отечественными богами (dii patrii) названы здѣсь боги Римлянъ, унаслѣдованные ими отъ предковъ—Троянцевъ, или взятые изъ Трои и почитаніе ихъ противопоставляется чествованію Христа, начавшемуся въ Іудеѣ и уже потомъ перенесенному въ Римъ.

11. Можно (по нимъ) лишь узнать, тѣла сколь многихъ мужей, не названныхъ по имени, схоронены въ (этихъ) могилахъ.

13. Помню: извѣстился я тамъ, что подъ однимъ могильнымъ камнемъ зарыты были останки шестидесяти мужей,

15. Имена коихъ вѣдомы Единому Христу ⁴⁾, приобщившему ихъ къ другамъ своимъ ⁵⁾.

17. Пробѣгая это глазами и слѣдя по памяткамъ какъ бы убѣгающія черты древности,

19. Я узналъ, что Ипполитъ, нѣкогда въ санѣ пресвитера ⁶⁾; державшійся раскола Новата ⁷⁾ и отвергавшій досточестность нашего ученія,

21. Сдѣлался славнымъ мученикомъ и получилъ за кровавую казнь блистательную награду.

23. Не удивляйся, что (этотъ) старецъ, нѣкогда бывшій послѣдователемъ лжеученія, обогатился даромъ вселенской вѣры ⁸⁾

25. (Въ то время), когда, побѣдоносный, былъ раздираемъ (на части) безумнымъ врагомъ ⁹⁾ и когда душа его ликовала при гибели тѣла,

27. Шелъ онъ, сопровождаемый многими,—ибо любилъ его народъ,—и когда его спросили: „какое ученіе есть лучшее“ ¹⁰⁾,

⁴⁾ Ср. Рег. I, 1—2; X, 1119.

⁵⁾ Въ Св. Писаніи нерѣдко праведные называются друзьями Божиими. *Въ друзи мои есте, аще творите, елика азъ заповѣдаю вамъ*, сказалъ Иисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ (Іоан. XV, 14).

⁶⁾ Въ подлинникѣ: Hippolytum, qui quondam schisma Novati presbyter attigerat. Но невозможно, впрочемъ, что названіе „presbyter“ усвоено Ипполиту не столько для означенія его священнаго сана, сколько для означенія его преклоннаго возраста, ибо былъ старецъ (senex, ст. 28). Въмѣсто presbyter Арваль читаетъ presbyteri, относя это дополненіе къ Novati.

⁷⁾ Новатъ, пресвитеръ въ Карфагенѣ (въ половинѣ 3 вѣка) утверждалъ, что уклонившіеся въ тяжкіе грѣхи, напр. отпадшіе отъ вѣры во время гоненій, не должны быть прощаемы, хотя бы принесли раскаяніе. Отъ него получилъ начало расколъ, извѣстный подъ именемъ новаціанства. Подобнаго мнѣнія держался современный Новату римскій пресвитеръ Новаціанъ.

⁸⁾ Т. е. вѣнцемъ мученическимъ.

⁹⁾ Указаніе на образъ страданія и мученической смерти Ипполита. Ср. стих. 85 и слѣд.

¹⁰⁾ „Многіе утверждаютъ, что Ипполитъ при этомъ случаѣ въ первый разъ „проклялъ ересь или расколъ Новата. Но Пруденцій не даетъ права на это.

29. Отвѣтствовалъ: „Бѣгите, о несчастные, проклятаго раскола „Новата, возвратитесь въ среду народовъ, исповѣдующихъ все- „ленскую вѣру.

31. „Пусть процвѣтаетъ одна вѣра,—та, которая утверждена „въ древнемъ святилищѣ ¹¹⁾, которую сохраняетъ Павелъ и ка- „едръ Петра.

33. „Мнѣ горько, что я училъ, чему училъ; теперь я, уже муче- „никъ, признаю досточтимымъ тѣмъ, что считалъ прежде уклоне- „ніемъ отъ истиннаго богопочитанія“.

35. Какъ скоро сими словами онъ отвлекъ народъ отъ непра- „вой стези и научилъ слѣдовать путемъ истины,

37. И какъ скоро, отвергнувъ уклоненія (отъ истины), пред- „ставилъ себя вождемъ правости, между тѣмъ какъ доселѣ сѣялъ „заблужденію,

39 Приводится къ нечестивому правителю, преслѣдовавшему „тогда чтителей Христа въ устьяхъ Тибра.

41. Въ тотъ день этотъ правитель вышелъ изъ Рима, дабы „преслѣдовать подгородныхъ жителей.

43. Онъ не доволенъ былъ тѣмъ, что непрестаннымъ убійствомъ „праведныхъ обогрилъ землю внутри высокихъ стѣнъ Рима,

45. Ибо орошенъ уже былъ кровью Яникулъ ¹²⁾, облиты были „потоками крови форумы, ораторская каедръ, Субура ¹³⁾.

47. Ярость его простерлась до Тирренскаго побережья, до мѣстъ, „прилежающихъ къ морскому порту ¹⁴⁾.

„Исполить могъ уже прежде отвергнуть лжеученіе Новата, а предъ мучениче- „ствомъ еще разъ и торжественно выразить это спросившимъ его: какая вѣра „есть вѣра правая“ (Древаль).

¹¹⁾ Выраженіемъ „древнее святилище“ (priscum templum) обозначается, какъ „можно заключать изъ ст. 32, первоначальная римская община христіанъ; названа „же эта община „древнимъ святилищемъ“ въ противоположность недавно появив- „шемуся расколу Новата.

¹²⁾ Яникуломъ (Janiculum) назывался холмъ вблизи Рима на правой сторонѣ „Тибра.

¹³⁾ Ораторская каедръ (Rostra),—то мѣсто форума, съ котораго произно- „сились къ народу рѣчи ораторами, а Субура,—одинъ изъ наиболѣ людныхъ „кварталовъ въ Римѣ.

¹⁴⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

49. (Вотъ) онъ возсѣлъ на высокомъ трибуналѣ посреди палачей и множества прислужниковъ,

51. Горя желаніемъ возвратитъ къ нечестію учениковъ вѣры, отвергнувшихъ идолослуженія,

53. И повелѣвъ въ своемъ присутствіи предавать ужаснымъ мукамъ сонмы долго томившихся въ темницѣ (читителей Христа).

55. И вотъ здѣсь звенятъ цѣпи, тамъ шумятъ бичи, тамъ раздается трескъ розгъ.

57. Когтями проводятся глубокія раны между ребръ и терзается печень.

59. Уже утомились палачи; неистовствуетъ судія, негодуя на неэффективность пытки;

61. Ибо ни одинъ изъ рабовъ Христа, не смотря на столь великія мученія, не рѣшился осквернить свою душу.

63. Въ неистовствѣ говоритъ судія: „палачъ! перестань терзать когтями; пытка—напрасна; предавай смерти.

65. „Этому отруби голову; тотъ пусть будетъ распятъ и пусть у него, еще живаго, птицы вылевываютъ глаза.

67. „Сихъ возьми немедля и связанныхъ брось въ огонь; пусть будетъ приготовленъ одинъ костеръ для многихъ.

69. „Вотъ этихъ поспѣшно брось въ дырявую лодку и увези на средину моря.

71. „Какъ скоро эта дурносплоченная лодка будетъ пущена въ бурное море и подпадетъ разрушительнымъ волнамъ,

73. „Отдѣльныя части ея распадутся и она потонетъ.

75. „А нечистое чрево чешукстыхъ животныхъ ¹⁵⁾, питающихся трупами, сдѣлается гробомъ (для находившихся въ лодкѣ)“.

Protulerat rabiem Tyrrheni ad litoris oram.

Quaeque loca aequoreus proxima portus habet.

Можно думать, что поэтъ имѣетъ въ виду городъ *Portus Romanus* или *Portus Augusti*, расположенный на границѣ Тиррени въ устьяхъ Тибра, именно на правомъ берегу Тибра, къ каковому городу вела дорога мимо Яникула (*via Portuensis*).

¹⁵⁾ Т. е. рыбъ.

77. При этихъ словахъ (судіи) предъ высокій трибуналъ неожиданно приводится старецъ въ узахъ.

79. Столпившіеся вокругъ юноши громко заявляютъ, что это— глава читателей Христа,

81. И что, если потребленъ будетъ скоро глава, то весь народъ самъ собою возвратится къ чествованію римскихъ боговъ.

83. Они требуютъ (присужденія ему) необычнаго рода смерти и неизвѣстной доселѣ казни, дабы (его примѣромъ) устрашены были другіе.

85. Судія съ гордымъ видомъ говоритъ: „Какъ онъ называется?“ отвѣчаютъ, что называется Ипполитомъ.

87. „Итакъ пусть онъ будетъ Ипполитъ ¹⁶⁾; пусть, безпокою и „пугая дикихъ коней, запряженныхъ вмѣстѣ, будетъ растерзанъ „ими“.

89. Тотчасъ послѣ сихъ словъ дѣлается попытка запрячь вмѣстѣ пару животныхъ, не носившихъ узды.

91. Эти животныя не были въ стойлѣ; ихъ не гладила рука ласковаго господина; они не были уже прежде приучены сносить власть всадника.

93. Нѣтъ, это—были животныя дикія, взятыя недавно изъ стада, бродившаго по своей волѣ, направляемыя звѣринымъ страхомъ.

95. Вотъ уже ярмо соединяетъ вмѣстѣ этихъ, направленныхъ, впрочемъ, въ разныя стороны, животныхъ, не смотря на ихъ сопротивленіе.

97. Дышломъ служитъ веревка, раздѣляющая хребты (двухъ) животныхъ

99. И отъ ярма протягивающаяся далѣе ихъ ногъ.

101. Къ концу этой веревки,—въ томъ мѣстѣ, гдѣ кони, стремясь въ разныя стороны, оставляютъ слѣды свои,

103. Привязываются ноги мужа ¹⁷⁾, соединенныя вмѣстѣ крѣпкимъ узломъ.

¹⁶⁾ Ипполитъ (Ἰππόλιτος) въ переводѣ съ греческаго языка значить: „разорванный конями“.

¹⁷⁾ Т. е. Ипполита.

105. Когда въ достаточной степени были приготовлены для мученія удары, узы, кони,

107. Подстрекають (коней) внезапными криками и бичами и пронзають имъ бока остриями.

109. „Послѣднія слова досточтимого старца были: „пусть сіи „разрываютъ тѣло; Ты же, Христе, прѣими душу мою“.

111. Быстрые кони въ слѣпомъ страхѣ рвутся впередъ, движимые ужасомъ отъ (поднятаго) крика и, вмѣстѣ, яростью.

113. Дикость воспаляеть ихъ, бичи возбуждаютъ, шумъ понуждаетъ и не чувствуютъ они въ быстромъ бѣгѣ движущуюся вмѣстѣ съ ними тяжесть ¹⁸⁾.

115. Стремятся они чрезъ лѣса, чрезъ скалы; не останавливаетъ ихъ берегъ рѣки, не удерживаетъ встрѣтившійся потокъ.

117. Ломають изгороди, сокрушаютъ всѣ препятствія, бѣгутъ чрезъ покатости и неровности, перескакиваютъ чрезъ горы.

119. На мелкіе куски разорвано было тѣло (мученика); одни изъ нихъ удержаны были шипами колючихъ растеній:

121. Часть (оныхъ) виситъ на высокихъ скалахъ, часть остается на кустарникахъ; отъ нѣкоторыхъ багровѣють листья, отъ нѣкоторыхъ влажна земля.

123. Злодѣяніе (это) во всѣхъ подробностяхъ изображено на стѣнѣ надъ гробницею мученика.

125. На этомъ изображеніи водяными красками ¹⁹⁾ представлены окровавленные члены растерзаннаго (дикими конями) мужа.

127. Добрѣйшій отецъ (мой)! Тамъ видѣлъ я орошенные кровью гребни скалъ; тамъ видѣлъ пурпурныя пятна на терновникѣ.

129. Зеленые кусты изображены тамъ рукою мастера подобно кустамъ дѣйствительнымъ; алая сукровица изображена алою краскою.

131. Виднѣлись оторванные отъ своихъ суставовъ члены тѣла (мученика), въ безпорядкѣ лежавшіе по невѣдомымъ мѣстамъ.

¹⁸⁾ Т. е. привязаннаго къ нимъ мученика Ипполита.

¹⁹⁾ Въ подлинникѣ: *liquidis umbris* (ср. *Per. IX, 17: liquidis coloribus*). Разумѣется живопись *al fresco*.

133. Изображены были, также, (тою рукою) друзья (мученика), въ слезахъ шествующіе туда, куда вела неровная и удаленная (отъ дороги) тропинка.

135. Пораженные горестію и съ внимательно слѣдящими глазами шли они, собирая растерзанные члены мученика.

137. Тотъ объемлетъ бѣлоснѣжную голову и согрѣваетъ на нѣжной груди досточтимую сѣдину (ея).

139. Тотъ поднимаетъ плечо и изувѣченныя руки и сокрушенныя части ногъ.

141. Осушается одеждами даже напоенный (кровью) песокъ, дабы и на немъ не осталась багряная влага.

143. Собирается всецѣло губками и та кровь, которою обрызганы были древесные пни.

145. Не удерживаетъ ничего изъ святаго тѣла, не утаиваетъ ничего изъ святыхъ останковъ и густой лѣсь.

147. Когда же всѣ члены (тѣла мученика) оказались, при счѣтѣ, на-лице,

149. И когда отерты были листья деревьевъ и скалы и ничего изъ всего тѣла мученика не удерживалось уже уединеннымъ мѣстомъ,

151. Избирается измѣренное предварительно мѣсто для сооруженія гробницы; оставляются устья Тибра ²⁰⁾, желается, дабы (городъ) Римъ хранилъ святой прахъ.

153. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ оканчивается городской валъ, на воздѣланной мѣстности, (въ нему примыкающей), открываетъ свои темные ходы глубокая кринта ²¹⁾.

155. Поватая тропа, извиваясь, ведетъ въ это убѣжище, лишенное свѣта.

²⁰⁾ Въ подлинникѣ *ostia linquunt*. Ср. стр. 40. 46--47.

²¹⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

*Haud procul extremo culta ad pomoeria vallo
mersa latebrosis crypta patet foveis.*

Въ этихъ словахъ описывается одна изъ римскихъ катакомбъ близъ „ager Vaticanus“, въ которой былъ погребенъ Ипполитъ.

157. Дневной свѣтъ проникаетъ въ крипту чрезъ входъ.

159. А въ извилистыхъ галлерейхъ (ея) уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа чернѣетъ темная ночь.

161. Впрочемъ, въ (эти) галлерей бросаютъ ясные лучи сверху отверстія, прорубленныя въ сводѣ (крипты) ²²⁾.

163. И хотя въ криптѣ встрѣчаются тамъ и здѣсь темныя мѣста,

165. Тѣмъ не менѣе, чрезъ означенныя отверстія значительный свѣтъ освѣщаетъ внутренность высѣченнаго пространства ²³⁾.

167. Такимъ образомъ дается возможность подъ землею видѣть свѣтъ отсутствующаго солнца и наслаждаться его сіяніемъ.

169. Въ такомъ тайникѣ сокрывается тѣло Ипполита, подлѣ котораго воздвигается жертвенникъ для божественныхъ священнодѣйствій ²⁴⁾.

171. Сей жертвенникъ,—раздаятель таинства и, вмѣстѣ, вѣрный стражъ своего мученика,

173. Сохраняетъ останки (его) въ гробницѣ до ожидаемаго пришествія Вѣчнаго Судии и питаетъ святою снѣдью ²⁵⁾ жителей Тибра.

175. Удивительное благочестіе (жителей) этого мѣста и доступный мольбамъ притекающихъ жертвенникъ питаютъ надежды людей.

177. Получалъ помощь (здѣсь) и я, всякій разъ, какъ молился здѣсь, повергнувшись ницъ, въ недугахъ тѣла и души.

179. Тѣмъ, что я наслаждаюсь теперь возвращеніемъ (въ отечество), тѣмъ, что можно мнѣ теперь обнять тебя, досточтимый святитель, тѣмъ, что я пишу тебѣ это,

181. (Всѣмъ тѣмъ) обязанъ я—вѣдомо мнѣ—Ипполиту, кото-

²²⁾ Рѣчь идетъ о такъ называемыхъ luminaria.

²³⁾ Въ подлинникѣ: excisi...sava viscera montis. Но рѣчь, очевидно, не о горѣ въ собственномъ смыслѣ, а просто о словѣ земли, въ которомъ была прорублена крипта. Ср. Дресселя: ad v. 161.

²⁴⁾ Объ обычаѣ воздвигать жертвенники на гробницахъ или у гробницъ мучениковъ см. Perist. III, 212; IV, 189; V, 515 и слѣд.

²⁵⁾ Т. е. таинствомъ евхаристіи.

рому Христосъ Богъ далъ силу испосылать каждому то, чего тотъ проситъ.

183. Сама часовенька, содержащая оную одежду души ²⁶⁾, сіяетъ массивнымъ серебромъ.

185. Богатый почитатель мученика прикрѣпилъ (къ стѣнамъ часовеньки) гладко отполированныя пластинки (изъ серебра), блистающія, подобно зеркалу.

187. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что украсилъ входъ паросскимъ мраморомъ, но присоединилъ для украшенія его драгоценный металлъ.

189. Рано утромъ собираются почитать мученика; все юношество приносить поклоненіе; идутъ взадъ и впередъ (чествующіе мученика) до самаго солнечнаго заката.

191. Благочестіе собираетъ къ гробницѣ мученика и жителей Лаціума и чужеземные народы.

193. Цѣлуютъ блестящій металлъ (гробницы мученика), возливаютъ бальзамъ, орошаютъ лица свои слезами.

195. А когда, по прошествіи извѣстнаго числа мѣсяцевъ, возвращается годъ и торжественнымъ богослуженіемъ чествуется память мученика,

197. То сколь великія, соревнующія въ усердіи, толпы,—думаешь ты,—собираются и какія пѣсни возносятся въ прославленіе Бога?

199. Державный городъ ²⁷⁾ выводитъ и избиваетъ своихъ гражданъ; къ патриціямъ, исполненнымъ въ равной степени религіозной ревности,

201. Присоединяется фаланга плебеевъ, имѣющихъ одинаковое вооруженіе ²⁸⁾; ибо вѣра уничтожаетъ различіе по происхожденію.

203. Точно также блестящій строй развертывается изъ воротъ Альбанскихъ городовъ ²⁹⁾, вытягиваясь длинными рядами.

²⁶⁾ Разумѣется отдѣленіе въ катакомбѣ, въ которомъ схоронены были останки Ипполита.

²⁷⁾ Т. е. Римъ.

²⁸⁾ Т. е. вооруженіе вѣры.

²⁹⁾ Рѣчь идетъ вообще о городахъ, расположенныхъ на Альбанской возвышенности, а не объ одной Альбѣ (Дрессель).

205. Слышатся радостные клики на различныхъ дорогахъ тамъ и здѣсь; подходятъ туземцы Пиценума и, вмѣстѣ, населеніе Этруріи.

207. Идутъ суровые Самниты, идетъ Кампанецъ — обитатель высокой Капуи, идутъ жители Нолы ³⁰⁾.

209. Каждый, радуясь, вмѣстѣ съ супругою и милыми дѣтьми, поспѣшно совершаетъ путь.

211. Широко растилающіяся поля едва вмѣщаютъ радостныхъ путниковъ и плотно сомкнутые сонмы занимаютъ обширныя пространства.

213. Несомнѣнно, что подъемное помѣщеніе ³¹⁾ тѣсно для такого множества, если бы оно разверзлось широкою пастью ³²⁾.

215. Но подлѣ находится иной храмъ ³³⁾, въ который и притекаетъ столь великое множество поклонниковъ,

217. Храмъ, отличающійся царскимъ убранствомъ, съ высокими стѣнами, гордо-величественный и обильный дарами.

219. Двойной рядъ колоннъ, на который положены золоченные брусья, поддерживаетъ потолокъ храма.

221. По сторонамъ протягиваются узкіе отступы съ убавочною крышею.

223. Среднее-же пространство шире и имѣетъ болѣе поднимающійся верхъ.

225. На сторонѣ, противоположной входу, возвышается на ступеняхъ высокій трибуналъ, съ котораго предстоятель возвѣщаетъ о Богѣ ³⁴⁾.

227. Будучи переполненъ, тѣсный храмъ (этотъ) едва уже принимаетъ стремящіяся (въ него) толпы.

³⁰⁾ Пиценумъ и Этрурія—области Италіи на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ Рима. Самниты в Кампанцы—племена, жившія въ Италіи на юговостокъ и югъ отъ Рима. Капуя и Нола—города въ Кампаніи.

³¹⁾ Разумѣется катакомба, заключающая останки Ипполита.

³²⁾ Т. е. имѣло широкій входъ.

³³⁾ Въ подлинникѣ: aliud... templum. Большинство комментаторовъ Пруденція полагаютъ, что рѣчь идетъ здѣсь о базиликѣ св. Лаврентія, находившейся подлѣ гробницы Ипполита, но не о какомъ-либо храмѣ въ честь самого Ипполита.

³⁴⁾ Выраженіемъ этимъ обозначается здѣсь не столько кафедра для проповѣдника, сколько алтарное возвышеніе для священнодѣйствій.

229. И все-таки съ жаромъ раскрываетъ въ плотно-наполненномъ входѣ материнское нѣдро, чтобы собрать и возлелѣять питомцевъ на (своемъ) лонѣ.

231. Если я хорошо помню, прекраснѣйшій (изъ городовъ) Римъ почитаетъ сего ³⁵⁾ въ иды августа мѣсяца ³⁶⁾, какъ онъ называется, по древнему обычаю, этотъ день.

233. Святой учитель мой! Я желалъ бы, дабы и ты причислилъ оный день къ ежегоднымъ праздникамъ.

235. Вѣрь, что сей ³⁷⁾ принесетъ спасеніе почитающимъ его, возвращая (имъ) награжденіе досточестнаго свѣта ³⁸⁾.

237. Пусть между праздничными днями, посвященными памяти Кипріана, Хелидонія и Евлаліи, будетъ (праздничнымъ) у тебя и этотъ день.

239. Если будетъ такъ, то Всемогуцій Христосъ услышитъ молитву твою за народъ, жизнь котораго тебѣ ввѣрена.

241. (Тогда) отъ полной твоей овчарни будетъ отгнанъ волкъ и ни одна уловленная имъ овца не уменьшитъ твоего стада.

243. (Тогда) и меня, остающуюся еще на зеленомъ полѣ больную овцу, сохранишь ты, бдительный пастырь.

245. (Тогда), наполнивъ молодыми ягнятами овчарню, ты и самъ будешь восхищенъ, какъ спутникъ святаго Ипполита.

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

³⁵⁾ Т. е. Ипполита.

³⁶⁾ Т. е. 13 августа. Счетъ дней по календарямъ, идамъ и нонамъ употребителенъ былъ въ древнемъ языческомъ Римѣ, почему обычай считать такимъ образомъ дни здѣсь названъ древнимъ обычаемъ.

³⁷⁾ Разумѣется Ипполитъ.

³⁸⁾ Въ подлинникѣ употреблено образное выраженіе:

Crede, salutiferos feret hic venerantibus ortus
lucis honoratae praemia restituens.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ИДЕАЛЬНАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

III.

Ближайшій результатъ, къ которому привела насъ критика Кантовой теоріи идей, состоитъ въ томъ, что идея о Богѣ (равно какъ и прочія идеи), не будучи абстрактнымъ понятіемъ нашего разсудка, не можетъ быть также и формальнымъ только или регулятивнымъ началомъ а ргіогі принадлежащимъ нашему разуму. Самое существованіе этой идеи въ нашемъ духѣ предполагаетъ дѣйствіе на насъ реальнаго внѣ насъ находящагося объекта этой идеи, а съ нашей стороны воспріятіе этого дѣйствія, тотъ „опытъ“, котораго требовалъ Кантъ для удостовѣренія объективнаго характера этой идеи, но котораго онъ не допускалъ благодаря своему, чисто субъективному, воззрѣнію на наше познаніе. Но такъ какъ этотъ опытъ очевидно не можетъ быть чувственнымъ внѣшнимъ опытомъ, который даетъ намъ знать только о предметахъ эмпирическихъ, то мы, если идея о Богѣ можетъ возникнуть въ насъ не иначе какъ путемъ опыта или усвоенія впечатлѣній сверхчувственнаго, необходимо должны предположить въ нашемъ духѣ особую способность къ воспріятію сверхчувственнаго.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 13.

Но этимъ общимъ выводомъ, на который даютъ намъ право нами предшествующія изслѣдованія, далеко не рѣшается еще вопросъ о дѣйствительномъ происхожденіи въ насъ идеи о Богѣ. Возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ понимать реальное дѣйствование сверхчувственнаго на нашъ духъ? Есть-ли оно непосредственное и прямое дѣйствіе, или средою, такъ сказать, для него и посредствомъ служатъ какія-либо явленія окружающей насъ дѣйствительности, въ которыхъ отражается сверхчувственное? Какимъ образомъ понимать далѣе самую способность воспріятія сверхчувственнаго? Есть-ли это совершенно особая способность въ нашемъ духѣ, или только особенное состояніе и направленіе тѣхъ-же способностей, при помощи которыхъ мы усваиваемъ и впечатлѣнія міра внѣшняго? На эти вопросы въ философіи мы встрѣчаемъ разнообразныя отвѣты въ различныхъ теоріяхъ происхожденія идеи о Богѣ. Сообразно характеру самыхъ выставленныхъ нами вопросовъ, мы раздѣлимъ ихъ на двѣ главныя группы: теоріи признающія посредствованное дѣйствіе Божества на нашъ духъ и теоріи болѣе или менѣе непосредственнаго дѣйствія.

А.

1. Ближайшею на первый взглядъ посредствующею средою дѣйствія Божества на нашъ духъ представляется намъ внѣшняя природа и та способность, при помощи которой мы получаемъ познаніе о ней,—способность эмпирическаго познанія. Не можетъ-ли идея о Богѣ возникнуть въ насъ этимъ путемъ, какъ дѣйствіе на насъ сверхчувственнаго чрезъ природу и органъ познанія ея,—внѣшнія чувства? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ принадлежитъ извѣстному лингвисту и изслѣдователю древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій—Максу Мюллеру ¹⁾.

Что происхожденіе въ насъ идеи о Богѣ необходимо предполагаетъ съ одной стороны дѣйствіе на нашъ духъ

¹⁾ Теорія М. Мюллера изложена нами по его сочиненію: *Vorlesungen über den Ursprung und die Entwicklung der Religion*. 2 Aufl. 1881.

реальнаго объекта этой идеи, съ другой—особую способность воспріятія этого дѣйствія, съ этимъ совершенно согласенъ М. Мюллеръ. Сводя всё разнообразныя представленія и понятія о Богѣ къ одному коренному и первоначальному, которое называетъ понятіемъ Безконечнаго, онъ признаетъ, что это Безконечное не есть ни логическое понятіе получаемое путемъ умозаключенія отъ конечнаго къ Безконечному, ни понятіе отрицательное, образуемое путемъ прибавленія отрицательной частицы къ слову, выражающему понятіе положительное. Это безконечное есть, какъ онъ выражается „положительная реальность“. Для познанія этой реальности необходима особая способность. „Въ человѣкѣ“, говоритъ онъ, „есть особая способность (Anlage) благодаря которой онъ можетъ познавать Безконечное подъ самыми различными именами и подъ измѣнчивыми формами,—способность, которая существуетъ не только независимо отъ чувствъ (Sinn) и разсудка (Verstand), но по своей природѣ кажется состоятъ въ самой рѣзкой противоположности къ тому и другому“¹⁾.

¹⁾ Этимъ признаніемъ особой способности въ одномъ изъ болѣе раннихъ своихъ сочиненій (Einleitung in die Religionswissenschaft p. 15) въ послѣдствіи былъ „не совсѣмъ доволенъ“ М. Мюллеръ, но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что въ немъ „есть зерно истины“. (Vorles. p. 25. 26). Что и въ послѣдующее время его взглядъ на этотъ предметъ въ существенномъ мало измѣнился, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ. „Конечно“ отвѣчаетъ онъ на обвиненіе его теоріи въ нѣкоторомъ мистицизмѣ „на ряду съ двумя функціями сознанія, которыя мы называемъ чувственностію и разсудкомъ, я признаю еще третью, которая служитъ къ познанію безконечнаго и которая, по моему мнѣнію, одна только и заслуживаетъ названіе вѣры (Glauben). Но мнѣ кажется, что лучше честно и откровенно признать фактъ, чѣмъ обманывать себя и другихъ туманными выраженіями... Никто не станетъ отрицать, что религія или религіозная вѣра имѣетъ дѣло съ такими предметами, которыхъ нельзя ни воспринять внѣшними чувствами, ни понять разсудкомъ. Итакъ если мы признаемъ для объясненія способности познавать безконечное третью функцію сознанія, то въ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго, напротивъ это есть только открытое признаніе подлиннаго факта“... Ибо „едва-ли можно спорить противъ того, что чувство и разсудокъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова недостаточны, чтобы объяснить фактъ религіи“. Взятая сама по себѣ, эта третья функція сознанія нисколько не таинственнѣе двухъ остальныхъ функцій,—чувственного воспріятія и разсудка, въ которыхъ также много таинственнаго и непонятнаго. (Vorles. p. 30. 31).

Съ этими положеніями М. Мюллера вполне можно было бы согласиться и сказать, что онъ стоитъ на вѣрной дорогѣ къ объясненію происхожденія идеи о Богѣ, если-бы нѣсколько не смущало насъ и не казалось подозрительнымъ и двусмысленнымъ его понятіе о безконечномъ, въ которомъ оно думаетъ видѣть зерно всѣхъ дальнѣйшихъ религіозныхъ понятій. Дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ скоро оказывается, что его „безконечное“ далеко не то, что мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ, когда считаемъ его однимъ изъ существенныхъ предикатовъ Божества; а вмѣстѣ съ этимъ и вся теорія Мюллера получаетъ неожиданный сенсуалистическій оттѣнокъ. Дѣло въ томъ, что Безконечное онъ понимаетъ какъ внѣшнее, чувственное, лишенное всякаго характера духовности безконечное; а такъ какъ чувственное можетъ быть и познаваемо посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, то оказывается, что и познавать его мы можемъ путемъ внѣшняго опыта и его особая способность религіознаго познанія оказывается не у дѣла.

Безконечное, по мнѣнію М. Мюллера, есть реальность, въ существованіи которой непреложно убѣждаютъ насъ внѣшнія чувства. Въ природѣ, какъ показываетъ опытъ, на ряду и вмѣстѣ съ конечнымъ, существуетъ и безконечно великое и безконечно малое. Такъ прежде всего „что касается до простаго отдаленія, то и самый позитивнѣйшій изъ позитивистовъ не можетъ отрицать, что глазъ, при помощи того-же самаго акта, посредствомъ котораго онъ обнимаетъ конечное, вмѣстѣ ощущаетъ и безконечное. Чѣмъ далѣе простирается нашъ взоръ, тѣмъ шире становится горизонтъ; но горизонтъ не знаетъ никакихъ границъ. Итакъ безконечное содержится уже въ самомъ раннемъ обнаруженіи нашего чувственного воспріятія“... „Дикарь, задолго прежде чѣмъ узнаетъ о томъ, воспринимаетъ уже безконечное и это есть тоже самое, еще не сознанный, т. е. не названное безконечное, которое позже проявится въ тысячѣ различныхъ формъ... Представимъ себѣ человѣка, живущаго на горной высотѣ или среди необозримой пустыни, или на уединенномъ коралловомъ островѣ, со всѣхъ сторонъ окружен-

номъ безграничною гладью моря, представимъ, что надъ головою его простирается бездонная синева небесъ, и мы поймемъ, какъ изъ образовъ, которые наполняютъ его сознаніе, возникаетъ понятіе безконечнаго, даже прежде чѣмъ конечнаго, потому что безконечное образуетъ вездѣприсущій задній фонъ, на которомъ тускло рисуются образы его земнаго бытія“... „Это предчувствіе, это медленно пробуждающееся чувство безконечнаго проходитъ затѣмъ многія фазы развитія и получаетъ различныя названія; его можно указать и въ томъ изумленіи, съ какимъ полинезійскій морякъ смотритъ на небо, и въ томъ веселомъ ликованіи, съ которымъ арійскій пастухъ привѣтствуетъ блескъ зари, и въ той молчаливой сосредоточенности, съ какою уединенный путникъ въ пустыни смотритъ на послѣдніе лучи заходящаго солнца и уносится мыслию въ другое отечество“... „Во всѣхъ этихъ чувствахъ и предчувствіяхъ звучитъ та же струна въ тысячѣ различныхъ звуковъ и тоновъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ и почему того-же самаго безконечнаго человѣкъ искалъ въ горахъ, деревьяхъ, источникахъ, въ молніи и бурѣ, въ солнцѣ и мѣсяцѣ; какъ онъ избиралъ одно имя за другимъ, чтобы понять это безконечное,—какъ и почему онъ сталъ называть его гремящимъ, свѣтодавцемъ, молніеноснымъ, подателемъ дождя, пищи, жизни; какъ затѣмъ сталъ говорить о немъ, какъ о творцѣ, промыслителѣ, правителѣ, отцѣ или царѣ, Господѣ и Богѣ боговъ, причинѣ причинъ, какъ о вѣчномъ непостижимомъ“. Но первое зерно всѣхъ этихъ понятій заключается въ чувствѣ, какое производитъ въ насъ ощущеніе безконечнаго въ природѣ. Природа, такимъ *образомъ, была и есть, какъ говоритъ М. Мюллеръ, „единственный царскій путь, который ведетъ насъ отъ конечнаго къ безконечному, отъ естественнаго къ сверхъестественному, отъ природы къ Богу природы“¹⁾.

Вотъ основная идея теоріи происхожденія религіи М. Мюллера,—теоріи, какъ мы сказали, положившей въ свою основу вѣрныя начала, но въ результатѣ пришедшей къ полнѣйшему

¹⁾ Vorlesungen. p. 41. 42. 49. 53. 54. 257.

сенсуализму. Едва-ли мы ошибемся, если коренную причину такого страннаго явленія будемъ видѣть въ отождествленіи имъ понятія о Богѣ съ понятіемъ о безконечномъ. Среди разнообразія религіозныхъ понятій М. Мюллеръ, какъ философъ, справедливо долженъ былъ отыскать самое общее, основное и вмѣстѣ самое первоначальное, которое составляло сущность и зерно всѣхъ религіозныхъ представленій и котораго эти представленія были-бы лишь дальнѣйшими модификаціями. Но такимъ основнымъ понятіемъ никоимъ образомъ не можетъ быть понятіе о безконечномъ. Что признакъ безконечности есть существенно входящій въ развитое, болѣе или менѣе рациональное понятіе о Богѣ, это, конечно, несомнѣнно. Но совершенно невѣрна мысль, что этотъ признакъ былъ такимъ признакомъ, который прежде всего выступилъ въ религіозномъ сознаніи человѣчества; еще болѣе невѣрна мысль, будто этотъ признакъ есть принципиальный въ идеѣ о Богѣ, изъ котораго мало по-малу должны развиться всѣ другіе признаки, входящіе въ составъ этой идеи.

Что касается до первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованій всѣхъ народовъ, то, вопреки М. Мюллеру, можно рѣшительно сказать, что первоначальное религіозное сознаніе ничего не знаетъ о безконечности божества. Всѣ боги, не только дикихъ, но и болѣе культурныхъ языческихъ народовъ, суть очень конечныя, ограниченныя пространствомъ и временемъ, хотя и сверхчувственные существа (боги рождаются одинъ отъ другаго, имѣютъ начала, антропоморфическій или зооморфическій видъ и пр.). Нужна долговременная работа мысли и религіознаго сознанія, чтобы убѣдиться, что божество есть существо дѣйствительно безконечное, что Зевсъ напр. есть не просто Зевсъ громовержецъ, сидящій на Олимпѣ среди другихъ боговъ, но, какъ выражается извѣстный орфическій гимнъ,—начало, середина и конецъ всего, безконечная жизнь, разлитая въ безконечномъ универсѣ. Дѣйствительно, еслибы идея безконечнаго была первоначальною и основною религіозною идеею, то мы вправѣ были-бы ожидать, что съ одной стороны первоначальныя божества народовъ будутъ представляемы по аналогіи съ тѣми явленіями, въ ко-

торыхъ съ наибольшею ясностію выступаетъ предъ взоромъ человѣка безконечное въ природѣ, съ другой, что отзвукъ этой идеи сохранится въ древнѣйшихъ наименованіяхъ божества. Но ни того, ни другого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Ни бездонная синева небесъ, ни безбрежный океанъ, ни стелющійся вдаль воздухъ, ни самая земля, границъ которой не видалъ человѣкъ, не были предметомъ древнѣйшаго религіознаго культа, какое глубокое чувство не возбуждало-бы эти „безконечные“ предметы въ человѣкѣ. Дѣйствительными объектами культа служили очень колючіе предметы или такія же воображаемыя, мифическія существа. Правда, при дальнѣйшемъ развитіи религіознаго сознанія мы встрѣчаемъ олицетвореніе и обоготвореніе, такъ называемыхъ, безконечныхъ предметовъ; такъ въ числѣ главныхъ боговъ Египта выступаютъ Клефъ, Нейтъ, Полить и Севехъ, служащіе олицетвореніемъ духа, матеріи, пространства и времени, небо китайцевъ и свѣтъ Зороастра напоминаютъ также чувственно безконечное. Но эти и подобныя олицетворенія принадлежатъ далеко не первоначальнымъ временамъ, и составляютъ плодъ извѣстной религіозной рефлексіи, неудовлетворенной конечными, конкретными божествами и стремящейся къ обобщенію и объединенію древнѣйшихъ натуральныхъ боговъ. Всѣ эти религіозныя представленія принадлежатъ сравнительно позднѣйшему времени, когда дѣйствительно болѣе и болѣе начинала выступать и проясняться въ сознаніи, наряду съ другими совершенствами абсолютнаго начала бытія, — и идея его безконечности, и когда человѣкъ, соответственно той ступени религіознаго сознанія, на которой стоялъ, искалъ для нея адекватнаго выраженія въ образахъ чувственной безконечности. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ религіознаго сознанія онъ мало по-малу отбрасывалъ эти чувственные оболочки, пока въ философскомъ мышленіи съ одной, и въ совершеннѣйшей, христіанской религіи, съ другой стороны, онъ не сбросилъ окончательно эти чувственныя формы, чтобы перейти къ понятію истинно безконечнаго.

Къ тому-же самому результату приводитъ насъ и филологическій анализъ словъ, въ которыхъ древніе и новыя на-

роды выражали свое понятіе о Богѣ и которыя по глубокой, доисторической древности языковъ, не безъ основанія считаются лучшимъ ключемъ для разъясненія первоначальныхъ религіозныхъ понятій. Исслѣдованія филологовъ показываютъ, что въ этихъ отъ глубочайшей древности идущихъ наименованіяхъ божества нѣтъ ни малѣйшаго указанія на безконечность. Дѣйствительно, рассматривая всѣ почти существующія у разныхъ народовъ названія божества ¹⁾, мы находимъ, что они большею частію указываютъ или на совершенства существа, почитаемаго божествомъ или на его силу и величіе, или на его первоначальность ²⁾; самая меньшая часть ихъ происходитъ отъ конкретныхъ предметовъ и явленій природы, служившихъ предметомъ первоначальнаго культа (напр. огонь, громъ, буря, утренняя заря, податель солнечнаго свѣта); но нѣтъ ни одного изъ нихъ, въ которое входило-бы понятіе безконечности. Тоже самое замѣчается и въ частности, въ индо-европейскихъ языкахъ, спеціальнымъ исслѣдованіемъ которыхъ занимается М. Мюллеръ. Древнѣйшее названіе божества въ нихъ образовано отъ корня *div* блестять. Сюда относятся: санскритское *deva*, латинское *deus* и *Jupiter* (изъ *Diu-piter*, т. е. отецъ неба), греческое *Zeus*, англосаксонское *tiu* и др. Славянское слово *Богъ* происходитъ отъ корня *bhad*, котораго основное значеніе: „надѣлять, давать“, и означаетъ: податель, повелитель, покровитель. Германское *Gott* выражаетъ понятія существа „самосозданнаго“, или по толкованію другихъ „имѣющаго свой собственный законъ“. Замѣчательно, что и самъ Мюллеръ, поставившій своею задачею показать, какъ люди пришли къ предикату: *Богъ*, какъ общему обозначенію сущности всѣхъ частныхъ божествъ, приводитъ въ качествѣ такихъ предикатовъ слова: „отецъ живой, дѣятельный, неизмѣнный, безсмертный, свѣтлый“,—слова, въ которыхъ идеи безконечнаго совершен-

¹⁾ Эти названія собраны въ статьѣ г. Шерцля, „Начала религій и слѣды монотеизма въ язычествѣ“ „Прав. Обозр.“ за 1884 г. Январь, стр. 481—484.

²⁾ Таковы напр. названія: „дивный“, „милостивый“, „великій“, „великое существо“, „владыка земли“, „царь неба“, „духъ неба“, „первый“, „старецъ на верху или на небѣ“, „старѣйшій дѣдъ“ и т. п.

но не видать. Правда, упоминается въ Ведахъ богиня *Aditi* (безконечная, безграничная), но во-первыхъ, это имя очень поздняго происхожденія, и во-вторыхъ, оно не сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для божествъ; между тѣмъ какъ напр. слова *devas*—свѣтлые, небесные и *asuras*—живые, утвердились въ качествѣ употребительнѣйшихъ наименованій для божествъ ¹⁾.

• Не будучи первоначальнымъ элементомъ религіознаго сознанія, понятіе безконечнаго не можетъ быть, какъ мы сказали, и элементомъ основнымъ, то есть такимъ, изъ котораго логически и психологически можетъ быть выведено все дальнѣйшее содержаніе идеи о Богѣ, въ многоразличіи ея историческихъ формъ. Мы видѣли, что кореннымъ и основнымъ религіознымъ понятіемъ служитъ мысль о существѣ всесовершенномъ; эта мысль составляетъ зерно, изъ котораго развились всѣ прочія религіозныя вѣрованія и изъ котораго всѣ они удобно объясняются, какъ различные фазисы сначала представленія, а затѣмъ понятія объ абсолютно совершенномъ началѣ бытія. Но такимъ зерномъ никакъ не можетъ быть пустая и безсодержательная сама по себѣ идея безконечнаго, тѣмъ болѣе въ той формѣ, въ какой понимаетъ ее М. Мюллеръ,—какъ представленіе чувственнаго безконечнаго. Въ ней не дано ни понятія о совершенствѣ, ни понятія о существѣ. Правда, взглядъ на чувственное безконечное, на безбрежное напр. море, на безграничную пустыню, на не-

¹⁾ E. V. Schmidt. Die Philosophie d. Mythologie und M. Müller. 1880. p. 45. М. Мюллеръ конечно и самъ не могъ не замѣтить этого отсутствія идеи безконечности въ древнѣйшихъ наименованіяхъ божества. Но онъ объясняетъ это тѣмъ, что первоначальный языкъ былъ, такъ сказать, немощенъ, чтобы выразить столь трудную идею, какова идея безконечности. Замѣчаніе поверхностное. Если это была идея трудная, то она не могла быть и первоначальною религіозною идеею; она точно также не могла возникнуть въ сознаніи первобытнаго человѣка, какъ напр. абстрактныя идеи: безусловнаго, самосущаго, все-реальнаго существа. Если-же она была въ сознаніи, то должна-бы найти и соответственное себѣ выраженіе, такъ какъ, по теоріи Мюллера, понятіе или представленіе не можетъ быть безъ слова, его выражающаго; у него понятіе и слово,—одно и то же; не было слова—не было и идеи. Притомъ, что труднаго заключалось въ томъ, чтобы найти слово для наименованія качества безконечности моря, пустыни, небснаго свода и пр.

бесный сводъ, можетъ пробудить въ насъ чувство высокаго, грандіознаго,—чувство подавляющаго величія природы. Но въ этомъ чувствѣ самомъ по себѣ нѣтъ еще ничего, что давало-бы понятія о качественномъ совершенствѣ этихъ явленій и что могло-бы служить зерномъ къ выработкѣ понятія о совершенствѣ абсолютномъ. При томъ-же это чувство, какъ показываетъ опытъ, можетъ быть возбуждено только въ человѣкѣ сравнительно развитомъ; своимъ возникновеніемъ оно обязано болѣе или менѣе ясно сознаваемой идеѣ безконечнаго, символическій образъ которой человѣкъ находитъ въ упомянутыхъ явленіяхъ природы. Дикарь и человѣкъ простой вовсе не поражаются эмпирическою безконечною, какъ таковою,—и ни какими фактами нельзя доказать, чтобъ на безбрежное море, на берегу котораго онъ живетъ, онъ смотрѣлъ иначе, какъ на самое обыденное и естественное явленіе. Его умъ скорѣе поражался необычайными конкретными предметами и явленіями природы, за которыми слѣдовали явленія, въ которыхъ дѣйствительно выражалась живая сила и вліяніе природы на его жизнь; таково напр. солнце, оплодотворяющая его страну рѣка (напр. Гангъ, Нилъ въ Египтѣ), возраждающая къ жизни природу весна, правильное теченіе звѣздъ и пр. Въ этихъ и подобныхъ явленіяхъ, а не въ монотонномъ эмпирическомъ безконечномъ человѣкъ былъ склоненъ видѣть выраженіе идеи того совершенства и величія, которое должно служить предикатомъ высочайшаго существа.

Еще менѣе, чѣмъ понятіе объ абсолютномъ совершенствѣ, можетъ быть выведено изъ представленія о безконечномъ понятіе о *существо* конкретномъ и живомъ,—понятіе составляющее самую существенную принадлежность всѣхъ религій. Превращеніе чувственнаго безконечнаго въ личное божество есть совершенно невозможный и психологически необъяснимый фактъ. Для религіи существуетъ не безконечное, а безконечный. Всю трудность этого дѣла, повидимому, сознавалъ и М. Мюллеръ и поэтому для объясненія такого перехода отъ идеи безконечнаго къ идеѣ божества вводитъ въ свою теорію новую, дополнительную гипотезу,—особой способно-

сти первобытнаго человѣка къ антропоморфическому пониманію вещей и явленій природы, которую въ свою очередь объясняетъ особымъ свойствомъ первобытнаго языка. О несостоятельности этой гипотезы для объясненія происхожденія религіозной идеи мы уже имѣли случай говорить. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что, вводя эту новую и нисколько не вытекающую изъ его основнаго принципа гипотезу, онъ тѣмъ самымъ признаетъ уже недостаточность и несостоятельность этого принципа для объясненія всего содержанія религіозной идеи и различныхъ формъ ея развитія.

Дѣйствительно, всматриваясь въ идею безконечнаго, въ той особенно формѣ, въ какой она дана у М. Мюллера, мы не только не видимъ въ ней никакой, сколько нибудь благоприятной почвы для развитія религіозной идеи о Существомъ высочайшемъ, но напротивъ видимъ идею, которая при дальнѣйшемъ ея развитіи скорѣе можетъ привести къ совершенному отрицанію религіи. Освобожденное отъ чувственной оболочки эмпирическое представленіе о безконечномъ прямо ведетъ къ представленію безконечности вселенной по пространству и времени, а въ вопросѣ о генезисѣ міра—къ безконечному ряду причинъ (*progressus in infinitum*); въ этомъ безконечномъ не найдется мѣста никакому другому безконечному и безусловному Существомъ, и мы придемъ къ чистому матеріализму и атеизму. Это всегда смутно чувствовало религіозное сознаніе, и потому на первыхъ порахъ своего развитія, пока не достигло до истиннаго понятія о безконечномъ духовномъ существѣ, старалось по возможности даже удалять въ своемъ сознаніи понятіе о безконечномъ, представляя не только міръ, но и самихъ боговъ конкретно-ограниченными. Въ болѣе развитыхъ религіяхъ безконечное оставалось только какъ нѣкоторый темный и таинственный фонъ, на которомъ рисовались свѣтлые образы боговъ и міровыхъ явленій, и который никогда самъ не превращался въ образъ какого либо живаго и конкретнаго божества; только въ сознаніи позднѣйшихъ религіозныхъ философовъ этотъ фонъ слился съ пантеистическимъ началомъ бытія, имѣвшимъ значеніе лишь для философской мысли (Брама Ишвара Индусовъ, Ам-

мунъ Египтянъ, Зеруане—Акерене Персовъ и проч.), но не для живаго религіознаго культа.

Итакъ, понятіе о безконечномъ не можетъ служить первоначальнымъ источникомъ религіозной идеи, хотя оно несомнѣнно входитъ, какъ существенный элементъ, въ эту идею,—элементъ мало по-малу выступающій въ религіозномъ сознаніи при дальнѣйшемъ развитіи дѣйствительно первоначальной и коренной религіозной идеи существа всесовершеннаго; ибо *абсолютно* совершенное не иначе можетъ быть мыслимо какъ *безконечно* совершеннымъ и по бытію и по свойствамъ. Но какъ одна изъ составныхъ элементовъ идеи о Богѣ—идея безконечнаго, конечно, не можетъ образоваться въ насъ какимъ либо инымъ путемъ, отличнымъ отъ того, какимъ образуется въ насъ вообще идея о Богѣ,—менѣе всего тѣмъ эмпирическимъ путемъ, на который указываетъ М. Мюллеръ.

Мы указали коренную причину несостоятельности теоріи М. Мюллера въ его неправильномъ опредѣленіи сущности религіи, какъ понятія о безконечномъ. Что могло привести его къ такому одностороннему воззрѣнію? По нашему мнѣнію, едва-ли не главною виною тому служитъ его чисто сенсуалистическая теорія познанія. Его основное положеніе *nihil est in fide, quod non ante fuerit in sensu* ¹⁾ есть простой перифразъ извѣстной сенсуалистической формулы. Внѣшній міръ и пять внѣшнихъ чувствъ,—вотъ первоначальный источникъ всѣхъ нашихъ религіозныхъ понятій. Все, что считаютъ привзошедшимъ въ религію другою дверью кромѣ внѣшнихъ чувствъ, будетъ ли то апріорное содержаніе духа или непосредственныя внутреннія созерцанія,—все это, по выраженію М. Мюллера, „мысленная контрабанда“ ²⁾. При такомъ гносеологическомъ воззрѣніи естественно было ожидать, что отыскивая въ числѣ предикатовъ, которыми религіозное сознаніе опредѣляло божество, коренной и основной, онъ остановилъ свой выборъ именно на такомъ предикатѣ, который всего удобнѣе подходилъ-бы къ его теоріи познанія, всего болѣе

¹⁾ Vorlesungen. p. 250.

²⁾ Vorlesungen. p. 252. 253.

напоминалъ чувственныя свойства вещей, ибо только чувственное можетъ быть познаваемо при помощи чувствъ. Для такой цѣли наиболѣе удобнымъ и побазался ему предикать безконечности, такъ какъ въ чувственномъ бытіи онъ могъ найти если и не безконечное, то нѣчто подходящее къ нему и напоминающее его. Вотъ, вѣжется, истинный психологическій генезисъ его теоріи происхожденія религіозной идеи.

Говорить о несостоятельности сенсуалистической теоріи познанія, раздѣляемой М. Мюллеромъ, въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды ¹⁾. Ограничимся замѣчаніемъ, что между чувственнымъ безконечнымъ (или какъ осторожно выражается онъ: „еще не конечнымъ“) ²⁾ и истинно-безконечнымъ религіи и философіи, есть существенное различіе. Самъ М. Мюллеръ хорошо сознаетъ это различіе, когда прямо утверждаетъ, что религіозная идея безконечнаго имѣетъ положительный характеръ, не есть простое отрицательное понятіе образовавшееся чрезъ приложеніе частицы *не* въ выраженію: *конечный*. Но его эмпирическое безконечное не есть-ли именно такое отрицательное понятіе, представленіе о томъ, что данный на опытѣ предметъ еще не имѣетъ конца для нашего зрѣнія? Но отъ такого безконечнаго, или точнѣе,—неопредѣленнаго, не можетъ быть перехода къ подлинно безконечному; неопредѣленное есть продолженное конечное; безконечное есть противоположность конечнаго; о такомъ безконечномъ не можетъ дать понятіе конечнаго ³⁾.

Укажемъ еще на одно странное противорѣчіе въ гносеологической теоріи М. Мюллера. Единственнымъ источникомъ познанія о бытіи реальнаго онъ считаетъ вѣдѣніи опытъ. Но въ то же время, какъ мы видѣли, онъ допускаетъ

¹⁾ Объ этой теоріи, въ частности о невозможности вывести понятіе безконечности путемъ опыта, мы говорили въ нашемъ анализѣ рациональнаго познанія.

²⁾ „Noch—nicht—Endliche.“ Vorles. 42 и др.

³⁾ Самое представленіе конечнаго, ограниченнаго (то есть опредѣляемаго другимъ), какъ справедливо замѣчаетъ Ульрици, невозможно безъ одновременнаго, хотя-бы то совершенно неяснаго представленія другого, посредствомъ котораго оно ограничивается. Если-бы это ограничивающее или опредѣляющее въ свою очередь было ограниченнымъ, то оно опять предполагало-бы другое ограничивающее, безъ котораго оно было-бы немислимо. Но *последнее* ограни-

особую духовную способность, благодаря которой мы можем познавать бесконечное,—способность независимую отъ чувства и отъ разсудка, даже противоположную тому и другому. Но для чего нужна эта способность, и въ чемъ состоитъ ея задача, если бесконечное мы можемъ познавать при помощи чувствъ, даже болѣе,—если мы не можемъ познавать ничего реального иначе, какъ путемъ вѣшняго опыта? Если задачу этой способности будемъ понимать такъ, что опытъ даетъ лишь первоначальное представленіе о бесконечномъ, а означенная способность превращаетъ это представленіе въ понятіе о дѣйствительно бесконечномъ, то она ничѣмъ не отличается отъ разсудка, который и по мнѣнію Мюллера имѣетъ назначеніе представленія, путемъ абстракціи, преобразовывать въ понятія. Вообще роль особой способности къ познанію бесконечнаго у М. Мюллера остается совершенно загадочною и мы едва-ли ошибемся, если увидимъ въ ней нѣкоторый слабый и ни къ чему непригодный отзвукъ первоначальнаго вліянія на него Шлейермахера,—вліянія, на которое указываютъ и названія этой способности „вѣрою“ и „чувствомъ“.

2. Главный недостатокъ разсматриваемой нами до сихъ поръ теоріи происхожденія религіозной идеи, принадлежащей М. Мюллеру, состоитъ въ ея грубо-эмпирическомъ характерѣ,—и этотъ недостатокъ ея одинаково выдается, будемъ-ли мы смотрѣть на нее съ объективной или съ субъективной стороны. Что касается до объекта этой идеи,—„бесконечнаго“, то хотя М. Мюллеръ и утверждаетъ за нимъ положительный, сверхчувственный характеръ, отождествляя понятіе о немъ съ понятіемъ о Богѣ, но въ развитіи своей теоріи онъ, какъ мы видѣли, сильно склоняется къ тому, чтобы по-

чивающее,—ограничивающее чисто какъ таковое, необходимо есть вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченное *ни чѣмъ инымъ*, но само полагающее и условливающее всякаго рода границы,—истинно (положительно) бесконечное. Коротко, представленіе конечнаго, какъ таковаго, невозможно безъ предположенія отличнаго отъ него бесконечнаго; оно включаетъ (*involwirt*) представленіе бесконечнаго безразличнаго и независимо отъ того, представляется-ли оно (то есть доходитъ-ли до сознанія) вмѣстѣ съ нимъ, или нѣтъ. *Leib und Seele*. v. H. Ulrici. 1866. 699.

нимать свое безконечное, какъ эмпирическое, чувственное безконечное, въ сущности не имѣющее ничего общаго съ идеею о Богѣ, какъ личномъ, всесовершенномъ Существомъ. Что касается до субъективнаго способа усвоенія этой идеи нашимъ сознаниемъ, то мы видѣли, что, признавая на словахъ особую духовную способность къ воспріятію безконечнаго, на дѣлѣ онъ впадаетъ въ самый грубый эмпиризмъ, допуская возможность познанія безконечнаго путемъ внѣшнихъ чувствъ.

Но даже исходя изъ той-же общей точки зрѣнія, изъ которой исходитъ теорія М. Мюллера,—именно, что идея о Богѣ возникаетъ въ насъ путемъ дѣйствія на нашъ духъ окружающей насъ природы, въ какой мѣрѣ выражается въ ней абсолютное начало бытія, можно придать этому воззрѣнію болѣе идеальный и болѣе согласный съ характеромъ этой идеи оттѣнокъ. Этотъ оттѣнокъ мы и находимъ въ столь распространенной не только въ философскомъ, но и богословскомъ мірѣ, теоріи Шлейермахера.

И у Шлейермахера, также какъ и М. Мюллера, идея о Богѣ возникаетъ въ нашемъ духѣ вслѣдствіе дѣйствія на насъ безконечнаго. Но это безконечное дѣйствуетъ на насъ не черезъ какія-либо конкретныя, напоминающія только безконечное, явленія природы, въ родѣ напр., безбрежнаго океана, или бездоннаго небснаго свода и т. п. Оно воздѣйствуетъ на насъ всею совокупностію и всецѣлостію явленій окружающей насъ вселенной, пробуждая въ насъ чувство полной и всецѣлой зависимости нашей отъ абсолютнаго. Правда, и всякое конкретное явленіе, уже потому самому, что дѣйствуетъ на наше чувство, на страдательную сторону нашего существа, можетъ пробуждать въ насъ сознание нашей зависимости отъ окружающаго насъ бытія, такъ что въ известномъ смыслѣ можно сказать, что нѣтъ ни одного чувствованія, которое не было-бы религіознымъ. Но истинно и вполне религіознымъ оно становится тогда, когда человекъ чувствуетъ себя зависимымъ не отъ того или другаго предмета въ частности, но отъ всецѣлости окружающаго насъ бытія. Чувство религіозное есть соприкосновеніе жизни все-

общей съ единичною, святое сочетаніе вселенной съ индивидуальностію. Повсюду единичное созерцать въ цѣломъ, ничто единичное не разсматривать какъ единичное, созерцать міръ какъ вселенную, какъ чудное и великое единство, какъ вѣчное художественное произведеніе, смотрѣть на нашу жизнь и на наше бытіе, какъ на жизнь въ Богѣ и чрезъ Бога,— вотъ въ чемъ состоитъ религія. „Каждое чувство въ той мѣрѣ становится для насъ религіознымъ, въ какой дѣйствуетъ на насъ и производитъ впечатлѣніе не что-либо единичное, какъ таковое, но въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ цѣлое, какъ откровеніе божества, и такимъ образомъ входитъ въ нашу жизнь не единичное и конечное, но Богъ, въ которомъ одномъ отдѣльное есть единое и все“ ¹⁾.

Имѣя въ виду объясненіе происхожденія въ насъ идеи о Богѣ, мы не станемъ входить здѣсь въ обсужденіе субъективной стороны въ теоріи Шлейермахера,—именно, дѣйствительно-ли *чувствомъ* всецѣлой зависимости исчерпывается все содержаніе религіи ²⁾. Для насъ важенъ лишь вопросъ: можетъ-ли всецѣлое воздѣйствіе на насъ окружающей насъ природы служить первоначальнымъ источникомъ идеи о Богѣ?

Прежде всего, читая вышеприведенное изображеніе религіознаго чувства зависимости 'отъ всецѣлаго, невольно приходишь къ сомнѣнію, можетъ-ли быть такое чувство *всеобщимъ* источникомъ религіозной идеи, возможно-ли даже оно на тѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія, на которыхъ однако-же несомнѣнно мы находимъ существованіе религіозныхъ представленій? На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Человѣкъ неразвитый если и можетъ понять свою зависимость отъ природы, то не иначе, какъ въ видѣ зависимости отъ какого-либо отдѣльнаго конкретнаго явленія природы, особенно давашаго ему почувствовать его совершенную беспомощность и безсиліе въ борьбѣ съ природою; такова напр. буря, землетрясеніе и т. п. Но такое чувство зависи-

¹⁾ Reden üb. d. Religion. 1843. 2 Rede. 254. и др.

²⁾ Это сдѣлано нами въ разборѣ Шлейермахерова ученія о религіи, въ книгѣ: „Религія, ея сущность и происхожденіе“. 1871. 143 и слѣд.

мости, какого требуетъ отъ религіи Шлейермахеръ,—абсолютная зависимость человѣка отъ вселенной, самое понятіе о вселенной, какъ всецѣломъ и пр.,—все это такія абстрактныя понятія, которыя могли выработаться лишь путемъ продолжительнаго умственнаго развитія и суть дѣло никакъ не непосредственнаго чувства, а философскаго міросозерцанія. Такого рода понятія, конечно, могутъ пробудить въ человѣкѣ извѣстнаго рода религіозное чувство, но всеобщимъ источникомъ религіи быть не могутъ. Религія, основанная на такомъ чувствѣ, могла-бы быть религіею незначительнаго кружка философовъ, а не обыкновенныхъ смертныхъ.

Конечно послѣдователи Шлейермахера могутъ сказать, что говоря о чувствѣ всецѣлой зависимости отъ окружающаго насъ бытія, онъ имѣлъ въ виду религію въ ея идеальной формѣ, въ сознательно развитомъ видѣ. Первоначально и исторически религіозная идея могла быть возбуждаема и фактами частной, сознаваемой человѣкомъ зависимости отъ того или другаго явленія природы, пока человѣкъ не дошелъ до понятія о вселенной, какъ совокупности и единствѣ всѣхъ явленій природы. Не говоримъ о томъ, что допускающіе такое объясненіе становятся въ противорѣчіе съ тою характеристическою чертою въ ученіи о религіи Шлейермахера, что онъ подлинно религіознымъ считаетъ именно чувство *всецѣлой* зависимости отъ вселенной и тѣмъ отличаетъ его отъ всякаго другаго рода чувствованій, которыя если и могутъ быть названы религіозными, то въ смыслѣ не собственномъ. Такое чувство частной зависимости не можетъ вести нигуда дальше, кромѣ простаго понятія о зависимости. Дальнѣйшимъ практическимъ результатомъ его можетъ быть желаніе освободиться отъ этой зависимости; а если это невозможно,—признать ее какъ фактъ даннаго и естественнаго отношенія къ тому или иному явленію природы. Никакого основанія къ возникновенію религіозной идеи мы здѣсь не видимъ.

Дѣйствительно, ни въ частномъ, ни во всецѣломъ чувствѣ зависимости нашей отъ окружающаго насъ бытія, мы не находимъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы это чувство могло когда нибудь стать религіознымъ, то-есть, по выраже-

нію Шлейермахера, такимъ, которое сопровождалось-бы сознаниемъ, что „отъ чего“ нашей зависимости, предметъ, отъ котораго мы чувствуемъ себя зависящими, есть Богъ. Можно чувствовать себя абсолютно зависимымъ и въ то-же время представлять это—„отъ чего“ мы зависимъ, неизбежною судьбою или рокомъ, можно представлять его даже случаемъ; вѣдь и по отношенію къ судьбѣ, къ случаю, правящими міромъ, можно чувствовать и свое ничтожество и свою полнѣйшую зависимость; можно, слѣдовательно, испытывать религіозныя чувства. Такого рода мнимо-религіозное чувство далѣе можетъ составлять принадлежность грубѣйшаго матеріализма, столько-же какъ и самой совершенной религіи. И матеріалистъ, какъ показываетъ опытъ современнаго матеріализма, можетъ съ неподдѣльнымъ паэосомъ говорить о неизмѣнныхъ законахъ природы, о гармоніи и единствѣ въ ихъ разнообразіи, можетъ ощущать чувство полнѣйшей зависимости отъ этихъ законовъ, проповѣдывать преданность и подчиненіе имъ,—но будетъ-ли это чувство религіознымъ? По духу своего ученія Шлейермахеръ необходимо долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно; онъ долженъ признать „религію матеріализма“, о которой и говорятъ нѣкоторые матеріалисты, какъ нѣчто дѣйствительно существующее и по содержанию полноправное на ряду съ другими религіями; но этимъ признаніемъ совершенно исказится всякое понятіе о религіи, какъ о чемъ-то отличномъ отъ философскаго міросозерцанія. Ибо можетъ-ли быть религіею или источникомъ религіи то чувство, которое одинаково можетъ сопровождать какъ религіозныя, такъ и антирелигіозныя представленія?

Даже можемъ сказать болѣе,—чувство абсолютной зависимости отъ окружающаго насъ бытія всего естественнѣе должно произвести не религіозную идею, а отрицаніе ея. Чувство полной и всецѣлой зависимости нашей отъ природы можетъ привести насъ только къ сознанію полной нашей беспомощности, въ чувствѣ даже озлобленія и ожесточенія противъ окружающаго насъ порядка вещей, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ себя ничтожною и безсильною пылинкою въ области міроздавія. Такое чувство можетъ скорѣе

служить источникомъ фатализма и мрачнаго пессимизма, чѣмъ религіи ¹⁾). Если-же это чувство не доходить до такой, послѣдовательной впрочемъ, крайности, то виною тому существующая въ насъ идея о Богѣ, какъ премудромъ и благомъ Творцѣ міра. Эта-то идея и полагаетъ границы тому безутѣшному чувству абсолютной зависимости, которое дѣйствительно могло-бы возникнуть при одномъ созерцаніи природы, указывая намъ на высочайшее Существо, которое выше законовъ природы и господствуетъ надъ ними, а потому и можетъ освободить насъ отъ ихъ неумолимаго господства. Дѣйствительно, всматриваясь въ религіозныя вѣрованія всѣхъ народовъ, не исключая самыхъ неразвитыхъ, замѣчаемъ, что религія состоитъ не въ одномъ только теоретическомъ, такъ сказать, признаніи высшаго Существа, отъ котораго человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ, но и въ живомъ практическомъ отношеніи къ нему, которое выражается въ молитвенномъ обращеніи къ нему, въ жертвахъ и различныхъ обрядахъ, въ томъ, что мы вообще называемъ

¹⁾ Это, повидимому, чувствуетъ и самъ Шлейермахеръ, когда говоря о религіозномъ созерцаніи природы, замѣчаетъ, что это созерцаніе возбуждается не столько гнетущими человѣка явленіями природы, не столько поражающими мысль массами, сколько вѣчными законами природы. „Устремите болѣе возвышенный взоръ на природу, посмотрите какъ ея законы все равномерно объемлютъ—величайшее точно также какъ и сама малѣйшее, міровыя системы, точно также какъ и пылинки въ воздухѣ, и тогда скажите, не ощущаете-ли вы внутри себя божественное единство и вѣчную неизмѣнность міра?“... „Въ томъ, конечно, и состоитъ зерно всѣхъ религіозныхъ чувствъ, чтобы такъ чувствовать свое полное единство и нераздѣльность съ природою, чтобы во всѣхъ измѣнчивыхъ явленіяхъ жизни, даже между самою жизнію и смертію съ сочувствіемъ и спокойствіемъ ожидать только выполненія этихъ вѣчныхъ законовъ“ (Reden üb. Relig. 2 Rede). Не говоримъ о томъ, что этотъ „болѣе возвышенный взоръ на природу“, это чувство міровой законосообразности, есть еще болѣе абстрактное понятіе, чѣмъ чувство всецѣлой зависимости отъ природы и поэтому не можетъ быть первоначальнымъ источникомъ идеи о Богѣ. Оно можетъ привести только, какъ выражается Шлейермахеръ, къ мысли „о единствѣ и вѣчной неизмѣнности міра“. Но чтобы сказать вмѣстѣ съ нимъ, что это единство есть „божественное“, мы должны предположить уже независимое существованіе въ насъ идеи о Богѣ, которой вовсе не даетъ еще простое понятіе законосообразности. Единство, неизмѣнность, законосообразность міра признаютъ и материалисты и атеисты, но они вовсе не находятъ нужнымъ прилагать здѣсь предикаты божественности.

культу. Какой дѣйствительный смыслъ этого культа, безъ котораго невозможна и религія? Онъ состоитъ въ убѣжденіи, что Божество есть именно существо стоящее выше природы и властвующее надъ нею, что оно можетъ поэтому оказать человѣку помощь въ его бѣдствіяхъ, можетъ по своей волѣ предотвратить и измѣнить дѣйствіе естественныхъ законовъ природы, спасти напр. человѣка отъ болѣзни и смерти, прекратить моровую язву, ниспослать плодотворный дождь и т. п. Итакъ въ религіи выражается коренное убѣжденіе человѣка, что его зависимость отъ окружающаго его міра вовсе не есть абсолютная, что есть существо, стоящее выше природы и способное освободить его отъ рабской зависимости отъ нея. Отсюда видно, что религія не только не тождественна съ чувствомъ абсолютной зависимости отъ „всецѣлаго“, но скорѣе есть освобожденіе человѣка отъ нея; она возникаетъ изъ глубочайшаго вѣрованія, что такая зависимость есть далеко не абсолютная, но имѣетъ свой предѣлъ въ волѣ высочайшаго Существа. Но если-бы мы даже и признали вѣрнымъ шлейермахеровское опредѣленіе религіи, какъ чувство абсолютной зависимости, то это чувство могло-бы относиться никакъ не къ окружающему насъ бытію, но только къ господствующему надъ этимъ бытіемъ и отличному отъ него Существу. Но таковаго рода чувство само по себѣ не можетъ быть первоначальнымъ источникомъ религіи, такъ само оно уже предполагаетъ предварительное существованіе въ насъ понятія о Богѣ. Зависимость не есть какого либо особаго рода чувство или психологическій аффектъ, возбуждаемый въ насъ непосредственнымъ дѣйствіемъ какого либо объекта; оно скорѣе есть теоретическое понятіе. Чувствовать себя зависимымъ отъ чего-либо значитъ имѣть опредѣленное понятіе объ известномъ предметѣ и о нашемъ отношеніи къ нему. Поэтому и въ религіи чувство абсолютной зависимости можетъ возникнуть не иначе, какъ вслѣдствіе предварительнаго знанія о Богѣ, какъ Существѣ всемогущемъ и виновникѣ міра. Это чувство есть отраженіе на наше сердце существующихъ религіозныхъ представленій, а не источникъ ихъ.

Изъ сказаннаго нами уже можно видѣть, въ чемъ состоитъ коренной недостатокъ теоріи Шлейермахера,—недостатокъ, который имѣетъ опредѣляющее вліяніе на возникновеніе и самаго понятія его о религіи, какъ чувствѣ абсолютной зависимости. Онъ состоитъ въ его ложномъ, пантеистическомъ понятіи о Богѣ. Божество, въ его „Рѣчахъ о религіи“, есть не что иное, какъ такое единство міра, которое объемлетъ подъ собою множественность и которое, хотя и возвышается надъ каждымъ единичнымъ существомъ, но не надъ всѣми ими въ совокупности, такъ какъ оно именно состоитъ во всецѣлости всѣхъ единичныхъ существъ. Поэтому у Шлейермахера выраженія: „Богъ“, „мировой духъ“ (Weltgeist), „мировое цѣлое“ (Weltall) употребляются безразлично. Въ слѣдствіе такого пантеистическаго представленія о Богѣ, совершенно послѣдовательно возникли двѣ характеристическія черты его теоріи религіи: 1) отождествленіе дѣйствія Божества на нашъ духъ съ дѣйствіемъ на насъ природы въ совокупности ея явленій; 2) пониманіе религіознаго чувства, какъ чувства абсолютной отъ нея зависимости. Первое,—составляетъ естественный результатъ пантеистическаго воззрѣнія не допускающаго существованія Бога внѣ міра и отдѣльно отъ міра; второе,—есть единственно возможное выраженіе религіознаго отношенія въ абсолютному въ пантеистическомъ міросозерцаніи. Если нѣтъ отдѣльнаго отъ міра личнаго Бога, если міръ есть единственное и при томъ всецѣлое и вполне адекватное проявленіе его, то очевидно, что и возбуждающее въ насъ идею божества дѣйствіе его на нашъ духъ можетъ быть не инымъ чѣмъ либо, какъ воздѣйствіемъ на насъ окружающаго насъ мирового бытія; богосознаніе тождественно съ міросознаніемъ; сознавая міръ какъ цѣлое, мы получаемъ вмѣстѣ и идею Божества, нераздѣльнаго отъ этого цѣлага. Что касается до того чувства, какое можетъ возбудить въ насъ это сознаніе, то очевидно, что единственно возможное здѣсь (правильное) чувство будетъ чувствомъ всецѣлой зависимости. Всякаго другого рода чувствованія, которыя мы встрѣчаемъ въ религіи,—благодарности, любви, благоговѣнія и пр., суть на самомъ дѣлѣ чувства фиветивныя,

основанныя на недоразумѣнїи. Эти чувства вполне естественны по отношенію къ живому, личному сознательному Боже-ству; но они совершенно не возможны по отношенію къ безличному, развивавшемуся по необходимымъ законамъ абсолютному. Если и самъ человѣкъ есть только ничтожный преходящій моментъ въ этомъ развитіи, то единственно правильнымъ чувствомъ, возбуждаемымъ сознаниемъ его отношенія къ абсолютному, и будетъ чувство этого ничтожества и той абсолютной зависимости, о которой говоритъ Шлейермахеръ.

Правда, въ послѣдствіи Шлейермахеръ самъ почувствовалъ указанный нами коренной недостатокъ своей теоріи религіи. Объяснивъ пантеистическія фразы въ своихъ „Рѣчахъ о религіи“ простою неточностію выраженій ¹⁾, онъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ ²⁾ старается какъ отличить религіозное чувство отъ чувства простой зависимости отъ природы, такъ и сблизить свое понятіе объ абсолютномъ и его отношеніи къ человѣку съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ.

То чувство или сознание единичнымъ существомъ своей зависимости отъ природы, которое въ „Рѣчахъ о религіи“ составляетъ сущность религіи, въ его „Догматикѣ“ является только почвою ея, первоначальнымъ психологическимъ источникомъ, низшею ступеню ея, но само по себѣ оно не есть еще истинно религіозное чувство. Религіознымъ оно становится тогда, когда къ этому сознанию присоединяется вопросъ: *откуда* происходитъ наша полная зависимость и условливаемость внѣ насъ находящимся бытіемъ и это *откуда* обозначается выраженіемъ: *Богъ*. Это *откуда* не можетъ быть предметомъ конечнымъ, потому что въ отношеніи къ такому предмету въ насъ всегда остается чувство свободы, возможность дѣйствовать на него; и такъ по отношенію къ конечному мы не можемъ чувствовать себя безусловно и вполне зависимыми. Не можетъ быть также это „откуда“ міромъ, въ смыслѣ совокупности всего конечнаго бытія; и такая совокупность не

¹⁾ См. 2-е его примѣч. къ „Рѣчамъ о религіи“, по изд. 1843.

²⁾ Christ. Glaube. 1861. Einleit., §§. 3—15, Dialektik. § 21 et sq.

можетъ произвести въ насъ чувства полной зависимости потому, что міръ, хотя мы станемъ разсматривать его какъ единство, есть однакоже раздѣленное и раздробленное единство, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть совокупность всѣхъ противоположностей и всего многообразнаго, — совокупность, часть которой составляетъ и человѣкъ. По отношенію къ міру мы можемъ чувствовать свое единство съ нимъ только какъ часть съ цѣлымъ, то есть, мы хотя зависимъ отъ всѣхъ другихъ предметовъ, но и наоборотъ эти всѣ другіе предметы также зависятъ отъ насъ. Всѣ они въ совокупности дѣйствуютъ на насъ; но въ свою очередь и они испытываютъ отъ насъ вѣдѣніе; здѣсь отношеніе отчасти свободы, отчасти зависимости, слѣдовательно отношеніе взаимодействія. Отсюда видно, что это *откуда*, въ которому относится чувство полной зависимости, не можетъ быть міромъ, какъ совокупностію всего конечнаго, но только Богомъ, отличнымъ отъ міра.

Съ этими замѣчаніями Шлейермахера, составляющими въ сущности критику его прежняго пантеистическаго воззрѣнія, нельзя не согласиться, и мы вправѣ были-бы видѣть здѣсь совершенное отреченіе отъ этого воззрѣнія и поворотъ на новую, вѣрную дорогу для объясненія происхожденія въ насъ идеи о Богѣ, если бы такое отреченіе было дѣйствительнымъ, а не мнимымъ. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь оказывается только замѣна одного оттѣнка пантеизма другимъ, причемъ и это объясненіе оказывается еще болѣе неудачнымъ, чѣмъ прежнее.

Повидимому Шлейермахеръ, вопреки пантеизму, утверждаетъ рѣшительную противоположность между Богомъ и міромъ; но на самомъ дѣлѣ оказывается, что вся противоположность сводится у него къ одной абстрактной противоположности между множественностію и единствомъ; міръ есть не что иное, какъ совокупность противоположностей, — божество — отрицаніе ихъ (т. е. міра). Обѣ стороны: единство и состоящій изъ противоположностей міръ необходимо условливаютъ другъ друга, имманентны другъ другу, взаимно привлекаютъ себя и отталкиваютъ какъ полюсы, которые не могутъ быть одинъ

безъ другаго и которые связываетъ другъ съ другомъ неразрывными узами самая ихъ противоположность. Божество,—отрицаніе противоположностей, поэтому, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ трансцендентальное *предположеніе* или условіе, ихъ исходная точка и конечная цѣль. Такое понятіе о Богѣ, какъ о чистомъ единствѣ и отрицаніи распавшагося въ противоположности и многообразіи міра, Шлейермахеръ выдерживаетъ съ полною послѣдовательностію. Богу не можетъ быть приложенъ никакой предикатъ, въ которомъ выражалось-бы какое-либо свойство или качество, могущее приличествовать міру многообразія, будетъ-ли то физическая или духовная сторона его. Такъ къ нему нельзя приложить понятій: сознанія, личности, духовности, да и вообще понятія опредѣляемости какимъ-либо свойствомъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ былъ-бы вовлеченъ въ одну изъ сторонъ міровой противоположности,—міръ духовный не былъ-бы, слѣдовательно, отрицаніемъ міра. Такъ какъ Божество есть чистое отрицаніе всего множественнаго и противоположнаго, то о немъ не можетъ быть высказано ничего положительнаго; всѣ философскія опредѣленія его не адекватны, потому что всѣ они положительны. Богъ, говоря въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть объектомъ для знанія, такъ какъ онъ не есть какой-либо опредѣленный предметъ. Онъ есть только предположеніе, условіе всякаго знанія, потому что знаніе возможно только при предположеніи пункта единства, въ которомъ оба: субъектъ и объектъ знанія суть одно, чрезъ что становится возможнымъ ихъ взаимное отношеніе. Какого рода можетъ быть отношеніе между божествомъ, такъ понимаемымъ, и міромъ — ясно само собою. Между ними, по мнѣнію Шлейермахера, нѣтъ никакаго другаго взаимно-отношенія кромѣ совмѣстно-существованія (*Zusammen-seyn*); Богъ и міръ—понятія коррелятивныя; тождественными они быть не могутъ, потому что Богъ есть отрицаніе міра; но въ то-же время *одно* не можетъ быть безъ *другаго*, поелику одно есть обратная сторона другаго. Богъ есть имманентная міру отрицательность (*Negativität*) его, единство при множественности, какъ міръ есть множественность при единствѣ, Богъ

не мыслимъ безъ міра, и если его мыслятъ существующимъ какъ-бы *предъ* міромъ, то это пустая фантазма ¹⁾.

Такое понятіе о Богѣ ясно показывается, что видоизмѣненіе ученія Шлейермахера касается не самой сущности дѣла, а только формы его пантеистическаго воззрѣнія. Но и при этой формѣ происхожденіе въ насъ религіозной идеи еще менѣе можетъ быть объяснено, чѣмъ при прежней. Всю сущность религіи, какъ извѣстно, Шлейермахеръ сводитъ къ чувству безусловной зависимости отъ абсолютнаго,—здѣсь конечно называемаго божествомъ, въ противоположность міру. Возникновеніе такого чувства еще вѣроятно, когда дѣйствіе абсолютнаго будемъ понимать какъ идеальное дѣйствіе окружающаго насъ всецѣлаго бытія; оно можетъ быть результатомъ сознанія подавляющаго величія вселенной вмѣстѣ съ чувствомъ собственнаго ничтожества. Но какое чувство можетъ возбудить въ насъ отвлеченное единство и отрицаніе множественности, нѣчто не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ предикатовъ и чему Шлейермахеръ даетъ названіе божества? Это абстрактное единство останется простымъ теоретическимъ понятіемъ и не пробудитъ ничего въ нашей душѣ. Оно еще менѣе можетъ превратиться въ религіозную идею личнаго, живаго, всесовершеннаго Бога, чѣмъ прежде, тождественное съ міромъ, абсолютное.

В. Нудрявцевъ

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Schwarz, Wesen d. Religion. 11, 96, 97.

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

въ

ПСИХОЛОГИИ.

(Окончаніе *).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

99. Логическій характеръ фізіологическаго метода въ психологiи. 100. Шопенгауэрова характеристика объективнаго метода матеріалистовъ. 101. Отрицательный результатъ и положительная задача.

99. Все это противорѣчіе и вся эта путаница происходитъ отъ того, что въ самомъ фізіологическомъ методѢ лежитъ нѣкоторое совершенно противологическое „кувыкарнѣ“, очевидцами котораго мы были въ предшествовавшемъ изложеніи. Въ самомъ дѣлѢ, въ чемъ состоитъ логическій характеръ фізіологическаго метода, если мы станемъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія фізіологическаго ученія о познаніи, т. е. съ точки зрѣнія фізіологiи органовъ чувствъ? Въ томъ, что фізіологическій методъ въ психологiи совершенно логически-нелѣпо претендуетъ слѣдствіе извѣстной причины представить въ качествѢ причины этой причины. Чтобы выяснитъ это, возьмемъ самый простой примѣръ и вмѣстѢ основной „фактъ“ фізіологической психологiи. Говорятъ: „всѢ психическія явленія сводятся въ концѢ концовъ къ одному начальному элементу, именно, ощущенію“¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 20.

¹⁾ Бони, Новая основы фізіологiи чловѣка, II, стр. 846.

Но *ощущеніе* есть *продуктъ* мозга. Если это дѣйствительно такъ, то *мозгъ* есть *причина*, *ощущеніе* есть *слѣдствіе*. Запомнимъ это. Однако мозгъ намъ извѣстенъ только посредствомъ ощущенія, *чрезъ* ощущенія, такъ что мы знаемъ въ немъ *только* *ощущаемыя* качества, и ничего болѣе. Но ощущаемыя качества суть *продуктъ* ощущенія. Здѣсь ощущеніе есть *причина* или условіе, а ощущаемыя качества суть *слѣдствіе*. Совокупность ощущаемыхъ качествъ есть познаваемый нами черезъ ощущеніе мозгъ. Значитъ мозгъ, какъ феноменъ ощущенія, во всѣхъ своихъ качествахъ есть *слѣдствіе* ощущенія. Теперь, когда говорятъ, что мозгъ есть причина ощущенія, то очевидно утверждаютъ не что-либо иное, какъ то, что *слѣдствіе* ощущенія, т. е. *совокупность ощущаемыхъ качествъ* мозга, *есть причина* ощущенія. Выходитъ, что, съ одной стороны, мозгъ есть причина ощущенія, а съ другой, что ощущеніе есть причина или условіе всѣхъ качествъ мозга, т. е. самого мозга. Получается положеніе, что *слѣдствіе известной причины* *есть ея причина*. Что можетъ быть нелѣпѣе этого „кувырканія“, даже не въ переносномъ, а въ собственномъ смыслѣ, въ которомъ мысль становится не только вверхъ ногами, но и задомъ напередъ! Это похоже на то, какъ если-бы физикъ попытался тѣнь, бросаемую тѣломъ, считать причиною свѣта и тѣла, затемняющаго этотъ свѣтъ. Такимъ образомъ, въ основѣ физиологическаго метода, употребляемаго для изъясненія психическихъ явленій въ качествахъ функціи мозга, лежитъ нелѣпое противорѣчіе. Можетъ ли быть создана хотя какая-нибудь наука такимъ методомъ? Вотъ почему, объявляя, что ощущеніе есть продуктъ мозга, что мысль есть движеніе вещества, что воля есть равнодѣйствующая двухъ рефлексовъ, сознательнаго и безсознательнаго, физиологи тѣмъ не менѣе заявляютъ, что превращенія мозговаго процесса въ ощущеніе никто пока не знаетъ. Теперь мы видимъ, что этого не только никто не знаетъ, но и узнать никто никогда не можетъ, ибо нельзя знать, какимъ образомъ можетъ произойти фактъ, никогда не могущій произойти, именно, чтобы обусловленное явилось условіемъ своего собственнаго условія. Пытаться рѣшить такую проблемну, или признать ее „тайной на вѣки“ (какъ

Съченовъ, Льюисъ, Грингеръ, Дю-Буа-Реймонъ), это значитъ пытаться найти, или признать тайной, какъ происходитъ четырехъугольный кругъ. Тутъ, очевидно, двѣ нелѣпости: нелѣпость самый искомый и тайный фактъ и нелѣпость его исканіе и таинственность. И вѣдь вотъ что замѣчательно: этотъ нелѣпый характеръ объективнаго метода давно уже указанъ Шопенгауэромъ!

100. „Самымъ послѣдовательнымъ и способнымъ къ далекому развитію является объективный приѣмъ, когда выступаетъ чистымъ матеріализмомъ“, говоритъ Шопенгауэръ. „Послѣдній (т. е. матеріализмъ) полагаетъ матерію, а съ нею время и пространство—какъ несомнѣнно существующее, и перепрыгиваетъ чрезъ отношеніе къ субъекту, въ которомъ единственно все это и заключается. Далѣе онъ беретъ за путеводную нить законъ причинности, принимая его, при руководствѣ, за самъ по себѣ существующій неизмѣнный порядокъ вещей, *veritas aeterna*; слѣдовательно, перепрыгивая черезъ умъ (разсудокъ), въ которомъ и для котораго единственно существуетъ причинность. Затѣмъ онъ старается найти первобытное, простѣйшее состояніе матеріи и развитъ изъ него всѣ послѣдующія, восходя отъ простаго механизма къ химизму, къ полярности (магнетизму и электричеству), растительности, животности. Еслибы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалось-бы животная чувствительность, познаніе, которое, такимъ образомъ, явилось-бы простымъ измѣненіемъ матеріи, состояніемъ, къ которому она приведена причинностью. Еслибы мы, такимъ образомъ, слѣдовали за созерцательными представленими матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали-бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣха, увидавши вдругъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ,—познаніе,—уже предполагалось, какъ неизбежное условіе, при первѣйшей исходной точкѣ,—простой матеріи, и хотя мы воображали, что посредствомъ его представляемъ себѣ матерію, но въ сущности обращались только къ представляющему себѣ матерію субъекту, къ видящему ее глазу, осязающей ее рукѣ и познающему уму. Такимъ образомъ неожиданно открылась-бы гро-

мадная *petitio principii*; ибо вдругъ оказалось-бы послѣднее звено исходною точкой, на которой уже держалось первое, цѣпь превратилась-бы въ кругъ; а *материалистъ уподобился-бы господину Минххаузену*, плавающему верхомъ на лошади въ водѣ, обнявшему ногами лошадь, а самого себя вытаскивающему за перекинувшуюся напередъ собственную косу. Поэтому величайшая нелѣпость материализма состоитъ въ томъ, что онъ исходитъ изъ *объективнаго*, принимаетъ за крайнюю основу объективное, будетъ-ли то матерія *in abstracto*, лишь какъ мыслимая, или уже вступившая въ форму, эмпирически данная, слѣдовательно вещество, примѣрно химическіе элементы съ ближайшими ихъ соединеніями. Все это онъ принимаетъ за абсолютно и само по себѣ существующее, чтобы произвести изъ него органическую природу и наконецъ познающій субъектъ, и такимъ образомъ вполнѣ объяснить оную. Между тѣмъ въ дѣйствительности, все объективное, какъ такое, многообразно обуславливается познающимъ субъектомъ съ формами его познанія и таковыя предполагаетъ, слѣдовательно, съ устраненіемъ субъекта тоже совершенно исчезаетъ¹⁾. Такъ описываетъ „перепрыгиванія“ и „кувырканія“ объективнаго метода Шопенгауэръ. Логическую сторону его онъ характеризуетъ сравненіемъ съ барономъ Минххаузеномъ, поднимающимъ самого себя за волосы на воздухъ²⁾.

¹⁾ Міръ какъ воля и представленіе. 2-е изд. Москва, 1888, стр. 88—84.

²⁾ Любопытно видѣть, какъ одинъ изъ развязнѣйшихъ материалистовъ, именно Бюхнеръ, въ своей статьѣ о Шопенгауэрѣ, пытался было возразить этотъ комплиментъ самому-же Шопенгауэру. Получилась слѣдующая тирада: „Шопенгауэръ, какъ послѣдователь Канта, отличается тѣмъ, что время, пространство и причинность разсматриваетъ, какъ начала апіорическія, т. е. совершенно отдѣльно отъ опыта,—какъ проявленія въ насъ силы субъективнаго познанія, независимо отъ всякаго опыта, такъ что, по удачному замѣчанію Группе, судя поэтому, у него больше духа схоластической философіи, чѣмъ это допустили-бы его приверженцы. Отъ уазанныхъ атрибутовъ нашего ума сущность предметовъ остается независимою, и потому пребываетъ недоступною для нашего разумѣнія; но сущность эта, по Канту, есть предметъ въ себѣ, а по Шопенгауэру, какая-то воля. Такимъ образомъ какъ тотъ, такъ и другой разграничиваютъ міръ идеальный отъ реальнаго (*sic!*) и доказываютъ, что одинъ изъ міровъ доступенъ нашему познанію (должно быть—реальный), между тѣмъ какъ другой остается вѣчно сокрытымъ (это должно быть,—идеальный, по толкованію

101. Можно, конечно, ловить быка прямо за рога. Во-первыхъ, можно утѣшать себя мыслию, что логическое не есть еще истинное, какъ изрекъ профессоръ Свѣченъ, упрекая метафизиковъ въ смѣшеніи этихъ понятій ¹⁾. Однако, нельзя же не признать, что истинное непременно уже и логическое, такъ что истина противорѣчить логикѣ не можетъ, почему и самъ профессоръ теорію своего противника, г. Кавелина, рѣ-

¹⁾ Психол. взгляды, стр. 168, 194—206.

Бюхнера). Но *противорѣчіе*, столь роковое въ разграниченіяхъ Канта, естественно преслѣдуетъ и Шопенгауэра (замѣтите); оба они самымъ безцеремоннымъ образомъ переступаютъ пропасть, которая отдѣляетъ ихъ отъ міра *въ себѣ самомъ*, и поступаютъ въ этомъ случаѣ такъ-же, какъ извѣстный баронъ Мюнххаузенъ, который за свои-же собственные волосы вытащилъ себя изъ болота“. Очевидно, Бюхнеръ хочетъ повторить здѣсь „своими словами“ старое схоластическое возраженіе, направленное противъ ученія о непознаваемости вещей въ себѣ. Онъ хочетъ сказать, что утверждать непознаваемость вещи въ себѣ значитъ уже знать эту вещь, о которой я говорю, что она непознаваема. Допустимъ, что возраженіе это справедливо; допустимъ, что противорѣчіе здѣсь напоминаетъ поднятіе себя за волосы (хотя въ дѣйствительности тутъ нѣтъ никакого сходства). Въ такомъ случаѣ естественно ожидать, что самъ Бюхнеръ воздержится отъ этого тасканья себя за волосы. Но не тутъ-то было. Бюхнеръ не таковой мыслитель, чтобы устрашиться подобнаго упражненія. Упрекнувъ Канта въ роковомъ противорѣчій, заключающемся въ разграниченіи непознаваемаго міра въ себѣ отъ познаваемаго міра явленій, и сравнивъ его съ Мюнххаузенъ, онъ самъ впадаетъ въ указанное противорѣчіе, ибо тотчасъ-же продолжаетъ: „Но если, вопреки этому (?) *невозможно отрицать*, даже съ эмпирической точки зрѣнія, что въ основаніи кантовскаго разграниченія лежатъ *нѣкоторая* доля истины (какимъ, однако, образомъ тутъ можетъ быть только *нѣкоторая* доля?), то Шопенгауэръ, своими странными наименованіями (какъ будто дѣло въ наименованіяхъ!), лишилъ даже и этого преимущества (т. е. *нѣкоторой* доли истины?) упомянутое разграниченіе, и, вообще, скорѣе испортилъ, чѣмъ поправилъ сказанное Кантомъ. Этимъ краткимъ указаніемъ (что-же собственно тутъ указано?) можно будетъ закончить разговоръ о сущности системы Шопенгауэра“. (Весь разговоръ этотъ въ русскомъ переводѣ занимаетъ пять листиковъ въ 16 долю листа малаго формата). Природа и наука, стр. 142—143. Такимъ образомъ дѣло закончилось признаніемъ *нѣкоторой* доли истины за противорѣчивымъ разграниченіемъ Канта, которому слѣдовалъ Шопенгауэръ, и противъ котораго была сдѣлана попытка возразить что-то такое очень сильное. Пронзшло это отъ того, что съ одной стороны нужно было допустить познаваемость матеріи, а съ другой—независимость ея отъ сознанія. Поскольку она есть познаваемый объектъ она не есть вещь въ себѣ, а только чувственный феноменъ, обусловленный познающимъ субъектомъ. Поскольку-же она независима отъ познающаго субъекта, она должна быть вещью въ себѣ, ноуменомъ. Вотъ почему всѣ материалисты обыкновенно, съ одной стороны, считаютъ матерію

шилъ подвергнуть „только“ логическому разбору, впрочемъ неудачному ¹⁾. Значитъ, фізіологическій методъ не можетъ имѣть антилогическаго характера ни въ какомъ случаѣ. Во вторыхъ, можно, по примѣру новокантианцевъ, считать противорѣчіе между фізіологіею мозга и органовъ чувствъ антиноміей ²⁾, въ которую разумъ нашъ впадаетъ по своей природѣ, слѣдовательно, неизбежно. Но это очень дешевый выходъ изъ

¹⁾ Ibid. стр. 140.

²⁾ Римъ, Теорія науки и метафизика, стр. 210—211.

чѣмъ-то подлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ, а съ другой, говорятъ о ней какъ о чемъ-то такомъ, что имѣетъ извѣстныя свойства вещи въ себѣ, чувствамъ недоступныя. Конечно и этотъ способъ представленія не доказываетъ независимости свойствъ матеріи отъ сознанія, ибо и вещь въ себѣ есть объектъ разума, обусловленный свойствами познаванія. „Міръ есть мое представленіе“, поскольку онъ познаваемъ. Передъ этою проблеммою Бюхнеръ стоялъ въ той-же статьѣ „О Шопенгауэрѣ“, и потому любопытно выслушать, что онъ по этому поводу говоритъ. По его словамъ: „Шопенгауэръ внѣшній міръ, не смотря на присущее ему реальное существованіе, ставитъ въ соотношеніе съ какою-то зависимостью отъ представленія существъ, обладающихъ мыслью. „Солнце нуждается въ зрѣніи для того, чтобы свѣтити“. Ничто не можетъ быть болѣе противно опытному изслѣдованію, какъ подобное злоупотребленіе источникомъ познаванія (sic!) и столь не естественное смѣшеніе познающаго съ познаваемымъ (однако Прейеръ, опытный изслѣдователь, какъ мы видѣли, признаетъ справедливость изреченія Шопенгауэра. Да и смѣшенія познающаго съ познаваемымъ здѣсь нѣтъ). Каждый шагъ, сдѣланный впередъ естествовѣдѣніемъ, научаетъ насъ съ большою ясностію, что существованіе вещества и его формъ совершенно независимо отъ жизни одушевленныхъ предметовъ, которыхъ въ извѣстномъ смислѣ можно назвать лишь паразитами природы, такъ какъ они, то здѣсь, то тамъ, прозябаютъ на ея счетъ; наука намъ также доказываетъ, что міръ и природа въ своемъ нескончаемомъ теченіи нисколько не обращаютъ вниманія (sic!) на эти существа, а тѣмъ менѣе находятся отъ нихъ въ зависимости; еслибы даже было достовѣрно, что безъ нихъ міръ не отражается ни въ чьемъ представленіи, то онъ тѣмъ не менѣе существовалъ-бы и долженъ-бы существовать. Мы не только знаемъ, что существуютъ цѣлыя міры, которые ни какъ не могутъ быть населены намъ подобными, мыслящими существами, но намъ достовѣрно извѣстно (въ сущности вовсе не достовѣрно, а только предположительно), что и нами обитаемая земля въ теченіи длинныхъ промежутковъ времени не имѣла совершенно существъ, одаренныхъ волей и представленіемъ и что по общему закону, признаанному для всѣхъ астрономическихъ міровъ (sic!), именно, закону періодическаго ихъ существованія, для каждаго индивидуума настанетъ время, когда своимъ разрушеніемъ онъ уничтожитъ всѣ обитающія на немъ существа, и частицы ихъ беспорядочно разсыются въ пространство“. Во второмъ томѣ, сочиненія Parerga und Paralipomena Шопенгауэръ опять признаетъ, что міровыя явленія должны были происходить и дѣйствительно происходили предъ

затрудненія—объявляютъ всякое противорѣчiе антиномiей, тѣмъ болѣе что для этого нужно впасть въ новое противорѣчiе, т. е. природѣ разума, неизбежно ищущаго гармонiи съ собою, приписать неизбежность противорѣчiя съ собою. Во всякомъ случаѣ антиномiя требуетъ примиренiя, значитъ ведетъ къ новой точкѣ зрѣнiя, съ которой противорѣчiе исчезаетъ. Такимъ образомъ обнаруженiе антилогическаго характера фізіологическаго ме-

появленiемъ сознательныхъ существъ, но тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что *онъ* *сознанiя эти явленiя—ничто, и даже абсолютно немислимы!* Существовать *сами по себѣ* они в тогдa не могли и теперь не могутъ. На это можно *возразить*, что съ тѣхъ поръ, какъ наука открыла (т. е. предположила?), что существовали нѣкогда цѣлыя геологическiя эпохи безъ живыхъ созданiй, эти эпохи несчетное число разъ сдѣлались предметомъ нашего представленiя, мысли и сознанiя, показывались въ разныхъ образахъ на сценѣ въ театрахъ (какая убѣдительность!), а моментъ, когда вселенная впервые отразилась въ нашемъ представленiи, не есть даже нѣчто реальное (*sic!*), а скорѣе философское соображенiе самого Шопенгауэра, такъ какъ развитiе животнаго и человѣческаго сознанiя было только постепенное, и только впоследствии выступило въ замѣтной степени (хорошо „такъ какъ!“). Если-же Шопенгауэръ скажетъ съ своей стороны, что самъ онъ не придаетъ тому моменту никакого значенiя и утверждаетъ только, что текущее, какъ и минувшее время въ концѣ концовъ все-таки необходимо должно отражаться въ нашемъ воображенiи, чтобъ быть познаваему, то отъ всей его премудрости остается лишь довольно избитая *истина, очевидная* безо всякихъ доказательствъ (значитъ дѣло оканчивается согласiемъ съ Шопенгауэромъ). Но этой истиной едвали возможно доказать (почему-же?) желанную Шопенгауэромъ зависимость предметовъ отъ представленiя, и различiе между ними, *благодаря опытнымъ наукамъ*, поставлено внѣ всякаго сомнѣнiя*. Природа и наука, стр. 138—139, 140—141. Значитъ очевидная истина, благодаря опытнымъ наукамъ, все-таки не очевидна. Какъ будто въ самомъ далѣ опытныхъ науки, основанныя при томъ на совершенно субъективномъ ощущенiи, могутъ найти предметы независимые отъ опыта, какъ будто знанiе можетъ указать что-либо независимое отъ знанiя. Вѣдь наука есть знанiе. Значитъ и объекты науки суть объекты знанiя; значитъ это объекты относительные, существующiе только въ отношенiи къ знанiю. Безъ этого отношенiя они—ничто, какъ и говорятъ Шопенгауэръ. Увѣрять, что наука можетъ знать вещи, какъ онѣ суть независимо отъ знанiя можно только въ томъ случаѣ, если самое знанiе отождествить съ вещами, если признать тожество познающаго и познаемаго, мышленiя и бытiя. Материализмъ, дѣйствительно, можетъ опираться только на предположенiе, что матерiя и въ *дѣйствительности* такова, какова она намъ *представляется*. Это философія тожества, метафизика Гегеля. Фейербахъ и вышелъ именно изъ Гегеля. Значитъ не Шопенгауэръ смѣшиваетъ познающее съ познаваемымъ, а материалисты. Что касается до бытiя міра раньше сознанiя, какъ онъ представляется въ научномъ сознанiи, то мы уже видѣли, что Мейнертъ (т. е. тож е наука) считаетъ это предположенiемъ ни на чемъ не основаннымъ. Значитъ Бюхнеръ просто путается и прибѣгаетъ къ голословнымъ ссылкамъ на науку.

тогда въ психологіи есть его полное осужденіе. Такой методъ не можетъ рѣшить никакой задачи и на немъ не можетъ быть основано никакое научное изслѣдованіе. Такой методъ не можетъ привести къ изъясненію психическихъ явленій, а можетъ развѣ только указать, что ихъ нельзя изъяснять фізіологически. Въ этомъ вся польза этого метода. Эта польза чисто отрицательная, польза всякой неудачной попытки. Что-же касается до положительнаго рѣшенія психологической задачи, то для этого нужно искать метода иного. Новый-ли это будетъ методъ, или старый, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть въ полномъ согласіи съ самимъ собою и съ изучаемыми и объясняемыми психическими явленіями. Эти явленія, какъ предметъ изученія, имѣютъ нѣкоторыя особенности въ отношеніи къ познанію, которыя могутъ имѣть существенное вліяніе на выясненіе способа рѣшенія психологической проблемы. Не имѣя въ виду никакого положительнаго рѣшенія вопроса, я не могу не обратить здѣсь вниманія на то обстоятельство, что психическія явленія суть продуктъ дѣятельности того-же самаго субъекта, который ихъ и познаетъ, подобно тому какъ геометрическія проеціи суть продуктъ той-же дѣятельности возрѣнія, черезъ которую онѣ и познаются. Душа наша сама производитъ объекты своего знанія, какіе она въ себѣ сознаетъ. Значитъ производящая дѣятельность можетъ быть здѣсь признана въ моментъ своего дѣйствія. Что-же касается до самого сознанія, то въ немъ познающее само становится моментомъ познаваемого, и обратно, такъ что произведеніе познаванія и познаніе этого произведенія совпадаютъ. Это не только познаніе, но и твореніе, и не только твореніе, но и познаніе. По гениальной формулѣ Клода Бернара: „жизнь есть твореніе“. Тѣмъ болѣе жизнь сознательная должна носить въ себѣ характеръ творчества, т. е. такой свободной дѣятельности, посредствомъ которой совершается *откровеніе* въ феноменахъ бытія и знанія ея сокровеннаго существа. Въ зависимости отъ этого характера, мнѣ кажется, и долженъ находиться методъ психологіи. Во всякомъ случаѣ вопросъ о методѣ требуетъ пересмотра.

Сл. Остроумовъ.

Разборъ ученія Гартмана объ Абсолютномъ началѣ, какъ безсознательномъ.

(Продолженіе *).

Міръ есть стройное цѣлое, космосъ въ буквальномъ и коренномъ значеніи этого слова—такой взглядъ проглядываетъ на каждой страницѣ „Философіи Безсознательнаго“ и иллюстрируется множествомъ примѣровъ. Всѣ возраженія противъ такого возрѣнія вытекаютъ изъ эгоистическаго самолюбія чловѣка, считающаго міръ несовершеннымъ лишь потому, что онъ не удовлетворяетъ нѣкоторымъ нашимъ прихотливымъ желаніямъ,—и напоминаютъ собою одного мудреца, который видѣлъ признакъ несовершенства органическихъ существъ въ томъ, что голова не можетъ выдерживать ударовъ града въ кулакъ величиною ¹⁾. Напротивъ, для непредубѣжденнаго и, такъ сказать, непосредственнаго наблюдателя міръ является наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ и устроеннымъ самымъ разумнѣйшимъ образомъ ²⁾; а это въ свою очередь основывается на томъ, что онъ цѣлесообразенъ. Философъ, вопрошающій себя о томъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 20.

¹⁾ 1-й вып. Философіи Безсознательнаго Гартмана. Переводъ А. Козлова, стр. 112.

²⁾ 2-й вып. Стр. 368.

Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
 Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ?
 Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

(Гейне).

и изслѣдующій явленія природы въ томъ видѣ, какъ они даны de facto, открываетъ повсюду слѣды строгой цѣлесообразности и гармоніи, что, конечно, не разрушить современный матеріализмъ своими ребяческими разсужденіями о томъ, какъ „много въ природѣ вредныхъ явленій, которыя уносятъ массу жизней людей и животныхъ,—землетрясеній, пожаровъ, морозовъ, урагановъ, наводненій, бурь, эпидемическихъ болѣзней и болѣзней вообще,—какое безчисленное множество вредныхъ растений и животныхъ, которыя обыкновенно надѣлены неограниченною способностію къ размноженію, выкидышей, уродовъ и т. п.“¹⁾ Ихъ несостоятельность видна уже изъ самой курьезности нѣкоторыхъ возраженій, когда, напримѣръ, поставяется на видъ, что человѣкъ имѣетъ глаза только на передней сторонѣ головы и не можетъ летать, какъ птица, что придадо-бы особенный эффектъ проповѣднику, возносящемуся на небо²⁾. Не таково истинно-научное и философское возрѣніе, которое вездѣ и во всемъ видитъ смыслъ и „руководство высшаго, сверхъ-человѣческаго мышленія, такъ что человѣкъ не можетъ двинуть даже пальца своей руки безъ того, чтобы ему не содѣйствовало здѣсь высшее не сознаваемое имъ мышленіе“. Блестящимъ и смѣлымъ защитникомъ цѣлесообразности явится въ наше время Гартманъ, поэтому и понятіе разумности, которымъ, по нашему мнѣнію, рѣшается „быть или не быть“ Гартманова ученія о безсознательности Абсолютнаго, отсылаетъ насъ къ разсмотрѣнію понятія цѣли.

Во введеніи къ своему труду Гартманъ такъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ предметъ. „Понятіе цѣли, говоритъ онъ³⁾.

¹⁾ Büchner. Der Gottes-Begriff und dessen Bedeutung in der Gegenwart. Ausgabe 1874 Jahr. S. 33.

²⁾ Büchner. Ibid. ss. 35 и 36.

³⁾ Hartman. Philosophie des Unbewussten. Ausgabe 1869 Jahr. S. 25. Въ переводѣ Козлова введеніе опущено; есть только упоминаніе объ этомъ предметѣ.

образуется первоначально на основаніи опытовъ нашей собственной духовной дѣятельности. Цѣль для меня есть представляемое мною и желаемое будущее событіе, осуществленіе котораго возможно не прямо, а только чрезъ посредствующіе причинные члены (средства). Если я *не представляю* будущаго событія, то оно теперь для меня и не существуетъ; если я его *не желаю*, то оно и не составляетъ для меня цѣли; я къ нему равнодушенъ. Если я могу осуществить его *прямо*, то падаютъ и причинные посредствующіе члены, средства, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и понятіе цѣли, которое существуетъ только въ отношеніи къ понятію средства; дѣйствіе слѣдуетъ тогда непосредственно за желаніемъ. Между тѣмъ я вижу, что я не въ состояніи осуществить мое желаніе прямо и признаю средство дѣйствующею причиною цѣли; такимъ образомъ желаніе цѣли дѣлается мотивомъ, т. е. дѣйствующею причиною желанія средствъ; это въ свою очередь становится дѣйствующею причиною для осуществленія средствъ чрезъ мою дѣятельность (*durch meine That*), а осуществленіе средствъ становится дѣйствующею причиною для осуществленія цѣли. Такимъ образомъ мы имѣемъ тройкую причинность между четырьмя членами (*eine dreifache Causalität unter den vier Gliedern*): желаніе цѣли, желаніе средствъ, осуществленіе средствъ, осуществленіе цѣли“. Изъ этого анализа ясно можно вывести необходимые составные элементы въ понятіи цѣли: это, во-первыхъ предполагаемое будущее событіе, какъ цѣль дѣйствія, и, во-вторыхъ, извѣстныя посредствующія звенья, какъ средства для ея осуществленія. Міръ цѣлесообразенъ, но онъ не имѣетъ бытія въ себѣ, несамостоятеленъ и въ своемъ происхожденіи и въ своемъ существованіи, а потому и нуждается въ Абсолютномъ началѣ, какъ своемъ Первоинновниѣ. Только оно въ состояніи было произвести наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ и только оно поддерживаетъ гармонию и порядокъ во всѣхъ его частяхъ, поскольку Верховное Существо вложило въ свое твореніе великую, божественную идею и ведетъ его къ осуществленію вѣрными путями. Если-же такъ, то необходимо предположить и въ первоосновѣ бытія, полагающей цѣлесооб-

разность внѣ себя, во-первыхъ представленіе и желаніе цѣли и во-вторыхъ представленіе пригодныхъ для нея средствъ. Совпаденіе ихъ въ мірѣ конкретныхъ явленій я производитъ вездѣ порядокъ и заставляетъ признать разумность мирового устройства и процесса. Не будь въ Абсолютномъ представленіи будущаго событія, какъ желаемаго, тогда не существовалъ бы и реальный міръ, который есть ничто иное, какъ средство для его исполненія. Дѣйствительное же и совместное осуществленіе обоихъ данныхъ элементовъ въ сферѣ явленій природы условливаетъ собою ихъ цѣлесообразность и поскольку оно существуетъ несомнѣнно (хотя и несамостоятельно, и въ силу зависимости отъ Верховнаго начала)—постольку мы должны и Абсолютному приписать двоякаго рода представленія: представленіе цѣли и представленіе средства. При этомъ необходимо замѣтить, что всѣ эти представленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть для Верховнаго начала чѣмъ-то чуждымъ, а составляютъ его внутреннія состоянія; иначе, согласно признанію самого Гартмана, не было-бы въ Абсолютномъ ни желанія цѣли, ни желанія средствъ, а слѣдовательно не существовало-бы и мотива для проявленія творческаго акта въ Безсознательномъ, что, по меньшей мѣрѣ, равнялось-бы уничтоженію всякой разумной и достаточной причины для происхожденія бытія. Кромѣ того, когда уже реальныя явленія даны, ихъ взаимное согласное дѣйствіе, влекущее за собою стройность въ устройствѣ міра, мыслимо только при допущеніи руководящаго верховнаго принципа. Вѣдь не возможно же предположить, что внѣшніе факты сами случайно встали между собою въ надлежащія соотношенія, потому что случайность имѣла-бы еще мѣсто при двухъ, десяти или тридцати случаяхъ, но нивакъ ужъ не тамъ, гдѣ замѣчается постоянство въ комбинаціи и смѣнѣ явленій. Итакъ, отправляясь отъ положеній Гартмана, мы приходимъ къ тому заключенію, что цѣлесообразность мирового устройства обязана своимъ существованіемъ Абсолютному, которое представляло и желало этого, хотя еще не извѣстно въ какой формѣ совершались данные умственные процессы: въ сознательной или безсознательной. Обратимся для разрѣшенія этого вопроса прежде всего

къ анализу конкретныхъ явленій, поскольку каждое слѣдствіе можетъ говорить о своей причинѣ, а произведеніе, напримѣръ, художественное или литературное даетъ понятіе о типическихъ свойствахъ таланта своего творца.

Мы изумляемся разумной комбинаціи пальцевъ въ игрѣ на фортепіано и наслаждаемся прекрасною мелодіей. Мы видимъ въ то же время, что условія для этого существуютъ у всѣхъ людей, которые владѣютъ нормальными органами. Однакоже никто съ здравымъ разсудкомъ не рѣшится объяснять всю технику и механизмъ игры на фортепіано существованіемъ пальцевъ и способностію ихъ становиться въ извѣстныя сочетанія при ударахъ по клавишамъ. Все это дается продолжительнымъ и упорнымъ трудомъ подъ постояннымъ контролемъ *сознанія*; только уже по истеченіи нужнаго времени, когда достаточно изучено и *сознательно* усвоено дѣйствіе, оно становится механически-цѣлесообразнымъ и теряетъ сознательный характеръ, какой имѣло въ началѣ. Тоже самое замѣчается въ актѣ хожденія и въ танцахъ. Сколько нужно усилій и времени, чтобы умѣть правильно двигаться съ мѣста на мѣсто и какъ долго и старательно ребенокъ приучается къ этому, чтобы въ послѣдствіи уже безсознательно давать ногамъ и корпусу соотвѣтствующія положенія при ходьбѣ. Уже и послѣ этого не такъ легко усвоятся танцы, хотя въ нихъ участвуютъ тѣже самыя движенія и положенія, что и въ простомъ актѣ хожденія. Нѣтъ разумной и сознательной причины, положившей извѣстное дѣйствіе въ такомъ, а не иномъ видѣ,—нѣтъ и не мыслимо и цѣлесообразное явленіе. Поэтому, если инстинктъ и рефлективные движенія имѣютъ такое глубокое и жизненное значеніе для организма и дѣйствуютъ постоянно сообразно его потребностямъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ, то мы необходимо должны отнести ихъ къ разумной и сознательной причинѣ, когда хотимъ понять ихъ въ должной мѣрѣ. По этой же причинѣ и мыслящій умъ прежде всего обращается въ сознанію человѣка и стремится вывести какъ инстинктъ, такъ и рефлексъ изъ сознательнаго приваровленія живыхъ существъ къ различнымъ внутреннимъ состояніямъ и внѣшнимъ положеніямъ, объясняя ихъ механической характеръ привычкою. Положимъ,

такое пониманіе несогласно съ фактами дѣйствительности, ибо сознаніе не въ силахъ самостоятельно произвести ихъ, но оно показываетъ, что и въ верховной неограниченной причинѣ долженъ находиться элементъ сознательности, который безмѣрно превосходитъ нашу слабую интеллигенцію и, какъ Абсолютный, вполне достаточенъ для объясненія разумныхъ дѣйствій въ мірѣ органическомъ и психическомъ. Вѣдь и абсолютный принципъ бытія долженъ уже напередъ содержать въ себѣ представленіе цѣли и средствъ, потому что когда оно не желаетъ и не представляетъ чего нибудь, то это и не существуетъ, по словамъ самого Гартмана. Пожалуй, можно предположить безсознательность всѣхъ этихъ процессовъ въ Абсолютномъ, но и такое воззрѣніе является не пригоднымъ, ибо не видно и нѣтъ причины, почему бы Безсознательное могло считать данныя представленія *своими* и поступать сообразно имъ. Человѣкъ никогда и ничего не дѣлаетъ разумнымъ мотивомъ самихъ дѣйствій и не можетъ совершать ихъ цѣлесообразно въ одномъ и томъ же направленіи, если онъ не создаетъ представленій, какъ *своихъ*, въ немъ находящихся и обуславливающихъ характеръ его поведенія.

Мы видимъ бѣгущій по желѣзной дорогѣ локомотивъ, который быстро переноситъ насъ съ одного мѣста на другое, изъ одного города въ другой. Откуда происходитъ все это и что требуется для такого дѣйствія? Прежде всего здѣсь необходимъ мастеръ, который сообразно предположенной цѣли сумѣлъ разумно соединить различные матеріалы и приспособить ихъ къ извѣстному употребленію. Не менѣе искусно сдѣлана и паровая машина, но она не повезетъ насъ по сушѣ, равно какъ и локомотивъ окажется не пригоднымъ для водной стихіи. Но и этимъ дѣло не кончается. Безъ механика мы не подвинемся ни на шагъ или не достигнемъ цѣли, потому что мы не знаемъ, какъ нужно распорядиться подлежащими снарядами. Такимъ образомъ для движенія локомотива по желѣзной дорогѣ необходимы слѣдующія неизбѣжныя условія: *во-первыхъ*, чтобы былъ мастеръ, *сознающій* употребленіе пароваго механизма и сообразно этому сознаванію устрояющій соответствующую машину, и *во-вторыхъ*, механикъ, умѣющій разумно распоря-

жаться даннымъ механизмомъ, для чего опять *долженъ обладать сознаниемъ*.

Всѣ приведенные факты стоятъ въ самой тѣсной аналогіи съ явленіями, рассматриваемыми Гартманомъ, каковы: инстинкты, рефлексивныя движенія, цѣлительная сила природы и т. п. И тутъ и тамъ механизмъ, безсознательно исполняющій свое дѣло; но какъ въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ сознательную причину, такъ и во второмъ *долженъ быть* сознательный первовиновникъ безсознательныхъ дѣйствій органическаго и психическаго міра.

Если приложить добытыя нами данныя къ рассматриваемому предмету, то мы получимъ такого рода выводы. Всякое цѣлесообразное дѣйствіе представляетъ собою совмѣстное осуществленіе цѣли и средствъ, которыя сознательно указаны какимъ-нибудь существомъ. Міръ и безсознательныя его явленія разумно-цѣлесообразны и потому мы вынуждаемся отнести предикатъ сознанія и къ ихъ причинѣ, Абсолютному началу. Этотъ результатъ получаетъ тѣмъ большее значеніе и силу, что онъ вытекаетъ изъ неоспоримыхъ опытныхъ фактовъ, которые также несомнѣнны, какъ и примѣры, приводимые Гартманомъ, и вполнѣ аналогичны съ ними. Цѣлесообразны и разумны—актъ хожденія, танцы, удары пальцевъ въ игрѣ на фортепіано и движенія локомотива, но они имѣютъ для себя достаточную основу въ сознательномъ разумѣ человѣка. Если таковы же по своему характеру и многія явленія органическаго и психическаго міра, то мы въ полномъ правѣ считать причину ихъ сознательнымъ а не безсознательнымъ существомъ. Противоположное заключеніе просто не естественно и погрѣшаетъ противъ общепринятыхъ правилъ аналогіи. Въ произведеніяхъ нашего ограниченнаго разума замѣчается смыслъ и цѣлесообразность, но они все-таки несовершенны и не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными, ибо человеческое сознаніе ограничено. Явленія природы также разумны, но они безмѣрно превосходятъ наши созданія и грандіозностію своихъ размѣровъ и безукоризненнымъ совершенствомъ дѣйствія,—очевидно,—потому, что составляютъ продуктъ сознанія неограниченнаго и абсолютнаго. Все, что будутъ выставлять про-

тивъ такого сравненія, необходимо окажется логической бессмыслицей, ибо тогда пришлось-бы отрицать въ основѣ бблшаго то, что всегда прилагается къ совершенно подобному ему по своимъ качествамъ меньшему.

Такъ естественно представлять дѣло, когда мы разсматриваемъ единичные и, такъ сказать, частные факты цѣлесообразности. Но это еще яснѣе будетъ для насъ, если мы взглянемъ на объективный міръ въ его цѣломъ (какъ онъ изображается Гартманомъ), гдѣ всѣ частныя цѣли дѣйствуютъ во взаимномъ согласіи и въ одномъ опредѣленномъ направленіи для достиженія высшаго конечнаго результата.

До возникновенія бытія, по Гартману, существовало одно всесовершенное и абсолютное начало, въ которомъ для яснаго представленія этого предмета необходимо различать два момента: волю, какъ нѣчто тупое и положительно безразсудное, алогичное, и представленіе, совершенно противоположное по своимъ качествамъ первой. Воля есть сила, постоянно стремящаяся къ бытію, принципъ активный, но она не имѣетъ содержанія и потому осталась-бы навсегда въ состояніи „вѣчнаго томленія“, если-бы не подчинила себѣ пассивнаго начала,—представленія. Но коль скоро послѣднее подпало подъ власть воли, необходимо должно произойти осуществленіе ея желаній: въ этомъ завязка міроваго процесса. „Безошибочный разумъ“ (das Logische) Безсознательнаго *сознаетъ* неразуміе начинающагося или долженствующаго настать бытія и потому старается придать міру такое реальное содержаніе, чтобы онъ въ концѣ концовъ всталъ въ оппозицію съ стремленіями воли и уничтожилъ самъ себя. Понятно, что для этого необходимо *сознаніе* невормальности и неразумія самого бытія и оно достигается въ познающемъ духѣ челоуѣка. Но Безсознательное не тратитъ напрасно своихъ силъ и ведетъ міръ къ окончательной цѣли постепенно и послѣдовательно. Сначала являются атомы, какъ простое слѣдствіе соединенія взаимно перекрещивающихся между собою силъ. Здѣсь основа и сущность вещей. Путемъ постепеннаго прогресса скомбинированная изъ атомовъ матерія достигаетъ въ извѣстное время такого совершенства, что Безсознательное

уже легко производить живой „первоорганизмъ“. Дальнѣйшая судьба предоставляется естественному развитію, сообразно вложеннымъ въ міръ законамъ. Безсознательное только руководитъ этимъ процессомъ и въ должныя минуты поправляетъ и направляетъ эту работу для нужныхъ ему цѣлей, какъ преподаватель исправляетъ плохое и безграмотное упражненіе своего ученика. Начала развязки еще пока не видно, но Гартманъ надѣется, что она не заставитъ себя ждать особенно долго. Слѣды приготовительныхъ работъ къ рѣшительному шагу уже ясно видны; наука представляетъ орудія и подготовляетъ условія для успѣшнаго осуществленія великой міровой задачи. Настанетъ день, когда все живущее и способное къ жизни наложитъ на себя руки и вмѣстѣ съ этимъ кончится міровой процессъ. Вотъ вся драма, въ которой мы принимаемъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе! Она такъ ясно и послѣдовательно развивается у Гартмана, что кажется весьма правдоподобною; но лишь только мы попытаемся понять ее и логически вывести изъ положенныхъ началъ данныя слѣдствія, — обояніе исчезаетъ и оказывается, что мы здѣсь ровно ничего не понимаемъ. Допустимъ пока на-время, что завязка вѣрна и что основа для происхожденія міра дѣйствительно лежитъ въ актѣ соединенія воли съ представленіемъ. Важно здѣсь то, что уже въ началѣ поставляется извѣстная цѣль имѣющему быть процессу, выбираются нужныя для этого средства, что также имѣетъ громадное значеніе въ міровой жизни, потому что отъ выбора ихъ зависитъ весь ходъ борьбы представленія съ волею, ибо, какъ говоритъ Гартманъ, „если цѣли и разумны, то неразумнымъ выборомъ средствъ (что предоставлено индивидууму вполнѣ или отчасти) дѣлается невыразимо много зла, которое никогда не можетъ быть поправлено“¹⁾. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ нужно поступить въ данныхъ обстоятельствахъ, чтобы избѣжать затрудненій, и что нужно для этого? Первымъ условіемъ, очевидно, должно быть сознаніе цѣли, какъ такой, — сознаніе принадлежности ея *мнѣ* или *какому-нибудь другому индивидууму*; въ противномъ слу-

¹⁾ 1-й выш. стр. 276.

чаѣ она или вовсе не существуетъ для меня или переходитъ въ инстинктъ. Отсюда вытекаетъ важное примѣненіе по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Абсолютное полагаетъ цѣль еще въ самомъ началѣ бытія. Если-же такъ, то необходимо предположить, что эта цѣль сознается имъ или-же становится непосредственнымъ стремленіемъ, которое возникаетъ въ Безсознательномъ въ моментъ соединенія воли съ представленіемъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, при химическихъ соединеніяхъ. Гартманъ естественно не можетъ признать перваго положенія и долженъ склониться на сторону случайнаго, такъ сказать, происхожденія цѣли міроваго процесса. Но это мыслимо только при томъ странномъ предположеніи, что цѣль возникаетъ въ Абсолютномъ какъ-нибудь сама собою, точно равнодѣйствующая двухъ составляющихъ силъ,—и въ такомъ случаѣ не понятна ея разумность, что признаетъ и Гартманъ. Вѣдь тогда въ направленіи міроваго развитія принимало-бы участіе не только логическое начало Безсознательнаго, но и алогическое, воля. Остается еще одинъ выходъ:—представить цѣль аналогичною инстинкту и объяснять ея происхожденіе въ этомъ смыслѣ. Въ мірѣ явленій факты подобнаго рода вовсе не рѣдкость, когда „цѣль инстинкта есть очень часто состояніе другаго животнаго, напр., дѣтеныша“¹⁾. Но и такое объясненіе не выдерживаетъ критики, ибо сравниваемые здѣсь явленія совершенно различны по своему существу. Инстинктъ животнаго и чловѣка самъ по себѣ непонятенъ и становится возможнымъ лишь въ силу своей зависимости отъ „всеобщаго“ Безсознательнаго. Онъ не является самостоятельно, вслѣдствіе-ли взаимной связи нервныхъ волоконъ и центровъ или предустановленной психической организаціи, но отсылаетъ мыслящій умъ къ высшей причинѣ. Тоже должно-бы быть, по смыслу этой аналогіи, и въ Абсолютномъ. Цѣль возникаетъ въ Безсознательномъ или какъ инстинктъ: тогда необходимо предположить еще другое, болѣе Абсолютное бытіе, что вѣрно, или нужно представлять ее самостоятельно произведенною и потому

¹⁾ 2-й вып. 403 стр.

сознаваемою Верховнымъ существомъ; нѣтъ другаго выхода изъ этой альтернативы, какъ согласиться съ послѣднимъ положеніемъ. Это становится даже положительно неизбѣжнымъ, когда рѣчь касается вопроса о средствахъ. Всякая вещь или явленіе потому и становится условіемъ и причиною по отношенію къ послѣдующему, что эта вещь не случайно подбирается въ известной цѣли, а на основаніи *дознаннаго* строгаго соотвѣтствія ея съ послѣднею. Если средства находятся въ зависимости отъ данной цѣли, то въ свою очередь и сами они получаютъ столь важное значеніе, что опредѣляютъ такой или иной исходъ дѣятельности. Соотвѣтствіе цѣли и средствъ всегда вытекаетъ изъ разумнаго сопоставленія сравниваемыхъ объектовъ. А это соотвѣтствіе предполагаетъ, съ одной стороны, процессъ различенія или *сознанія* особенности данныхъ предметовъ и -- съ другой стороны — признаніе связи между ними на основаніи того *сознанія*, что одно изъ нихъ можетъ условливать другое. Въ такомъ видѣ этотъ процессъ всегда происходитъ въ сознательной сферѣ; если же Гартманъ отрицаетъ это неизбѣжное свойство въ актѣ мышленія абсолютнаго, то для насъ совершенно непонятно, какъ происходила въ Безсознательномъ та логическая комбинація представленій и понятій, результатомъ которой явился наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Случайность — это *visum ignorantiae*, прикрывающее недостатки многихъ современныхъ научныхъ теорій, — ничего не выясняетъ намъ въ явленіи цѣлесообразности, да и вообще не можетъ имѣть мѣста въ системѣ Гартмана. Онъ самъ очень часто и рѣзко высказывается противъ этого понятія, когда оно вводится въ науку, и въ допущеніи его видитъ одну изъ слабыхъ сторонъ Дарвинова ученія о происхожденіи видовъ. „Какъ можно, спрашиваетъ онъ, удовлетворительно понять изъ случайныхъ уклоненій возможность измѣненія, наступающаго *одновременно съ различными частями тѣла*, — измѣненія, которое въ своихъ различныхъ сторонахъ и частяхъ должно быть подогнано къ *планосообразному цѣлому*? Какъ напримѣръ, представить у перваго сумчататаго образованіе вымени, которое должно было идти объ руку съ живорожденіемъ?“¹⁾ „Случай былъ-бы возможенъ иногда,

¹⁾ 1-й вып. стр. 194.

но невозможно, чтобы онъ повторялся; поэтому и желѣно объяснить случайнымъ совпаденіемъ то свойство фактовъ, которое позволяетъ намъ сдѣлать отвлеченіе *правиль*, не имѣющихъ исключенія въ эмпиріи“¹⁾. При этомъ нужно принять въ соображеніе еще и то обстоятельство, что у Гартмана, строго говоря, не должно-бы быть и слова о какихъ нибудь случайныхъ увлоненіяхъ въ теченіи міроваго процесса, хотя въ „Философіи Безсознательнаго“ и упоминается объ этомъ нѣрѣдко. Дѣло въ томъ, что въ природѣ все установлено логически и потому самому уже неизбѣжно существуетъ такъ, а не иначе: „какъ достовѣрно существованіе объективной необходимости, точно также достовѣрно и то, что всякое событіе въ мірѣ опредѣлено и обусловлено логически, ибо понятіе необходимости состоятельно только, какъ логическая необходимость“²⁾. Если-же такъ, то мы въ правѣ спросить Гартмана, по какимъ законамъ происходитъ цѣлесообразность міроваго процесса и взаимное согласное дѣйствіе конкретныхъ явленій въ виду высшихъ результатовъ? Случайность—пустое слово и ничего не даетъ для разумнаго пониманія фактовъ дѣйствительности, а безсознательное совпаденіе желанія съ осуществленіемъ только и возможно при такомъ предположеніи. Въ такія безвыходныя затрудненія запутывается Гартманъ; не желая измѣнить своей предзанятой теоріи.

Если самая цѣль, какъ предполагаемое будущее событіе, необходимо должна быть сознательною для Абсолютнаго, то и выборъ средствъ можетъ исходить только отъ такого-же сознательнаго начала. Судя по личному опыту каждый представляетъ себѣ этотъ процессъ въ слѣдующемъ видѣ. Поставивъ себѣ цѣль, человекъ разсматриваетъ всю сумму наличныхъ данныхъ, могущихъ ему содѣйствовать, и обсуждаетъ ихъ, руководясь своимъ принципомъ; одни изъ нихъ онъ отвергаетъ, какъ несоотвѣтствующія желанію, и только нѣкоторыя признаетъ вполне пригодными. Все это происходитъ въ сознательной сферѣ, подобно всѣмъ другимъ собственно мыслитель-

¹⁾ 2-й вып. стр. 411.

²⁾ 2-й вып. стр. 411—412.

нымъ процессамъ. Когда мы приложимъ эти требованія къ началу міра, то получимъ, что оно есть актъ чисто сознательный для Верховнаго Существа. Съ одной стороны цѣль, какъ нѣчто сознательно желаемое, и разумный выборъ средствъ—съ другой,—вотъ два момента, которые дали бытіе всему сущему и которые должны быть отнесены къ самому Абсолютному принципу. Сколько-бы неизмѣримо быстро не смѣнялись эти акты между собою и какъ ни мало „рефлексіи“ въ Безсознательномъ,—они все-таки остаются сознательными мыслительными процессами. Не предполагая этого, мы никогда не поймемъ, почему явилось въ Абсолютномъ желаніе какаго-то будущаго событія и стремленіе осуществить его; міръ окажется тогда не имѣющимъ причины, чего никакъ не можетъ допустить Гартманъ сообразно кореннымъ началамъ своей системы. Только то, что находится во внѣ во свѣтѣ сознанія, только то и могу я ставить разумно цѣлью своихъ дѣйствій и подбирать къ ней должныя средства. Иначе придется или отнести начало міроваго процесса, поскольку въ немъ господствуютъ разумность и цѣлесообразность,—къ еще болѣе высшему началу, чѣмъ абсолютное Безсознательное, какъ мы объясняемъ инстинктъ, рефлексивныя движенія, цѣлительную силу природы и пр.,—или-же нужно видѣть здѣсь дѣло одного простаго случая. Не первое мнѣніе невозможно по самому понятію неограниченнаго, не допускающему двухъ подобныхъ существъ другъ подле друга, а второе нелѣпо, ибо случайность служить не къ разъясненію научныхъ вопросовъ, но лишь устраняетъ, игнорируетъ ихъ.

Такимъ образомъ, принимая въ соображеніе невозможность вывести разумныя явленія природы изъ предполагаемаго Гартманомъ начала, а равно и согласіе его съ Лейбницемъ во взглядѣ на достоинство міра,—мы находимся вынужденными приписать Абсолютному сознанію. Только Верховный Разумъ, обладающій этимъ свойствомъ, можетъ дать намъ ключъ къ пониманію завязки „міровой трагедіи“, которая въ „Философіи Безсознательнаго“ выходитъ совершенно неудачною; онъ-же объяснить намъ и весь процессъ жизни, который происходитъ въ насъ и внѣ насъ.

Главное стремленіе Абсолютнаго состоитъ, по Гартману, въ томъ, чтобы довести возникшій по дѣйствию безумной воли міръ до сознанія безсмысленности самаго его существованія и поставить человѣка во враждебное отношеніе къ нему, послѣ чего будто-бы произойдетъ всеобщее возмущеніе противъ бытія и настанетъ конецъ міроваго процесса. Но Безсознательное не идетъ въ этой цѣли прямо, хотя и не упускаетъ ее изъ вида. Сначала оно совокупляетъ разнокачественныя между собою силы въ атомы и изъ нихъ производитъ матерію, которая дѣйствуетъ и развивается по своимъ даннымъ ей законамъ. И только уже потомъ, когда настаетъ удобное время, Безсознательное создаетъ живое существо, „первоорганизмъ“ (нѣчто въ родѣ допускаемой нѣкоторыми естество-испытателями первичной клѣточки). Такъ какъ оно никогда не тратитъ своихъ силъ даромъ, то и предоставляетъ дальнѣйшее развитіе естественному процессу сообразно, на примѣръ, Дарвиновымъ законамъ „борьбы за существованіе и полового подбора“. Абсолютное, впрочемъ, непосредственно руководитъ этимъ процессомъ, который нужно представлять подобнымъ возрастанію ствола съ расходящимися вѣтвями, причемъ каждая изъ нихъ характеризуетъ то, что у насъ принято называть родами, видами и подвидами (существеннаго „родоваго“ различія между ними Гартманъ рѣшительно не признаетъ). Наконецъ, является человѣкъ съ развитымъ сознаніемъ, въ которомъ—средство для разрѣшенія міровой задачи; поэтому и „должно стараться расширять, на сколько возможно, сферу сознательнаго разума, ибо въ ней заключается всяческій прогрессъ міроваго процесса, все будущее спасеніе“ ¹⁾. Но и сознаніе *само по себѣ* бессилено работать неуклонно и согласно представляющему началу въ Безсознательномъ: во-первыхъ, оно слишкомъ замкнуто въ себя, въ свои интересы, и эгоистично, чтобы прямо и охотно служить отдаленному будущему, и во-вторыхъ,—оно настолько ограничено, что никогда не въ состояніи постигнуть вполне конечныя цѣли міроваго бытія и сдѣлать ихъ мотивомъ своей дѣятельности. Въ виду этого сознаніе выполняетъ свою роль скорѣе бессо-

¹⁾ 1-й вып. стр. 287.

знательно, чѣмъ сознательно, когда, напримѣръ, въ мистикѣ приходитъ къ признанію высшихъ сверхчувственныхъ единствъ, а посредствомъ историческаго процесса старается обезпечить человѣчеству обладаніе свободой матеріальной и формальной, чтобы оно тѣмъ легче познало суетность и безуміе въ самомъ желаніи бытія. Такимъ образомъ, строго говоря, если разсматривать сознание по отношенію къ цѣлесообразности міроваго процесса, то нужно принять, что оно дѣйствуетъ въ этомъ направленіи больше бессознательно; ему принадлежатъ только частные факты, а комбинація ихъ и извѣстный распорядокъ производятся помимо воли людей. Кромѣ того, Абсолютное начало надѣлило всѣ существа различными инстинктами и другими такими-же бессознательными способностями, которыя должны помогать ограниченному мышленію и въ которыхъ видно обнаруженіе заботливости самого высшаго принципа. Вотъ всѣ средства, которыми располагаетъ Бессознательное при выполненіи своего грандіознаго плана; всѣ они собственно бессознательны, и самое сознание служитъ конечной цѣли почти бессознательно.

Во всей этой сложной системѣ разумныхъ дѣйствій органическаго и психическаго міра замѣчаются три слѣдующія характеристическія черты: во-первыхъ, всякое явленіе строго соотвѣтствуетъ своей ближайшей, частной цѣли; во-вторыхъ, всѣ они вмѣстѣ находятся въ прекрасной гармоніи, не нарушая ея и не препятствуя другъ другу дѣйствовать въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи; и въ-третьихъ, каждое явленіе, взятое въ отдѣльности, имѣетъ въ виду только конечный результатъ міроваго процесса и работаетъ для его осуществленія. Въ первомъ случаѣ, напримѣръ матерія приготовляетъ почву для образованія растительнаго царства, а это въ свою очередь поддерживаетъ органическую жизнь и т. д. Но матерія ничего не знаетъ о какомъ-нибудь растеніи; растеніе само по себѣ ни мало не заботится о живыхъ существахъ. Поэтому, если мы задаемъ себѣ вопросъ о причинѣ происхожденія и существованія такого взаимнаго содѣйствія, то должны будемъ искать отвѣта въ разумномъ Бессознательномъ началѣ. Оно „слѣдуетъ постоянно предвѣщанному направленію въ

развитіи,—направленію, которое и вообще соотвѣтствуетъ заранѣ поставленнымъ цѣлямъ и представляетъ наименьше препятствій къ ихъ существованію и измѣняетъ это направленіе только на основаніи особыхъ цѣлей¹⁾. А это направленіе состоитъ въ произведеніи сознательныхъ существъ, но „такъ какъ прямое порожденіе ихъ потребовало-бы чудовищнаго расхода силы, а потому и безошибочный разумъ (das Logische) Безсознательнаго, сообразно съ началомъ достиженія всѣхъ цѣлей при наименьшемъ расходѣ силы, несомнѣнно долженъ былъ прямому порожденію высшихъ организмовъ предпочесть способъ многообразныхъ посредствующихъ ступеней, изъ коихъ каждая вела къ высшему существу, да кромѣ того служила еще другимъ самостоятельнымъ цѣлямъ, и при всемъ томъ была достижима при сравнительно незначительной затратѣ силы путемъ видоизмѣненія въ рожденіи чрезъ родителей“²⁾. Отсюда понятно, что цѣлесообразность безсознательныхъ явленій и ихъ взаимное содѣйствіе имѣютъ разумную причину въ высшемъ началѣ. Оно не тратитъ своихъ силъ въ одинъ моментъ и потому всю совокупность различныхъ дѣйствій поставляетъ въ такую связь, что одно влечетъ за собою другое, это обуславливаетъ—третье, а все вмѣстѣ соединяется въ общей цѣли. Что-же требуется для этого? Такъ какъ въ смѣнѣ явленій замѣчается одно направленіе, то необходимо отнести къ Безсознательному сознаніе цѣли, ибо только она даетъ общій тонъ міровому процессу. Но на ряду съ нею въ Абсолютномъ возникаетъ представленіе трудности сразу рѣшить задачу, создать сознательный организмъ, и въ виду этого оно избираетъ болѣе продолжительный, но за то и болѣе вѣрный путь постепенныхъ измѣненій, чтобы достигнуть желаемого результата. Для этого въ Безсознательномъ, кромѣ сознанія цѣли, необходимо допустить еще и сознаніе міроваго процесса (сначала, конечно,—въ идеѣ, въ умѣ), какъ онъ совершается, потому что здѣсь Абсолютное въ должное время и при удобныхъ условіяхъ создаетъ изъ предыдущаго послѣдующее звено въ цѣпи явленій и придаетъ

¹⁾ 2-й вып. стр. 182.

²⁾ 1-й вып. стр. 178.

ему особый характеръ. Табъ, „одушевленіе зародыша (въ первоорганизмѣ) не слѣдуетъ за его *возникновеніемъ*, но предшествуетъ ему, т. е. что зародышъ только *потому* и возникаетъ, что Безсознательное употребляетъ на то особую дѣятельность, которая *предустанавливаетъ* особую типическую форму зародыша, сообразно съ возможностями, данными въ наличныхъ условіяхъ“. Мы уже говорили о происхожденіи цѣли вообще и потому останавливаемся здѣсь на другой характерной чертѣ въ рассматриваемомъ фактѣ. Безсознательное идетъ путемъ постепенныхъ измѣненій низшихъ явленій въ явленія высшаго порядка. Оно поэтому не только производитъ бытіе, но и даетъ ему еще соотвѣтствующую форму и порядокъ, а для этого въ Абсолютномъ, кромѣ сознанія цѣли, должно находиться также и сознаніе конкретныхъ явленій въ ихъ дѣйствительной формѣ. Вѣдь здѣсь нельзя видѣть только одинъ естественный процессъ развитія, какъ думаютъ дарвинисты, а необходимо допустить, что какой-нибудь фактъ *потому* и возникаетъ, что его создаетъ Безсознательное при благоприятныхъ условіяхъ, и *потому* онъ влечетъ за собою послѣдующее дѣйствіе, что образованъ по извѣстному типу. Безъ сознанія такой процессъ, конечно, невозможенъ. Положимъ, встанетъ удобное время для произведенія первоорганизма, но имъ невозможно воспользоваться, когда это не сознается. Это требованіе тѣмъ естественнѣе, что высшее начало не пропускаетъ ни одного подходящаго случая, не употребляя его на служеніе своимъ цѣлямъ, но вездѣ дѣйствуетъ въ нужную минуту. Съ другой стороны, — и такой или иной характеръ отправления организма, по которому онъ не представляетъ явленія равнодушнаго и безразличнаго по отношенію къ происходящимъ отъ него послѣдствіямъ, а влечетъ за собою *опредѣленное* другое, — возможенъ лишь при допущеніи, что Безсознательное, хотя-бы въ представленіи сознавало имѣющее произойти и творило предыдущее сообразно этому представлевію. Поэтому, приписывая своему Абсолютному „безошибочность въ логической комбинаціи всевозможныхъ данныхъ и возможно цѣлесообразнѣйшую дѣятельность въ должный моментъ“¹⁾,

¹⁾ 2-й вып. стр. 242.

Гартманъ никакъ не можетъ избѣжать предположенія въ немъ сознанія, если онъ не желаетъ говорить однѣхъ пустыхъ фразъ.

Вслѣдствіе такой дѣятельности Безсознательнаго происходитъ строгая гармонія во взаимодействіи различныхъ явленій, — и этотъ фактъ также опровергаетъ Гартмана и подтверждаетъ общепринятое воззрѣніе. О случайности здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что она ничего не выясняетъ; сознательное приспособленіе не приложимо ко всей совокупности явленій природы, ибо мы въ большинствѣ случаевъ имѣемъ дѣло съ областію безсознательныхъ дѣйствій. Остается присовокупить къ указаннымъ факторамъ еще „непосредственное внимательство (Абсолютнаго) въ каждое время и на каждомъ мѣстѣ“ ¹⁾, а для этого Безсознательному необходимо знать и сознавать, что *теперь* или *здѣсь* нужно его непосредственное участіе; иначе непостижимо, почему оно всегда вмѣшивается сообразно съ потребностями живыхъ существъ и наличными условіями.

Н. Тубоковскій.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ 2-й вып. 243 стр.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1888 года.

Содержаніе: Высочайшій манифестъ.—Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ южной Болгаріи для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.—Епархіальныя вѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

царь польскій, великій князь финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Неисповѣдимыми путями Промысла совершилось надъ Нами чудо милости Божіей. Тамъ, гдѣ не оставалось надежды на спасеніе человѣческое, Господу Богу угодно было дивнымъ образомъ сохранить жизнь Мнѣ, Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всѣмъ Нашимъ Дѣтямъ.

Да соединятся молитвы всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ съ Нашими благодарными къ Богу молитвами о Нашемъ спасеніи.

Въ трепетномъ благоговѣніи предъ дивными судьбами Всевышняго, Мы вѣруемъ, что явленная Намъ и народу Нашему милость Божія отвѣтствуетъ горячимъ молитвамъ, которыя ежедневно возносятъ о Насъ тысячи тысячъ вѣрныхъ сыновъ Россіи всюду, гдѣ стоитъ Святая церковь и славится Имя Христово. Промыслъ Божій, сохранивъ Намъ жизнь, посвященную благу возлюбленнаго

Отечества, да ниспошлетъ Намъ и силу вѣрно совершить до конца великое служеніе, къ коему Мы волею Его призваны.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 23-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ восьмое, царствованія-же Нашего въ восьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою писано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

О Т Ч Е Т Ъ

Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ въ южной Болгаріи для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

По 31-е декабря 1887 года.

Къ 1-му іюля 1887 года капиталы Комитета состояли: А) изъ процентныхъ бумагъ, по нарицательной ихъ стоимости: 1) 5⁰/₀ облигацій 3-го восточнаго займа, на 314,300 р., 2) такихъ-же облигацій 1-го займа, на 150 р., 3) свидѣтельствъ государственной комиссіи погашенія долговъ на 6⁰/₀ золотую ренту, на 111,875 р., 4) 5⁰/₀ облигацій с.-петербургскаго городского кредитнаго общества, на 900 р., итого 427,225 р., Б) въ наличныхъ деньгахъ на сумму 15,662 р. 44 к., всего 442,887 р. 44 к. Къ нимъ поступило съ 1-го іюля по 31-е декабря 1887 года: А) пожертвованій наличными деньгами: а) чрезъ хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ на 297 р. 93 к., б) поступившихъ непосредственно въ Комитетъ 6 р. 1 к., итого 303 р. 94 к., В) процентовъ по процентнымъ бумагамъ, состоящимъ въ капиталахъ Комитета 13,643 р. 99 к., С) выручено за проданныя 12—5⁰/₀ облигацій 3-го восточнаго займа, по 1,000 р. каждая, съ купонами на срокъ 1 ноября 1887 года 12,029 р. 17 к., D) приобрѣтено въ запасный капиталъ 6—5⁰/₀ облигацій 3-го восточнаго займа, 1,000 р. каждая, съ купонами на срокъ 1 мая 1888 г., всего по нарицательной стоимости на 6,000 р. E) получено капитальныхъ по вышедшей въ тиражъ 5⁰/₀ облигаціи с.-петербургскаго городского кредитнаго общества 100 р. Итого съ 1-го іюля по 31-е декабря въ приходѣ 32,077 р. 10 к., а всего съ остаткомъ отъ іюня 1887 года въ приходѣ 474,964 р. 54 к.

Съ 1-го іюля по 31-е декабря израсходовано наличными деньгами: 1) переведено въ распоряженіе завѣдывающаго работами по постройкѣ храма на текущіе расходы 23,372 р. 40 к., 2) уплачено 5⁰/₀ сбора съ капиталовъ Комитета 389 р. 96 к., 3) тоже государ-

ственному банку за храненіе цѣнностей 16 р. 15 к., 4) тоже за 6—5% облигацій 3-го восточнаго займа на 6,000 р. нарицательныхъ 5,889 р. 36 р., 5) тоже за купленную, взаѣмн. вышедшей въ тиражъ, 5% облигацію с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества въ 100 р. 96 р. 27 к., 6) продано 12—5% облигацій 3-го восточнаго займа, по 1,000 р. каждая, съ купонами на 1-е ноября 1887 г., всего по нарицательной стоимости на 12,000 р. 7) Издержано на дѣлопроизводство, помѣщеніе канцеляріи, канцелярскія принадлежности, печатаніе отчетовъ и бланковъ, телеграфные и почтовые расходы, освѣщеніе и т. п. 686 р. 7 к., итого съ 1-го іюля по 31-е декабря въ расходѣ 42,450 р. 21 к. Затѣмъ къ 1-му января 1888 г. въ остаткѣ: А) процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ: 1) 5% облигаціями 3-го восточнаго займа 308,300 р., 2) 5% облигаціями 1-го восточнаго займа 150 р., 3) свидѣтельствами государственной комиссіи погашенія долговъ на 6% золотую ренту 111,875 р., 4) 5% облигаціями с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества 900 р., итого 421,225 р., В) наличными деньгами: а) хранящихся на особомъ счетѣ въ государственномъ банкѣ 11,229 р. 65½ к., б) находящихся въ кассѣ Комитета 59 р. 67½ к., итого 11,289 р. 33 к., всего въ наличности 432,514 р. 33 к. Балансъ 474,964 р. 54 к.

Изъ общей суммы 432,514 р. 33 к., 125,450 р. процентными бумагами (въ томъ числѣ 122,200 р. 5% облигаціями 3-го восточнаго займа и 3,250 р. свидѣтельствами на 6% золотую ренту) и 155 р. 51½ к. кредитными билетами составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ на обезпеченіе причта и будущаго ремонта сооружаемой церкви, а 1,000 р. процентными бумагами (въ томъ числѣ 5—5% облигацій с.-петербургскаго городскаго кредитнаго общества на 900 р. и 1—5% облигація 1-го восточнаго займа въ 100 р.) и 55 р. 48 к. наличными деньгами имѣютъ данныя жертвователями специальныя назначенія.

Съ открытія Комитета по 31-е декабря 1887 года поступило пожертвованій на 432,827 р. 14½ к., процентовъ на оныя 156,148 р. 34 к. Полученнаго обратно, удержаннаго за 1885—1887 гг., 5% сбора съ капиталовъ Комитета 2,016 р. 62½ к., поступило обратно посланныхъ въ Филиппопольское отдѣленіе Комитета и не дошедшихъ по назначенію 500 р., итого 591,493 р. 11 к. Кромѣ того получено прибыли при продажѣ и покупкѣ, въ 1880 году, процентныхъ бумагъ 17 р. 18 к., тоже отъ выхода въ тиражъ 1—5% облигацій с.-петербургскаго городскаго кредитнаго обще-

ства въ 100 р., 3 р. 73 к., выручено отъ продажи процентныхъ бумагъ (облигацій 3-го восточнаго займа на сумму 127,000 рублей нарицательныхъ) 124,035 р. 7 к., итого 715,549 р. 9 к. Употреблено изъ оныхъ на покупку процентныхъ бумагъ (помѣщено въ процентныя бумаги) 595,859 р. 84¹/₂ к., израсходовано (въ томъ числѣ уплаченнаго 5% сбора съ капиталовъ 1,996 р. 97 к.) 107,749 р. 91¹/₂, итого 703,609 р. 76 к., въ остаткѣ 11,939 р. 33 к. Въ томъ числѣ процентными бумагами, поступившими отъ жертвователей (въ числѣ 421,225 рублей) 650 р. Дѣйствительный остатокъ наличными деньгами 11,289 р. 33 к. Куплено за 595,859 р. 84¹/₂ к. процентныхъ бумагъ по нарицательной цѣнѣ на сумму 547,575 р., изъ нихъ продано на 127,000 р., остается 420,575 р., а съ присоединеніемъ пожертвованныхъ процентными бумагами 650 р., итого въ наличности процентными бумагами 421,225 р.

Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ: Всемилостивѣйше пожаловано въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ 1,000 р., пожертвовано Его Свѣтлостью Княземъ Александромъ Баттенбергскимъ 400 р., пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30,032 р. 43 к., поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными приходскими священниками, причетниками и консисторскими чиновниками 166,037 р. 55¹/₂ к.

NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Афонскими монастырями 8,112 р.

Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5,918 р. 38 к., пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20,929 р., поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7,634 р. 98 к., пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55,289 р. 32 к.

NB. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Божѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича—50,000 руб.

Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ 7,189 руб. 70¹/₂ коп., собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чи-

нами 78,425 р. 26 к., отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста 4,463 р. 83 к., русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границу 6,559 р. 5½ к., ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к., частныхъ банковыхъ обществъ и учрежденій 2,222 р. 40 к., желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 16,813 р. 62 к., содѣжателей фабрикъ и заводовъ 8,560 р. 2 к., купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5,763 р. 7 к., мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей 931 р. 44 к., непосредственно отъ крестьянъ 7,509 р. 25 к., отъ клубовъ и общественныхъ собраній 430 р. 50 к. разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно 4,542 р. 46 к., содѣжателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 720 р. 47 к., биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ 462 р. 50 к. итого 432,827 р. 14½ к.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами: въ 1880 г., отъ А. О. Лутушиной — образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ, отъ Настоятеля и Братіи Благовѣщенской Никандровой пустыни, Псковской епархіи — икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченный крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшеніями; въ 1881 г.: отъ мануфактуръ-совѣтника Н. И. Оловянишникова — церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 каддила, 3 блюда, 2 крошила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, муропоказанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, кубекъ, чаша, — мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса; отъ священника Николаевскаго прихода, слободы Нивольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова — два шелковыхъ платка для престола; въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной — церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Певзѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшева и двухъ блюдеъ; 73 аршина новины (холста), доставленные Ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ); въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи — ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чаши, потира, дискаса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-ти лѣтня царствованія въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра Николаевича; отъ благо-

чиннаго Боровскаго собора, священника Василя Казанскаго—26 аршинъ холста; въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка протоіерея Павла Фаворскаго—образъ Рождества Христова, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; отъ В. И. Иконникова — кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ; разновременно отъ неизвѣстныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: „Св. Равноапостольные Просвѣтителі славянъ Кирилль и Меѳодій“ и „Слово въ день Св. Равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителі Кирилла и Меѳодія, произнесенное 11-го мая 1882 г. въ Исаакіевскомъ соборѣ протоіереемъ Іоанномъ Палисадовымъ“.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Троицкой церкви села Михайловки, Валковскаго уѣзда, *Андрей Фодоровъ* уволенъ заштатъ, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ въ духов. семинаріи псаломщикъ Знаменской церкви села Знаменскаго, того-же уѣзда, *Иванъ Рокитянский*.

— При Вознесенской церкви слоб. Курячевки, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленіемъ епархіальнаго начальства 1/3 ноября н. г. открыта вакансія второго священника, на которую опредѣленъ 3 ноября окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи *Константинъ Жуковский*.

— Священники: Скорбященской церкви г.р. Чугуева *Николай Сильванскій* и Христорожественской церкви села Бороваго, Зміевскаго уѣзда, *Алексій Пономаревъ* Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренниками.

— Безиѣстный священникъ *Леонидъ Сильванскій* опредѣленъ на второе священническое мѣсто къ Георгіевской церкви слободы Поповки, Изюмскаго уѣзда, а на второе псаломщицкое мѣсто къ сей-же церкви опредѣленъ исправляющимъ должность священнической сынъ *Василій Инноковъ*.

— Безиѣстный и запрещенный діаконъ *Григорій Мухинъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской г. Ахтырки церкви.

— Іеродіаконъ Рясвянскаго Свято-Димитріевскаго монастыря *Арсеній* рукоположенъ въ іеромонаха.

— Псаломщикъ Покровской церкви села Глазуновки, Зміевского уѣзда, *Михаилъ Павловъ* перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви слободы Ливана, а на псаломщицкое мѣсто къ церкви села Глазуновки назначенъ исправляющимъ должность псаломщика безмѣстный причетникъ *Порфирій Мигулинъ*.

— Псаломщики церковей Валковскаго уѣзда—Воскресенской слободы Коломака: *Стефанъ Заграфскій* и Покровской слободы Миньковки *Константинъ Стефановскій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Окопчившій курсъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ *Гавріилъ Сукачевъ* опредѣленъ на должность псаломщика къ Знаменской церкви села Знаменскаго, Валковскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика при доховой церкви *Іоанна Лѣствичника* въ с. Николаевкѣ, Сумскаго уѣзда, *Григорій Поповъ* утвержденъ въ сей должности.

— Псаломщикъ Ахтырской Николаевской церкви *Михаилъ Ерханъ*, согласно прошенію его, уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

— Псаломщикъ Самотоевской Николаевской церкви Ахтырскаго уѣзда *Григорій Бородаевскій* волею Божию умеръ, а на мѣсто его опредѣленъ псаломщикомъ сынъ его *Петръ Бородаевскій*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ въ церквахъ—села Лебяжьяго, Зміевского уѣзда, крестьянинъ *Инатій Колесникъ*; Николаевской слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Петръ Перевышковъ* на второе трехлѣтіе; Успенской слоб. Климовки, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Максимъ Ивановъ Кальченко*; Успенской сл. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Симеонъ Ивановъ Пелипетъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Подробности о катастрофѣ 17 октября.—Постановленія различныхъ учреждений въ память чудеснаго спасенія Царственной Семьи 17 октября.—Мнѣніе о причинахъ крушенія Императорскаго поѣзда.—Измѣненіе въ академическомъ уставѣ.—Обученіе народа церковному пѣнію.—Обученіе ремесламъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

— Заимствуемъ изъ „Новаго Времени“ нѣкоторыя подробности, частнымъ путемъ добытыя газетою отъ лицъ, бывшихъ очевидцами крушенія Императорскаго поѣзда. Вотъ разсказъ художника Зичи, находившагося въ томъ-же вагонѣ, въ которомъ завтракалъ Государь Императоръ съ Своимъ Семействомъ и приближенными.

„Въ передней части вагона-столовой помѣщался буфетъ, въ задней—маленькое отдѣленіе, гдѣ сервирована была закуска. Въ са-

мой столовой, между буфетомъ и отдѣленіемъ для закуски, столъ помѣщался въ срединѣ и былъ привинченъ къ полу и стѣнкамъ вагона. Въ центрѣ стола, съ лѣвой стороны, сидѣлъ Государь, на лѣво отъ него: статсъ-дама Шереметьева, генераль-адъютантъ Зиновьевъ и флигель-адъютантъ Шереметьевъ, помѣщавшійся всего ближе къ буфету; съ правой стороны Государя сидѣли: фрейлина графиня Кутузова, генераль-адъютантъ Рихтеръ, великій князь Георгій Александровичъ и лейбъ-акушеръ Гиршъ. Напротивъ Государя сидѣла Государыня, имѣя по правую руку министра путей сообщенія, Государя Наслѣдника, фрейлину графиню Кутузову и меня, а по лѣвую: графа Воронцова-Дашкова, генераль-адъютанта Мартынова, великую княжну Ксевію Александровну и генераль-адъютанта Черевина. Намъ только что подали гурьевскую кашу; я видѣлъ, какъ официантъ, служившій съ моей стороны, направился ко мнѣ съ блюдомъ, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе впередъ, наклонилъ блюдо съ кашей и вылилъ мнѣ горячую кашу на плечи и на колѣни. Не успѣлъ я опомниться, какъ послѣдовалъ страшный трескъ и толчокъ, или, собственно, три толчка, три момента, какъ я отчетливо помню; при первомъ толчкѣ выбросило изъ подъ нашихъ ногъ полъ вагона, при второмъ толчкѣ насъ круто повернуло съ вагономъ въ сторону, слѣва на право, при третьемъ—накрыло насъ крышей вагона и мы очутились точно въ могилѣ. Продолжалось это нѣсколько мгновеній... Благодаря куполообразной крышѣ вагона насъ не очень придавило... Крыша навалилась на насъ косо; съ моей стороны, между стѣнкой вагона и крышей, было отверстіе, черезъ которое я и вышелъ; за мной вышла графиня Кутузова, за нею Государь; Государыня, насколько я помню, была вынута изъ окошка вагона. Всѣ мы спаслись точно чудомъ, но нѣкоторые изъ насъ получили ушибы. У Государя оказался сплюснутымъ серебряный портсигаръ въ карманѣ съ правой стороны; генерала Черевина поранило осколками зеркала въ лѣвую руку и шею; генераль-адъютанты Зиновьевъ, Посъетъ и Мартыновъ тоже получили легкія поврежденія. Одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ катастрофы, бессознательно сунулъ серебряную ложку въ карманъ и внезапно забылъ, какъ звали его убитаго камердинера. Всѣхъ больше пострадалъ флигель-адъютантъ Шереметьевъ, у котораго раздробило пальцы лѣвой руки и сильно помяло грудь. Официантъ Лаутеръ, служившій со стороны Государя, былъ выброшенъ съ подносомъ черезъ двери въ буфетъ и убитъ наповаль. Всѣ находившіеся въ буфетѣ, въ передней части вагона, или убиты, или страшнымъ обра-

зомъ изувѣченъ. Собака, принадлежавшая Государю Императору, „Камчатка“ найдена также раздавленной. Я отдѣлялся очень счастливо; у меня всего нѣсколько ничтожныхъ царапинокъ на рукахъ, но я все-таки до сихъ поръ нахожусь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ катастрофы. Нѣтъ, нѣтъ, да и вспомню все, что мы пережили въ тѣ часы. Никогда не забуду я Императора и Императрицы въ первыя минуты послѣ крушенія. Они сами ухаживали за ранеными. Какъ теперь помню я Государыню, ласково ободрявшую одного изъ тяжело раненыхъ и всячески старавшуюся его утѣшить. Страшно подумать, чѣмъ могло бы все это кончиться, если-бы не Промыслъ Божій“...

Великая Княжна Ольга Александровна (ей шестой годъ) сидѣла въ вагонѣ, который шелъ позади вагона-столовой. Великая княжна, выброшенная невредимо изъ вагона, увидѣвъ Государя, сказала ему: „Папа, не безпокойся. Мнѣ ничего, я не ушиблась. Только ужъ дальше я ни за что не поѣду“.

По словамъ другихъ очевидцевъ, войска (уѣхоты и казаки), охранявшія путь, тотчасъ-же ружейными выстрѣлами дали знать по линіи о несчастіи съ поѣздомъ и быстро стали стягиваться къ мѣсту катастрофы. Тотчасъ-же на казацкихъ лошадяхъ были посланы увѣдомленія на ближайшія будки о принятіи мѣръ къ огражденію пути отъ двигавшихся сзади поѣздовъ. Поѣздной телеграфистъ, съ трудомъ добывъ изъ подъ обломковъ вагона свой переносный аппаратъ, также пустилъ его въ дѣло и принялся давать телеграммы о крушеніи, о принятіи мѣръ для подавія помощи и о высылкѣ поѣздовъ, вспомогательнаго и санитарнаго. Вѣсть о несчастіи съ Императорскимъ поѣздомъ быстро разнеслась по линіи — помощь спѣшила со всѣхъ сторонъ. На тройкѣ прискакалъ мѣстный исправникъ и привезъ съ собою дорожнаго мастера съ рабочими и инструментами. Слѣдовавшій сзади 2-й Императорскій поѣздъ, извѣщенный по телеграфу о немедленномъ прибытіи, не заставилъ себя долго ожидать. На поѣздѣ прибылъ докторъ Раухфусъ съ обильнымъ запасомъ медицинскихъ и перевязочныхъ средствъ. На этомъ-же поѣздѣ прибыли дворцовые городовые и прислуга для работъ. Въ то время, какъ съ разныхъ пунктовъ притекала помощь, на мѣстѣ крушенія, не смотря на ужасную погоду (шелъ дождь съ изморозью) и страшную грязь, — шли усиленныя работы по спасенію раненыхъ, уцѣлѣвшихъ отъ крушенія, и по подавію имъ первой помощи. Его Императорское Величество Государь Императоръ самъ распоряжался извлеченіемъ раненыхъ изъ подъ обломковъ разбитыхъ вагоновъ, а великіе князья и лица свиты съ

прибывшими нижними чинами и оставшеюся въ живыхъ прислугою лично выполняли приказанія Его Величества. Ея Величество Государыня Императрица съ дамами, ее сопровождавшими и лейбъ-хирургомъ Гиршемъ обходили раненыхъ, подавали имъ помощь и всѣми силами старались облегчить ихъ ужасныя страданія. Часа чрезъ 2 послѣ крушенія со станціи Борки прибылъ вспомогательный поѣздъ, а нѣсколько позже и санитарный съ медицинскимъ персопаломъ изъ Харькова. Уже начинало темнѣть, когда закончилась разборка раненыхъ и убитыхъ. Когда всѣ раненые были перенесены въ санитарный поѣздъ, Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Семействомъ и свитою пересѣлъ на второй Императорскій поѣздъ и, въ виду прегражденія пути, изволилъ отбыть назадъ, на станцію Лозовую. Всѣхъ пострадавшихъ при крушеніи поѣзда 58 человекъ: изъ нихъ убито на мѣстѣ 21, умеръ въ больницѣ 1, осталось на излѣченіи въ Харьковѣ раненыхъ 23, доставлено въ Петербургъ 13 человекъ. („М. Ц. В.“)

— Русскіе люди на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества вознесли благодарственныя молитвы Всевышнему за милость Его, явленную Россіи избавленіемъ Государя Императора и Августѣйшаго Семейства Его отъ опасности. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникла мысль объ ознаменованіи этого событія особеннымъ образомъ. Такъ, Харьковская городская дума постановила устроить часовню на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда 17 октября, и ассигновала на это 30,000 р. Екатеринбургское уѣздное земское собраніе, по полученіи телеграммы съ подробными свѣдѣніями о катастрофѣ 17 октября, рѣшило, между прочимъ, ассигновать 5,000 р. на устройство при женской гимназіи церкви во имя равноапостольной Маріи Магдалины въ честь ангела Ея Величества. Липецкая дума въ экстренномъ засѣданіи постановила: въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшей Семьи отъ опасности 17 сего октября, поставить въ часовнѣ Петра Великаго икону св. Осіи и Андрея Критскаго съ неугасимою лампадой и ежегодно въ часовнѣ служить благодарственный молебенъ, освобождать ежегодно отъ платы 20 учениковъ и предоставить пяти лицамъ военнаго вѣдомства бесплатное лѣченіе на липецкихъ минеральныхъ водахъ. Царицинская дума постановила соорудить во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго соборный храмъ и основать ремесленное училище, наименовавъ его „Александровскимъ“. Кіевская городская дума постановила: 1) въ память спасенія драгоцѣнной жизни Царской Четы и Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей соорудить кіотъ съ обра-

зомъ свитыхъ, празднованіе конхъ совершается православною Церковью 17 октября. Кіотъ съ этимъ образомъ поставитъ въ храмѣ во имя св. кн. Александра Невского, сооружаемомъ нынѣ въ Кіевѣ, въ дворцовомъ паркѣ. Предъ образомъ повѣситъ въ кіотѣ неугасаемую лампаду; 2) городской Александровской больницѣ прибавитъ 10 кроватей, назвавши ихъ для бѣднѣйшихъ людей.

— Сообщая о рѣшеніи Харьковской думы соорудить часовню на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, „Кіевск. Слово“, между прочимъ, говоритъ: „намъ кажется по тому самому, что было-бы по душѣ русскаго народа событіе 17 октября чествовать столько же какъ отрадное и счастливое спасеніе драгоцѣнныхъ всей Россіи жизней, сколько великое и поразительное по своей благодати явленіе Бога русскому народу на землѣ, гдѣ случилось крушеніе поѣзда. Харьковъ какъ будто эту мысль воспріялъ немедленно, подъ впечатлѣніемъ первой великой радости, и назначилъ 30 тысячъ рублей на сооруженіе часовни,—съ тѣмъ, чтобы тамъ совершалось 17 октября богослуженіе благодарственное и за упокой убитыхъ. Но намъ кажется, что этого рода чествованіе недостаточно удовлетворяетъ русскому чувству. Тутъ не памятникъ пужень—тутъ нуженъ именно храмъ молитвы, немолчный и живой—во славу Божьяго явленія русскому народу... Пусть церковь строится, и пусть около этой церкви селенье образуется: вмя ему готово: село „Чудесное“, на примѣръ, село „Богоявленское“, и чтобы въ этой церкви и въ этомъ селѣ жило постоянное памятованіе 17 октября, и на вопросъ черезъ сто лѣтъ: зачѣмъ здѣсь эта церковь, зачѣмъ это село, не сторожь и не мертвый камень, а цѣлыя поколѣнія могли въ разказахъ изъ рода въ родъ славить Бога и высокія проявленія челоуѣколюбія русскаго Царя. Вотъ что намъ кажется самое достойное событія 17 октября и самое подходящее къ русскому чувству, всякаго знатнаго и незнатнаго, богатаго и бѣднаго. Каждый дастъ на эту церковь кто рубль, кто копѣйку. Главное, чтобы это не была роскошь и милліонная церковь, а простая каменная церковь, съ причтомъ, съ больницею, на примѣръ, со школою и съ починомъ устройства селенія. Сердечный памятникъ, а не казенный, сердечный русскій, соответствующій тому духу, который проявили на этомъ мѣстѣ Русскій Государь, Его Супруга и Его Дѣти, слѣдовательно, въ духѣ Ихъ сердца, въ духѣ Ихъ дѣлъ и Ихъ жизни. И Богу этого рода приношеніе русскаго народа будетъ пріятнѣе дорогой часовни, которая 364 дня въ году будетъ стоять пустою и безмолвною.

— Въ числѣ причинъ, послужившихъ причиной крушенія Импе-

РАТОРСКАГО ПОѢЗДА 17 ОКТЯБРЯ БЛИЗЪ СТ. „БОРКИ“, „ПЕТЕРБ. ВѢД.“ УКАЗЫВАЮТЪ НА КРУТИЗНУ ПОЛОТНА ТОГО МѢСТА КУРСКО-ХАРЬКОВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ, НА КОТОРОМЪ ПРОИЗОШЛО КРУШЕНІЕ. „ПО ПРОФИЛЮ, ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНОЕ ПОЛОТНО ЗДѢСЬ, СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ, РИСУЕТСЯ ВЪ ВИДѢ ЧРЕЗВЫЧАЙНО КРУТАГО, МИНИМАЛЬНОГО ЗАКРУГЛЕНІЯ, А СЪ ДРУГОЙ—ВЪ ВИДѢ ВЫСОКАГО УКЛОНА (СКАТА). ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ, НА ЭТОМЪ ПУНКТѢ ФАТАЛЬНО СОЧЕТАЛИСЬ НАИБОЛѢЕ РИСКОВАННЫЯ ИНЖЕНЕРНЫЯ УСЛОВІЯ“.

Указавъ на другія причины схода съ рельсъ Императорскаго поѣзда: лопнувшій рельсъ, ветхость министерскаго вагона, сошедшаго первымъ на насыпь, гнилыя шпалы, „Сп. В.“ останавливаются на строительныхъ условіяхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. „Во всякомъ случаѣ, что-бы ни было ближайшею и непосредственною причиною крушенія, не слѣдуетъ упускать изъ виду указаннаго нами неблагоприятнаго сочетанія въ самомъ профилѣ желѣзнодорожнаго пути. Такова, какъ говорятъ, не одна курско-харьково-азовская дорога. Крутые, кривые и сильные уклоны, само собою разумѣется, дадутъ большую экономію при постройкѣ. На чей совѣсти остается грѣхъ? Во всякомъ случаѣ, казна тутъ ни причемъ. Нашей казпѣ постройка желѣзнодорожной версты обходится дороже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было за-границею, и тѣмъ не менѣе, въ смыслѣ безопасности, наши пути сообщенія ниже всякой критики. Больше 40 верстъ въ часъ можно безъ риска дѣлать только на николаевской, да, пожалуй, на варшавской дорогѣ. За-границею наши скорые поѣзда могли-бы конкурировать развѣ съ товарными. Не говоря уже объ англійскихъ, швейцарскихъ и американскихъ дорогахъ, даже во Франціи 100 верстъ въ часъ считается довольно обыкновенною скоростью, а изъ Парижа въ Орлеанъ поѣздъ мчитъ, на примѣръ, даже со скоростью 115 верстъ. Не вдаваясь въ подробности, доступныя однимъ только специалистамъ, укажемъ хотя-бы на самый способъ укладки рельсовъ. У насъ рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ при помощи самыхъ простыхъ „клещей“. Разумѣется, это очень ненадежное и примитивное скрѣпленіе. Въ большей-же части заграничныхъ дорогъ, рельсы захватываются вплотную особыми стальными шурупами. Это не Богъ знаетъ сколько стоитъ, а между тѣмъ сообщаетъ полотну громадную стойкость и силу“.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. исполнявшимъ обязанности синодальнаго оберъ-прокурора опредѣленія Св. Синода, Высочайше соизволилъ на изъятіе изъ вѣдѣнія совѣтовъ духовныхъ академій дѣль, подлежавшихъ, по § 81 уст. дух. акад. (п. 1 л. б.), разсмотрѣнію сихъ совѣтовъ, объ увольне-

ніи по прошеніямъ и исключеніи студентовъ академій, и на передачу сихъ дѣлъ въ вѣдѣніе академическихъ правленій.

— „Новости“ сообщаютъ слѣдующія интересныя подробности относительно обученія народа церковному пѣнію. Въ началѣ прошлаго учебнаго года въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній началось обученіе народа церковному пѣнію. Обученіемъ руководилъ регентъ Казанскаго собора подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сотрудничающаго музею общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви. Хоръ, въ 800 голосовъ, пѣлъ церковныя службы исключительно по слуху и въ относительно короткое время подготовился настолько, что теперь поетъ въ каждый воскресный день въ Казанскомъ соборѣ (обѣдню и вечерню), содѣйствуя увеличенію числа молящихся и полагая серьезное начало всенародному пѣнію въ церквахъ. Народныя церковныя спѣвки этого хора повторяются еженедѣльно, по четвергамъ, отъ 9 час. вечера, въ большой аудиторіи педагогическаго музея, и, слѣдуетъ прибавить, имѣютъ, вообще говоря, молитвенный характеръ. Руководство обученіемъ въ этихъ классахъ, какъ сообщаетъ „Русск. Инв.“, рѣшено удержать за тѣмъ-же регентомъ Казанскаго собора, который обнаружилъ уже много усердія, такта и умѣнья, руководя образованіемъ народно-церковнаго хора. Музей и общество духовно-нравственнаго просвѣщенія, подъ непосредственнымъ надзоромъ которыхъ будетъ ведено обученіе въ классахъ, приняли на себя расходы, этимъ обученіемъ вызываемыя; самое-же обученіе будетъ предлагаемо бесплатно. („М. Ц. В.“)

— Въ настоящее время больше и больше сознается насущная потребность введенія ремеслъ въ народныя школы. Въ виду этого, между прочимъ, преобразована епархіальная ремесленная школа въ нижегородской епархіи, при чемъ предположено, что ученики этой школы, хорошо изучившіе ремесла, будутъ назначаемы въ церковно-приходскія школы для преподаванія въ нихъ ремеслъ. Въ виду того же обстоятельства земства учреждаютъ ремесленные отдѣленія при народныхъ школахъ. По словамъ „Од. Н.“, вопросъ о ремесленныхъ отдѣленіяхъ при сельскихъ училищахъ давно уже занимаетъ наши земства, въ томъ числѣ и земства южныхъ губерній, и отдѣленій этихъ существуетъ уже не мало. Какъ разъяснено въ журналѣ „Народная школа“, изъ земствъ одни признаютъ за „отдѣленіями“ серьезное значеніе въ распространеніи ремесленныхъ знаній, другія отводятъ имъ въ этомъ дѣлѣ весьма скромную роль. („Церк. Вѣстн.“).

— „Русское Дѣло“ помѣстило недавно рядъ замѣтокъ о нашей

духовной школѣ. Выходя изъ того положенія, что наше сельское духовенство неустойчиво въ своихъ начинаніяхъ, пассивно и вообще не соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ, удовлетвореніе которыхъ лежитъ на современномъ пастырѣ,—авторъ „замѣтокъ“ останавливается на причинахъ этого явленія. Одною изъ главнѣйшихъ, если не самою главнѣйшею причиною печальнаго состоянія пастырской дѣятельности въ Россіи, по мнѣнію автора, служитъ семинарское преподаваніе и воспитаніе. Для доказательства онъ беретъ духовенство столичное, которое, при сравнительной обезпеченности и извѣстномъ положеніи въ обществѣ, и при высшемъ философско-богословскомъ образованіи, тѣмъ не менѣе далеко не обладаетъ нужнымъ пастырскимъ вліяніемъ и вообще не стоитъ на высотѣ пастырскаго призванія.

Прежде всего замѣчается въ молодомъ священникѣ-академикѣ отсутствіе пастырскаго духа въ обращеніи съ людьми. Не говорю я о типахъ отрицательныхъ, а беру лучшіе, не вносящіе отъ своей личной воли ничего, кромѣ желанія служить добру. Священникъ-академикъ говоритъ языкомъ официальныхъ бумагъ со свѣтскими людьми; онъ не словоохотливъ и весьма остороженъ въ выраженіяхъ; охотно перемалчиваетъ при легкомысленныхъ заявленіяхъ дешевыхъ рационалистовъ. Въ проповѣдяхъ онъ рѣшительно невыносимъ. Объективизмъ, состоящій въ устраненіи души говорящаго, въ праздномъ логизированіи, или въ утомительныхъ историческихъ сообщеніяхъ,—вотъ главная черта получасовой проповѣди академическаго кандидата; кончается тѣмъ, что простолудины ничего не поняли, а интеллигенты не могли даже до конца достоять. На исповѣди молодой священникъ—я говорю о лучшихъ—или, конфузясь, торопится дослушать признаніе кающагося и отпускаетъ его безъ совѣта, или тономъ прокурора, цитирующаго законъ, подавляетъ грѣшную душу строгостью церковнаго закона, и притомъ такого, коего обязательность вовсе чужда сознанія кающагося. На урокахъ Закона Божія этотъ типъ является исключительно преподавателемъ, а не священникомъ; разъясненія катихизиса и церковной исторіи у него сводятся къ пополненію учебниковъ частнѣйшими фактами богословско-историческихъ наукъ; наставленія его на школьныхъ актахъ взываютъ къ исполненію учащимися требованій законовъ школы, государства и церкви, но законовъ, конечно, дисциплинарныхъ: хожденія къ богослуженію, ученію уроковъ и почитанію властей.

III годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ III.

на 1889 годъ.

На еженедѣльный иллюстрированный журналъ для чтенія въ христіанской семьѣ

4 руб.

за годъ съ
пересылк.**„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“**

2 р. 50 к.

за полгода съ
пересылк.

Адресъ редакціи: Москва, Кожевники, домъ Троицкой церкви.

Въ наступающемъ 1889 году журналъ „Воскресный День“, какъ и въ 1888 году будетъ выходить еженедѣльно. Редакція будетъ стремиться къ выполненію основной своей цѣли: доставить истинно-полезное и занимательное чтеніе для русской христіанской семьи. Имѣя въ виду облегчить долгу пастыря православно русской церкви при удовлетвореніи распространяющейся въ простомъ народѣ потребности къ образованію, Редакція будетъ помѣщать на страницахъ своего журнала и статьи, примѣнимыя къ вѣбогослужбынымъ собесѣдованіямъ съ народомъ. Кроме того, для этой именно цѣли будутъ прилагаемы къ журнальнымъ номерамъ отдѣльныя „Воскресные Листки“, предметомъ содержанія которыхъ будутъ служить: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія Святыхъ, описаніе особо-чтимыхъ чудотворныхъ иконъ православной Церкви съ нравственными приложеніями къ жизни народа. Каждый „Листокъ“ будетъ украшенъ иллюстраціей, соотвѣтствующею содержанію листа.

Программа журнала:

I. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ. 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей русской церковной и гражданской. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское Богослуженіе. Исторія его и значеніе. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвигъ проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣрованій инородцевъ. 7) Христіанская мысль: вѣрученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Естественное богословіе. Духовно-наравоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Духовныя размышленія, стихотворенія. 8) Религіозно-нравственная оцѣна на художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь: повѣсти, рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни. 10) Извѣстія и замѣтки о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей. 11) Библиографія. Новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ.

II. ИЛЛЮСТРАЦИИ. 1) Изображеніе Св. угодниковъ Божіихъ, видъ Св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари. 2) Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и проч. Типы инородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры. 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. 4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

Въ приложеніи „Воскресные листки“: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія Святыхъ и описаніе чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ православной Церковью.

Редакторъ-издатель священникъ С. Я. Уваровъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

Историческое изслѣдованіе.

А. Вертеловскаго.

Выпускъ I. Харьковъ. 1888. Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к.

Продается въ Харьковѣ: въ книжномъ магазинѣ Д. Н. Полуехтова (на Московской ул.) и въ магазинѣ „Новаго Времени“ (Екатерин. ул.).

Въ Декабрѣ настоящаго 1888 г. наступаетъ выпускъ учениковъ перваго курса

БЕЗПЛАТНОЙ ШКОЛЫ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ

ПРИ КІЕВО-МИХАЙЛОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ

и приемъ на новый курсъ будетъ произведенъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Прошенія отъ лицъ желающихъ поступить въ школу будутъ приниматься въ теченіи Декабря сего 1888 года.

2. Прошенія подаются на имя Преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигринскаго съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: а) училищнаго свидѣтельства, б) метрическаго свидѣтельства, в) свидѣтельства о поведеніи отъ мѣстнаго Начальства и г) узаконеннаго вида на жительство.

3. Число вакансій на предстоящій курсъ ученія въ школѣ пѣнія 25. Двадцать принятыхъ учениковъ будутъ получать отъ монастыря квартиру, столъ, отопленіе, освѣщеніе, книги, скрипки, струны и прочія учебныя пособія (одежда же и обувь должны имѣть свою), а пять будутъ приняты съ тѣмъ, чтобы они жили внѣ монастыря на своемъ содержаніи.

4. Въ школу могутъ поступать молодые люди не ранѣе 18 лѣтъ, по преимуществу изъ духовнаго званія, учившіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ или съ успѣхомъ окончившіе курсъ начальныхъ народныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ или выдающіеся особою способностію къ чтенію и пѣнію, монастырскіе послушники-клярошане.

5. Предметы обученія въ школѣ: а) Законъ Божій, т. е. Священная исторія Ветхаго и Новаго завета, объясненіе православнаго богослуженія, Катихизисъ и существенно необходимыя свѣдѣнія по Церковной Исторіи, б) Церковно-богослужебное чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ и элементарная грамматика церковно-славянскаго языка въ связи съ русскою, в) Церковный уставъ г) теорія пѣнія д) практика пѣнія по нотнымъ церковно-богослужебнымъ книгамъ и изученіе осмогласія православной Церкви, е) методика начальнаго обученія и ж) игра на скрипкѣ.

6. Курсъ ученія въ школѣ двухгодичный; ученіе начнется съ 12 Января 1889 года.

7. Испытанія желающимъ поступить въ школу будутъ произведены 9, 10 и 11 Января 1889 года. Къ этому времени и должны явиться всѣ тѣ лица, которыя подадутъ прошенія объ опредѣленіи ихъ въ школу, такъ какъ приема въ школу среди курса не будетъ.

8. При испытаніи будетъ обращено особое вниманіе на то, чтобы желающій поступить въ школу пѣнія, при знаніи предметовъ начальнаго общеобразовательнаго курса, имѣлъ хорошій голосъ—баса или тенора и правильный музыкальный слухъ, умѣлъ отчетливо и безошибочно читать по церковно-славянски.

9. Принятые въ школу въ жизни своей подчиняются общимъ требованіямъ монастырскаго устава и присутствуютъ при ежедневныхъ монастырскихъ службахъ, обязательно участвуя въ кляросномъ чтеніи и пѣніи.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.